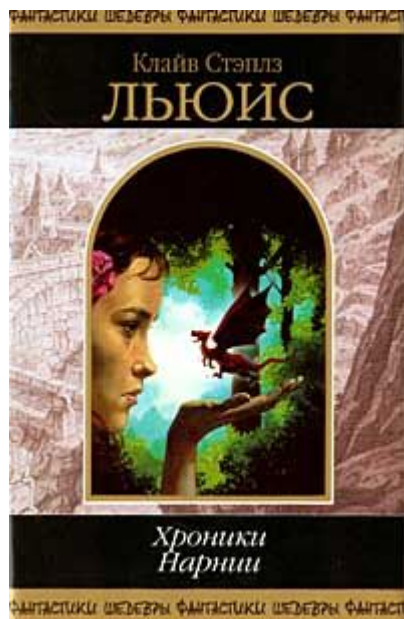

Клайв Стейплз Льюис
Серебряное кресло

Серия: *Хроники Нарнии* – 4

Аннотация

«Хроники Нарнии» – это избранная книга, сравниться с которой может разве что «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Символично и то, что Толкиен и создатель «Хроник Нарнии» Клайв Льюис были близкими друзьями, а теперь их книги ежегодно переиздаются и соперничают по популярности. Так же как и «Властелин Колец», «Хроники Нарнии» одинаково любимы и детьми, и взрослыми. Суммарный тираж «Хроник Нарнии» превысил 100 миллионов экземпляров. Юстейс с другом бегут от школьных забияк-мучителей сквозь калитку со школьного двора – и оказываются на пустынной равнине Нарнии.

Клайв Стейплз Льюис Серебряное кресло

Глава ПЕРВАЯ. ЗА ШКОЛОЙ

В тот скучный осенний день Джил Поул плакала, стоя позади одного из школьных зданий. Плакала она потому, что ее дразнили. Наша история вовсе не о школе, так что о ней много рассказывать не стоит. Мальчики учились там вместе с девочками, и в старину такие заведения называли школами смешанного обучения. Только если где что и смешалось, так в головах начальства. Эти горе-учителя считали, что детям надо позволять все, что им нравится. Как на беду, десятку ребят постарше больше всего нравилось дразнить и мучить остальных. В любой другой школе навели бы порядок за пару месяцев, но в этой творились жуткие вещи. А если что и всплывало на свет Божий, то никого не наказывали. Директриса заявляла, что это – «интересный случай», вызвала провинившихся и часами с ними беседовала. Тот, кто знал, как ей подыграть, мог даже стать ее любимчиком.

Вот почему Джил Поул и плакала скучным осенним днем на мокрой тропинке между физкультурным залом и зарослями кустарника. Она еще вдоволь не наплакалась, когда из-за угла вылетел, чуть не наскочив на нее, насвистывающий мальчик – руки в карманах.

– Ты что, слепой? – спросила Джил.

– Ладно, – начал было мальчик, но тут заметил ее заплаканное лицо. – Чего это ты, Джил?

Губы у девочки дергались. Так всегда бывает, когда хочешь что-то сказать, но знаешь, что расплачешься, едва откроешь рот.

– Значит, опять они, – нахмурился мальчик, еще глубже засовывая руки в карман.

Джил кивнула. Обоим и без слов было понятно, о чем речь.

– Слушай, – сказал мальчик, – ну что толку, если мы все... Он думал ее утешить, а вышло, будто начал читать лекцию. Джил вдруг вскипела, да и как не вскипеть, когда не дают выплакаться.

– Вали отсюда, – сказала она. – Тебя забыли спросить. Тоже мне, учитель выискался. По-твоему, значит, надо к ним подлизываться всю жизнь, и, вообще, вокруг них плясать, да?

– Господи, – сказал мальчик. Он присел на травянистый пригорок под кустами, но тут же вскочил, потому что трава была жутко мокрая. Звали его Юстас Ерш, но был он парень ничего. – Джил! Это нечестно. Я в этой четверти ничего подобного не делал. Ты что, забыла, как я за Картера вступился, ну тогда, с кроликом? И Спиввинса я не выдал, даже когда меня колотили. А помнишь...

– Ничего не знаю и знать не хочу, – всхлипнула Джил.

Юстас понял, что она еще не пришла в себя и протянул ей мятный леденец, положив такой же и себе за щеку. Джил понемногу успокаивалась.

– Ты извини, Ерш, – сказала она. – Это, правда, нечестно. Ты в этой четверти очень хороший.

– Ну и забудь, какой я раньше был, – сказал Юстас. – В прошлой четверти я точно был скотина.

– Был, был, – сказала Джил.

– Значит, ты думаешь, я изменился?

– Я не одна так думаю, – сказала Джил. – Они тоже заметили. Мне Элеонора Блейкстоун сказала, что про тебя Адела Пеннифазер говорила у нас в раздевалке: – «Этот мальчишка, Ерш, он в этой четверти совсем плох. Но мы им скоро займемся».

Юстас вздрогнул. Все в этом заведении – а оно называлось, к слову, Экспериментальной школой, – знали, чем такие слова пахнут.

Дети замолчали. Слышно было, как падали капли воды с листьев лавра.

– А почему ты так переменялся? – спросила Джил.

– Со мной на каникулах случилась куча интересных вещей, – загадочно произнес Юстас.

– Каких это?

– Слушай, Джил, – сказал Юстас, помолчав, – мы ведь с тобой оба жутко ненавидим эту школу, точно?

– Еще бы, – сказала Джил.

– Значит, я тебе могу доверять.

– И на том спасибо, – отозвалась Джил.

– Так вот. Я тебе могу рассказать потрясающие вещи. Послушай, смогла бы ты поверить в разные такие штуки, над которыми другие смеются?

– Не знаю, не пробовала, – сказала Джил. – Наверное, сумею.

– Ты сможешь поверить, если скажу тебе, что я на каникулах побывал в другом мире?

– То есть как это?

– В другом мире, в смысле... ну ладно. В таком месте, где животные умеют разговаривать и где есть... ну... чудеса и драконы, и все прочее, как в сказках...

Ершу было так трудно все это объяснить, что он даже покраснел.

– А как же ты туда попал? – спросила Джил.

Почему-то она тоже смутилась.

– Способ тут один-единственный, – тихо сказал Юстас, – волшебство. Мы там были с моей двоюродной сестрой и братом. Нас туда просто... ну как это... унесло. А они там и раньше бывали.

Теперь, когда они заговорили шепотом, Джил стала как-то легче верить Юстасу. И вдруг ее охватило ужасное подозрение, и она сказала, на минуту став похожей на тигрицу:

– Если я только узнаю, что ты меня водишь за нос, я никогда больше не буду с тобой разговаривать. Никогда!

– Я не вру, – сказал Юстас. – Честное слово. Клянусь чем угодно.

(Когда я был мальчиком, мы клялись на Библии. Но Библию в Экспериментальной школе не жаловали).

– Ладно, – сказала Джил, – верю.

– Ты никому не скажешь?

– Да ты что?

Оба они порядком разволновались. Но тут Джил оглянулась вокруг, увидела скучное осеннее небо, услышала, как с листьев падают дождевые капли, и вспомнила о всякой школьной тоске. В этой четверти было тринадцать недель, а прошло из них всего две.

– Ну и что толку? – сказала она. – Мы-то ведь не там, мы здесь. И попасть туда ни за что не сможем. Да?

– Я и сам все думаю, думаю, – отозвался Юстас. – Когда мы вернулись из Того Места, Он нам сказал, что эти ребята, Певенси, мой брат с сестрой, туда больше не попадут, они там уже три раза побывали. Наверное, им хватит. Но мне-то он ничего такого не говорил, а уж наверняка, сказал бы, будь мне туда путь заказан. Вот я и думаю, как же все-таки...

– ... Туда попасть? – подсказала Джил.

Юстас кивнул.

– Наверно, надо начертить на земле круг и написать в нем всякие таинственные слова непонятными буквами, и встать в него, и произносить разные заклинания?

– Нет, – сказал Юстас, поразмыслив. – Я тоже примерно так думал, только эти круги и заклинания все-таки чушь собачья. По-моему, они Ему не понравятся. Как будто мы Его хотим заставить что-то сделать. А мы Его можем только просить.

– Ты о ком говоришь? – спросила Джил.

– В Том Месте его зовут Аслан, – отвечал Юстас.

– Что за необыкновенное имя!

– Сам он еще необыкновенней, – торжественно сказал Юстас. – Ну что, попробуем? От просьбы вреда не будет. Давай-ка встанем рядом, а руки вытянем вперед, ладонями вниз... как на острове Раманду...

– На каком таком острове?

– Потом расскажу. Наверное, ему понравится, если мы встанем лицами на восток, только где же тут восток?

Джил пожала плечами.

– Все девчонки такие, – проворчал Юстас, – никогда сторон света не знают.

– Будто ты знаешь, – рассердилась Джил.

– Я-то сейчас найду, если ты мешать не будешь. Есть! Восток там, где лавровые кусты. Будешь за мной повторять?

– Что повторять?

– Слова, которые я скажу. Ну...

И он начал:

– Аслан, Аслан, Аслан!

– Аслан, Аслан, Аслан! – повторила Джил.

– Впусти нас, пожалуйста, в...

И тут с другой стороны здания физкультурного зала донесся голос:

– Джил Поул? Прекрасно знаю, где она. Ревет за физкультурным залом. Привести ее?

Переглянувшись, Джил и Юстас нырнули в заросли лавра и начали карабкаться по скользкому склону, с завидной быстротой продираясь сквозь кусты. В Экспериментальной школе никто толком не знал математики, латыни или французского, зато можно было научиться быстро и тихо скрываться, когда тебя разыскивали.

Через минуту-другую они остановились и, прислушавшись, различили за спиной шум погоны.

– Хоть бы дверь оказалась снова открыта! – прошептал Юстас.

Джил кивнула. Заросли кустарника заканчивались каменной стеной. В ней имелась дверь, через которую можно было выйти на покрытую вереском пустошь. Дверь почти всегда была заперта. Но когда-то давно ее видели открытой, может статься, всего один раз, и этого было достаточно, чтобы школьники все время с надеждой дергали дверь. Ведь через нее так замечательно можно было бы незаметно удирать с территории школы!

Джил и Юстас, промокшие и перемазанные, – ведь они продирались сквозь кусты, согнувшись в три погибели, – добрались до стены. Дверь, как и положено, была заперта.

– Да, жди там, – сказал Юстас, сжимая дверную ручку, и вдруг вскрикнул: – Ой... Ура!

Ручка повернулась, и дверь открылась.

Секунду назад и Джил, и Юстас мечтали проскочить в дверь – если бы она оказалась открытой – одним махом. Но когда она и в самом деле распахнулась, они замерли от неожиданности.

Вместо серого, поросшего вереском склона, уходящего вверх, чтобы слиться там с бесцветным осенним небом, за стеной оказалось ослепительной яркости солнце. Таким оно бывает, когда июньским ясным днем распахиваешь после сна дверь сарая. Солнце высветило бусинки росы на траве и дорожки от скатившихся слез на лице Джил. Солнечный свет лился из какого-то места, очень смахивающего на другой мир. По крайней мере, такой зеленой и сочной травы Джил ни разу в жизни не видела, небо было голубое, а мелькавшие в воздухе создания были такие яркие, что вполне могли оказаться драгоценными камнями или огромными бабочками.

И хотя Джил всегда мечтала о такой стране, ей стало страшно. По лицу Ерша было видно, что он тоже побаивается.

– Пошли Джил, – сказал он, едва дыша.

– А вернуться как? Это не опасно? – забеспокоилась Джил.

В этот момент позади раздался противный, вредный голосок.

– Эй, Джил Поул, – пропищал голосок, – мы знаем, что ты там, вылезай.

Это была Эдит Джекл, не одна из них, но одна из их главных приспешниц.

– Скорей! – воскликнул Юстас. – Сюда. Давай руку!

И не успела Джил понять, что происходит, как он схватил ее за руку и протолкнул в дверь, прочь от школы, прочь из Англии, прочь из нашего мира, в То Место.

Голос Эдит Джекл умолк, словно его выключили, и сменился совсем другими звуками. Они исходили от летающих созданий, которые оказались птицами. Только напоминали эти звуки не птичий гам, а музыку, такую музыку, какую сразу не поймешь. И все же, несмотря на пение, Джил и Юстас ощущали, что здесь царит глубочайшая тишина. Из-за этой тишины, да еще потому, что воздух был удивительно свеж, Джил подумала, что они стоят на горной вершине. Юстас по-прежнему держал ее за руку. Джил повсюду видела деревья, похожие на кедры, только более высокие. Росли они редко, без подлеска, и лес далеко просматривался направо и налево. Всюду было одно и то же: ровная трава, птицы с желтыми, бирюзовыми и радужными перьями, голубые тени. В прохладном светлом воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка.

Это был одинокий лес.

Перед ними, над верхушками деревьев, было голубое небо. Они молча шли вперед, пока Юстас вдруг не вскрикнул: «Осторожно!» Джил отшатнулась назад. Они стояли на краю высокого

утеса.

Джил была из тех счастливиц, которые не боятся высоты. Ей ничего не стоило подойти к самому краю пропасти. Так что она рассердилась на Юстаса за то, что он дернул ее назад. «Что я, ребенок, что ли?» – буркнула она, и вырвала руку. А увидав, как Ерш побледнел, сделала презрительную гримасу.

– Ну, что с тобой?

Чтобы показать свою смелость, она встала совсем на краю, даже ближе, чем ей хотелось, и посмотрела вниз.

Тут она поняла, что Юстас не зря побледнел, потому что никакой утес в нашем мире не сравнится бы с этим. Представьте себя на вершине самой высокой горы, какая только существует. И представьте, что вы смотрите вниз, на самое дно пропасти. А потом вообразите, что пропасть эта еще в десять раз, в двадцать раз глубже. А еще представьте, что под вами в этой глубине проплывают небольшие белые комочки, похожие на овец, и вы вдруг понимаете, что это – облака. Не крошечные сгустки тумана, а огромные, пушистые, белые облака, большие, словно горы. И вот, наконец, между этими облаками вы впервые видите дно пропасти, и оно так далеко, что непонятно, лес это или поле, земля или вода. Зато видно, что от него до облаков еще дальше, чем от облаков до вас.

Завороженно глядя, Джил думала, что все-таки лучше бы отойти на шаг-другой от края, только перед Юстасом своего страха показывать не хотелось. Так она стояла, пока неожиданно не почувствовала, что лучше бы отойти поскорее от этого проклятого обрыва и никогда в жизни больше не смеяться над теми, кто боится высоты. Но шевельнуться она не смогла – ноги у нее словно отнялись. И перед глазами все поплыло.

– Ты что делаешь, девчонка ненормальная! – закричал Юстас. – Отойди!

Голос его словно доносился издалека. Джил почувствовала, как он вцепился в нее, но руки и ноги уже ее не слушались. В какой-то момент они с Юстасом стали бороться на самом краю обрыва. У нее внезапно закружилась голова, и она не совсем понимала, что делает, но две вещи запомнила на всю жизнь и нередко потом видела их во сне. Сначала она вырвалась у Юстаса из рук, и в ту же секунду он потерял равновесие и с ужасным криком сорвался в пропасть.

К счастью, у нее не оказалось времени предаваться мукам совести. На краю скалы вдруг оказался какой-то огромный светлый зверь. Он лег, свесился вниз и, что самое странное, принялся дуть. Не рычать, не фыркать, а именно дуть своей широко раскрытой пастью. Дул он сильно и равномерно, как пылесос, только что не втягивал воздух, а выпускал. Джил была так близко к зверю, что ощущала дрожь, проходящую по всему его телу. Лежала она неподвижно, потому что не могла шевельнуться, и с удовольствием бы потеряла сознание, если бы это можно было делать по желанию. Наконец, она увидела далеко внизу крохотное черное пятнышко, улетающее одновременно вдаль и слегка вверх. Когда оно поравнялось с вершиной утеса, то было уже так далеко, что исчезло из виду. Оно двигалось с огромной скоростью. Джил не могла не подумать, что его уносит дыхание неведомого существа, лежащего рядом с нею.

Она обернулась и посмотрела на зверя. Это был лев.

Глава ВТОРАЯ. ДЖИЛ ПОЛУЧАЕТ ЗАДАНИЕ

Даже не взглянув на Джил, лев поднялся на лапы и дунул в последний раз. Затем, довольный своей работой, он повернулся и медленно прошествовал в лес.

«Это просто сон, самый обыкновенный сон, – подумала девочка.

– Сейчас я проснусь».

Но это был не сон, и она не проснулась.

– И зачем я только попала в это кошмарное место, – сказала Джил. – Юстас, небось, тоже знал о нем не больше меня. А если знал, то нечего было меня тащить сюда, не предупредив. Я не виновата, что он свалился. Если бы он не вцепился в меня, все было бы в порядке. – Тут она вспомнила крик Юстаса, падающего со скалы, и разразилась рыданиями.

Плакать неплохо, покуда льются слезы. Но рано или поздно они кончаются, и все равно приходится решать, что же делать. Вытерев слезы, Джил поняла, что ей страшно хочется пить. До сих пор она лежала ничком, а теперь села. Птицы больше не пели, и вокруг стояла мертвая тишина. Только один слабый, но упорный звук раздавался где-то вдалеке. Прислушавшись, она поняла,

что это скорее всего журчание бегущей воды.

Джил встала и внимательно осмотрелась. Льва и след простыл, но он вполне мог скрываться где-то неподалеку среди деревьев. А может, этих львов было несколько? Но жажда заставила ее набраться смелости и отправиться туда, откуда доносился шум воды. Шла она на цыпочках, прокрадывалась от одного дерева к другому и на каждом шагу останавливаясь, чтобы оглядеться.

Стояла такая тишина, что девочка без труда различала, откуда раздается журчание. С каждым шагом оно становилось яснее, и вскоре Джил вышла на открытую поляну. Чистый, как стекло, прозрачный ручей бежал сквозь траву совсем рядом с ней. Но хотя при виде воды Джил захотела пить в сто раз сильнее, она не бросилась к ручью, а застыла, как каменная, открыв рот.

На берегу ручья лежал лев.

Он разлеся, подняв голову и вытянув передние лапы, словно львы на Трафальгарской площади. Джил сразу поняла, что он ее увидел. Но взглянув на нее, зверь тут же отвернулся, словно не хотел ее замечать.

«Если я кинусь бежать, – подумала Джил, – он тут же меня догонит. А если подойду – попаду к нему прямо в пасть».

Как бы то ни было, она застыла на месте как вкопанная, не в силах отвести глаз от могучего зверя. Ей казалось, что она стоит так уже несколько часов. Вдруг она ощутила такую жажду, что ей стало все равно, съест ее лев или нет – лишь бы сначала напиться.

– Если ты хочешь пить, подойди и напейся.

Это были первые слова, которые она слышала с тех пор, когда Ерш говорил с ней на краю обрыва. Она стала оглядываться по сторонам, пытаясь сообразить, кто же это говорит, и тут голос повторил:

– Если ты хочешь пить, подойди и напейся.

Конечно, она тут же вспомнила рассказ Ерша о говорящих животных, и поняла, что это голос льва. И голос был чувствительным, глубоким, совсем необыкновенным. Страх ее не пропал, но стал каким-то другим.

– Разве ты не хочешь пить? – спросил лев.

– Ужасно хочу, – призналась Джил.

– Вот и попей, – сказал лев.

– А можно... то есть... вы не могли бы отойти в сторонку, пока я буду пить?

Вместо ответа лев только посмотрел на нее и зарычал. При виде его неподвижного тяжелого тела Джил поняла, что с тем же успехом могла бы попросить об этом гору.

Вкусное журчание воды сводило ее с ума.

– А вы не могли бы пообещать не трогать меня, если я подойду?

– Я ничего не обещаю, – сказал лев.

Жажда так мучила Джил, что она незаметно для самой себя подошла на шаг ближе к ручейку.

– А вы едите девочек? – спросила она.

– Я поглотил немало девочек и мальчиков, мужчин и женщин, королей и императоров, родов и царств, – отвечал лев без всякого хвастовства, сожаления или гнева. Просто отвечал.

– Я боюсь подойти, – созналась Джил.

– Тогда ты умрешь от жажды, – сказал лев.

Джил и в голову не пришло не поверить ему, да и кто бы не поверил, встретив его взгляд. И она вдруг решила. Превозмогая небывалый страх, она подошла к ручью, стала на колени и зачерпнула ладонью воду. Джил никогда не пробовала такой прохладной, освежающей воды. Она решила удрать от льва, как только напьется, но потом поняла, что это было бы опаснее всего.

– Подойди, – произнес лев.

Ей пришлось подойти. Она стояла почти между передними лапами льва, глядя ему прямо в глаза, но долго выдержать не смогла и опустила взгляд.

– Дитя человека, – сказал лев, – где же твой друг?

– Он упал с обрыва, – ответила Джил и добавила: – Сэр.

Она не знала, как обращаться к зверю, но обходиться без обращения было бы невежливо.

– Как же это приключилось, дитя человека?

– Он боялся, что я упаду со скалы, сэр.

– Почему же ты стояла так близко от края?

– Я хвасталась своей смелостью, сэр.

– Очень хороший ответ, дитя человека. Не делай так больше, – в этих словах не было прежней суровости. – Этот мальчик в безопасности. Силой моего дыхания он долетел до Нарнии. Но из-за того, что ты натворила, тебе будет труднее выполнить поручение.

– Какое поручение, сэр?

– То, ради которого я вызвал тебя с мальчиком из вашего мира.

Джил была очень озадачена. «Он меня с кем-то путает», подумала она, но не осмелилась сказать об этом льву. А сказать надо было, чтобы не вышло ужасного недоразумения.

– Выскажи свою мысль, дитя человека, – произнес лев.

– Я думала... понимаете... нет ли тут какой-нибудь ошибки? Нас с Ершом никто не вызывал. Это мы сами захотели сюда попасть. Юстас сказал, что надо попросить кого-то, я забыла, какое-то незнакомое имя, и он нас, может быть, впустит. Мы попросили, и дверь оказалась открытой.

– Вы бы не стали просить меня, если бы я этого не захотел, – сказал лев.

– Так вы и есть этот кто-то, сэр?

– Да, это я. А теперь выслушай поручение. Далеко отсюда, в Нарнии, один старый король горюет о том, что у него нет наследного принца. А где его единственный сын, похищенный много лет назад, и жив ли он еще – никто в Нарнии не знает. Но он жив. Я повелеваю тебе искать похищенного принца до тех пор, покуда ты не найдешь его и не приведешь к королю.

– Но как же я его найду? – воскликнула Джил.

– Я объясню тебе, дитя, – сказал лев. Вот знаки, которые будут направлять твой поиск. Первый знак: оказавшись в Нарнии, Юстас сразу встретит своего старого друга. Юстас должен тотчас подойти к нему, и он очень поможет. Второй знак: вы должны отправиться из Нарнии на север, покуда не доберетесь до развалин города древних великанов. Третий знак: на одном из камней в этом разрушенном городе вы увидите надпись. Поступите согласно ее повелениям. Четвертый знак: вы узнаете принца, потому что он будет первым в Нарнии, кто попросит вас помочь ему ради меня, Аслана.

Лев, кажется, кончил. Джил решила, что надо ответить ему, и сказала:

– Спасибо вам большое. Мне все понятно.

– Дитя, – голос льва смягчился, – может быть, ты поняла меня не так хорошо, как тебе кажется. Первым делом перечисли мне по порядку все четыре знака.

Джил попробовала, сбилась, но лев поправил ее и заставил повторять снова и снова, покуда, наконец, она не запомнила все как следует. Он вел себя очень терпеливо, так что под конец Джил, набравшись храбрости, спросила:

– Скажите, пожалуйста, как же мне добраться до Нарнии?

– Силой моего дыхания, – отвечал лев. Оно понесет тебя на запад, как Юстаса.

– А я успею передать ему первый знак? Или это неважно? Ведь он, наверное, сам догадается подойти к своему старому другу, правда?

– Времени у тебя будет мало, – сказал лев. – Вот почему я должен отправить тебя немедленно. Ступай. Подойди к обрыву.

Джил отлично понимала, что торопиться приходится по ее собственной вине. «Если б я не валяла дурака, – думала она, мы с Ершом отправились бы в путь вместе. И он бы тоже услышал все наставления». Так что она послушалась льва. Но было страшно идти снова к пропасти, и особенно оттого, что лев шел не рядом с нею, а позади, и мягкие его лапы ступали бесшумно.

Она не дошла еще до края, когда услышала сзади голос льва: «Остановись, сейчас я начну дуть. Главное – помни, помни, помни мои знаки. Повторяй их: и просыпаясь по утрам, и вечером оправляясь спать, и пробуждаясь посреди ночи. Какие бы удивительные вещи ни случались с тобой, упорно следуй знакам. И еще об одном хочу предупредить тебя. Здесь, на горе, я говорил с тобой ясно – но в Нарнии такое будет нечасто. Здесь, на горе, воздух чист, и разум твой тоже чист, а в долине воздух уплотняется. Но не смущайся... Знаки, которые ты увидишь в Нарнии, будут не совсем такими, как ты представляешь. Вот почему так важно помнить знаки наизусть, не обращать внимания на их внешнюю оболочку. Не забывай об этом. Остальное несущественно. А теперь, дочь Евы, прощай...» Голос становился все тише и в конце концов совсем затих. Джил обернулась. К своему изумлению, она обнаружила, что улетела уже на сотню с лишним метров от обрыва, а лев превратился в ярко-золотое пятнышко на его краю. Она боялась, что львиное дыхание будет грубым и резким; она в страхе стискивала зубы и сжимала кулаки. А дыхание оказалось та-

ким нежным, что девочка даже не заметила, как отделилась от земли. И теперь под ней были только многие сотни метров воздуха.

Боялась она всего мгновение. Во-первых, мир под ней был так далеко, что казался чем-то совсем посторонним. И потом, плыть на львином дыхании оказалось удивительно удобно. Джил обнаружила, что может ложиться на спину или на живот, может поворачиваться во все стороны, точь-в-точь, как в воде, если, конечно, по-настоящему умеешь плавать. Она плыла со скоростью львиного дыхания, ветра не было, и воздух казался замечательно теплым. Она не чувствовала ничего похожего на то, что чувствуешь в самолете, не было ни шума, ни тряски. Если бы Джил доводилось когда-либо летать на воздушном шаре, она могла бы сказать, – что это похоже, но только лучше.

Оглянувшись, она впервые увидела, на какой огромной горе только что стояла. Непонятно было, почему такой пик не покрыт льдом и снегом, и Джил подумала, что в этом мире все, наверное, не так, как у нас. Потом она взглянула вниз, но из-за высоты не сумела даже разобрать, над сушей она летит или над морем, и с какой скоростью.

«Господи, а знаки как же! – вдруг вспомнила Джил. – Повторю-ка я их». После мгновенного испуга она обнаружила, что все прекрасно помнит. «Вот и отлично,» – сказала она, и с наслаждением легла на воздух, словно на диван.

«Признаюсь, – сказала она себе самой несколько часов спустя,

– что я заснула. Ну и смех, спать в воздухе! До меня это, пожалуй, никому не удавалось. А впрочем, нет – Юстас ведь тоже так летал. Что же там внизу?»

Небо под ней напоминало просторную синюю равнину. Гор на этой равнине не было, зато по ней неспешно проплывали какие-то порядочных размеров белые штуки. «Облака, наверное, – подумала она. – Только они куда крупнее тех, что мы видели со скалы. Надо полагать, они просто ближе. Я спускаюсь. Ой, ну и солнце!»

Солнце, которое в начале путешествия Джил стояло высоко в небе, теперь било ей прямо в глаза, а значит, сиделось где-то впереди. Юстас был совершенно прав, когда упрекал Джил в том, что она, как и все девчонки, не знает, где какая часть света. Иначе она поняла бы, по бьющему в глаза солнцу, что летит на запад.

Всматриваясь в синюю равнину внизу, она заметила там и сям пятнышки побледнее и поярче. «Это море, – подумала Джил, и острова». Так оно и было. Джил наверняка бы позавидовала Ершу, если б знала, что он видел некоторые из этих островов с корабельной палубы, а кое на каких даже побывал. Но она об этом не знала. Позже она начала различать складки на голубой глади, небольшие морщинки, которые на самом деле были гигантскими волнами. У горизонта появилась темная полоска, растущая прямо на глазах, и Джил впервые ощутила, как стремительно она летит. Кроме того, она поняла, что полоска эта не что иное, как берег.

Вдруг слева появилось огромное белое облако, которое летело на той же высоте, что и она. Не успела Джил опомниться, как уже очутилась в самой глубине его, в сырости и холоде. На секунду у нее захватило дух. Когда она вынырнула в блестящие солнечные лучи, то была насквозь мокрая (на ней были свитер, куртка, брюки, носки и спортивные туфли на толстой подошве, – по-нашему

– кроссовки). А когда она выплыла из облака, то сразу различила звуки, о которые успела позабыть. До сих пор она летела в мертвой тишине, а теперь услышала шум волн и крики чаек. Вдобавок до нее долетел запах моря.

Сомневаться, быстро ли она летит, уже не приходилось: не успела она увидеть, как сталкиваются две волны, разбиваясь и пенясь, как они уже были метрах в ста позади. Земля приближалась все быстрее. В глубине острова виднелись горы. Она видела заливы и холмы, леса, поля и полосу песчаного побережья. Звук прибоя становился все громче, заглушая остальные звуки.

И вдруг справа от нее показалась земля. Джил приближалась к устью реки, летя совсем низко, в одном-двух метрах над водой. Гребень волны коснулся ее ног, окатив пеной почти до пояса. Скорость падала, Джил приближалась к левому берегу. Перед глазами промелькнуло так много всего, что она растерялась: мягкая зеленая лужайка, яркий корабль, похожий на огромный драгоценный камень, башни и зубчатые стены, реюющие на ветру флаги, толпа в праздничных одеждах, доспехи, золото, мечи, барабаны, флейты. Все это смешалось в ее глазах. Потом она ощутила землю и поняла, что находится в прибрежной роще, а совсем недалеко от нее стоит Юстас.

Первым делом она заметила, как он перепачкан и растрепан. А потом сообразила, что и сама

с головы до ног промокла.

Глава ТРЕТЬЯ. КОРОЛЬ УХОДИТ В ПЛАВАНИЕ

Юстас, да и Джил, сумеи она себя увидеть, удивились бы, какими замарашками выглядели они в окружающем их сиянии. Давайте-ка я об этом расскажу.

Сквозь ущелье в горах, которые летевшая Джил видела в глубине острова, на плоскую равнину золотом лились лучи заходящего солнца. Вдалеке, на равнине сверкал флюгерами замок с множеством башен и башенок. Джил никогда не видела такого прекрасного замка. Поближе была набережная из белого мрамора, у причала стоял золотисто-багряный парусник с высоким носом и высокой кормой, с большим флагом на мачте, развевающимися флажками на каждой палубе и блестящими, словно серебро, щитами вдоль фальшборта. С пристани на корабль были перекинута сходня и по ним готовился взойти седой старик, одетый в пурпурную мантию поверх серебряной кольчуги. Голову его венчал тонкий золотой обруч. Белая борода старика спускалась почти до пояса. Стоял он довольно прямо, опираясь рукой на плечо богато одетого вельможи

– не столь уж дряхлого, но тоже старого и немощного, со слезящимися глазами. Казалось, его может унести порыв ветра.

Король собирался произнести речь. Перед ним стояло кресло на колесиках, в которое был впряжен ослик, размером не больше крупной собаки. Толстый карлик, сидевший в кресле, был одет не хуже самого короля, но из-за своей округлости сливался с бархатными подушками, которыми был обложен. Он был, вероятно, ровесником королю. Несмотря на преклонные годы, глаза его были живыми и проницательными. Огромная лысина сверкала в лучах заката, словно гигантский бильярдный шар.

Дальше полукругом стояли придворные. На них стоило посмотреть хотя бы из-за одежд и доспехов. Толпа эта напоминала цветочную клумбу. Но что уж действительно заставило Джил широко раскрыть глаза и рот, так это сами встречающие. Дело в том, что многих из них нельзя было назвать людьми в полном смысле слова. Среди них были фавны, кентавры, сатиры. Ей доводилось видеть их только на картинках. И звери там стояли – медведи, барсуки, кроты, леопарды, мыши, самые разные птицы. Но они были совсем, совсем не такие, как в Англии. Некоторые были гораздо крупнее – мыши, например, ходили на задних лапках и достигали Джил до пояса. Да и выглядели они по-другому. По их лицам было ясно, что они умеют разговаривать и думать не хуже нас с вами.

«Ух ты, – подумала Джил. – Выходит, это правда?» И тут же отметила про себя: «А они не злые?» Это относилось и к стоящим с края толпы парочке великанов, и еще каким-то совсем уж непонятным созданиям.

...Тут в ее памяти всплыл Аслан и его знаки. За последние полчаса она о них ни разу не вспомнила.

– Ерш! – прошептала она. – Ерш, быстро! Ты тут никого не знаешь?

– А, так вот ты где! – не очень дружелюбно процедил Юстас. Надо сказать, у него были на это причины. – Помолчи-ка лучше, я послушать хочу.

– Не дури, – сказала Джил, – нам надо торопиться. Не видишь ли ты здесь кого-то из своих старых знакомых? Если есть кто, сразу подойди и поздоровайся.

– Ты о чем это?

– Так Аслан велел. Ну, лев. – Джил была в отчаянии. – Я его видела.

– Ты, ты его встретила? Что же он сказал?

– Что в Нарнии ты первым же делом встретишь старого друга. И тебе надо сразу же с ним заговорить.

– Я всех вижу впервые в жизни. И вообще, откуда мне знать, что мы с тобой в Нарнии?

– Я думала, ты здесь раньше бывал.

– Зря думала.

– Ничего себе! Ты же мне сам говорил.

– Ради Бога, помолчи, и давай послушаем, о чем там говорят.

Король о чем-то говорил с карликом. Джил прислушалась, но слова до нее не долетали. Карлик, насколько она понимала, ничего не отвечал, только кивал да мотал головой. Потом король, возвысив голос, обратился к придворным. Но голос у него был такой немощный, надтрес-

нутый, что Джил и тут почти ничего не поняла, тем более, речь шла о незнакомых ей местах и людях. Закончив речь, король нагнулся и поцеловал карлика в обе щеки, потом выпрямился, поднял правую руку, как бы благословляя, и неверными шагами двинулся по трапу на борт корабля. Все придворные, казалось, горячо переживали его отбытие. Некоторые вытащили носовые платки, иные громко всхлипывали. Потом сходни убрали, зазвучали трубы, и корабль начал отплывать от набережной. Его тянул небольшой буксир, скрытый от глаз девочки.

– А теперь... – Ершу не удалось продолжить, потому что в этот миг что-то большое и белое, блеснув в воздухе, приземлилось у его ног. Джил подумала, что это воздушный змей. А оказалось – очень большая, размером с порядочного карлика, белая сова.

Сова моргала и шурилась, словно страдала близорукостью; она склонила голову набок и сказала мягким, как бы ухающим голосом:

– Ту-уф-уф! Это еще что за парочка?

– Меня зовут Ерш, а ее – Джил Поул, – отвечал мальчик. – Вас не затруднит сообщить мне, где мы находимся?

– В стране Нарнии, у королевского замка Кэр Паравалья.

– Так это король только что отплыл?

– Ух и ах! – сова печально покачала головой. – Но кто же вы все-таки? Вы оба летели бесшумно, как пух, никто из провожавших короля не видел вас. И если б не мой тонкий слух...

– Нас послал сюда Аслан, – Юстас перешел на шепот.

– Ух-ты, ух-ты! – Сова взъерошила все свои перья. – Это для меня многовато в такой ранний вечер. Пока солнце не садится, я нику-уда не гожду-усь.

– Нас послали отыскать принца, – сказала Джил, которая страстно желала вставить слово.

– Первый раз слышу, удивился Юстас. – Какого принца?

– Вам нужно сразу же пойти к лорду-правителю, – сказала сова.

– Вот он, в кресле, запряженном осликом. Его зовут Карлик Трампкин. Птица повернулась и пошла, ухая себе под нос. – Ух-ух-ух-ух! Ну-и-ну! Не перенесу! В таком раннем часу!

– А как зовут короля? – спросил Юстас.

– Каспиан Десятый, – отвечала Сова. Джил не поняла, отчего Ерш вдруг замедлил шаг и страшно побледнел. Она никогда не видела его в таком отчаянии. Но не успела она спросить о причине волнения, как они уже подошли к карлику, подбиравшему поводья, чтобы отправиться в замок. Все придворные покидали набережную по двое, по трое, словно расходясь со скачек или спортивного матча.

– Ух-ух! Хм! Достопочтенный лорд-правитель, – сова выступила немного вперед и наклонила клюв к самому уху карлика.

– Что? – спросил тот. – В чем дело?

– Двое чужих, милорд, – сказала сова.

– Чужих? Каких чужих? Ты о чем говоришь? Я вижу двух весьма перепачканных человеческих детенышей. Чего они хотят?

– Меня зовут Джил, – Джил изнывала от желания объяснить ему, по какому важному делу они явились.

– Девочку зовут Джил, – крикнула сова во весь голос.

– Это еще что? Кто здесь жил? Какие девочки? Когда? Ничему не верю.

– Всего одна девочка, милорд, – сказала сова. – Ее зовут Джил.

– Давай, давай отсюда, брось щебетать и насвистывать мне в ухо. Кто жил?

– Никто, – проухала сова.

– Кто?

– НИКТО!

– Ладно, ладно, нечего так кричать. Я не такой глухой, в конце концов. Ты зачем, спрашивается, сюда явилась? Чтобы сообщить мне, что никто тут не жил! Откуда здесь возьмутся чижики?

– Лучше скажи ему, как меня зовут, – сказал Ерш.

– Мальчика зовут Ерш, милорд, – проухала сова громко-громко.

– Морж? – сердито переспросил карлик. – Какой морж? К чему нам этот зоопарк при дворе?

А?

– Не морж, а Ерш, это фамилия такая... Он хочет спасти...

– Пасти? У нас своих пастухов хватает. Ничего не разберу. Вот что, госпожа пернатая, когда

я был еще молодым карликом, в нашей стране обитали говорящие звери и птицы. Они в самом деле умели говорить, а не шамкать или бормотать. Такого бы тогда не потерпели. Ни на минуту. Ни на минуту, мадам. Урнус, подай, пожалуйста, мою слуховую трубку.

Маленький фавн, тихо стоявший подле карлика, протянул ему серебряную слуховую трубку, похожую на старинный духовой инструмент. Покуда карлик приспособлял его к своему уху, сова вдруг прошептала детям:

– У меня прояснилось в голове, наконец. О принце – молчок. Я потом все объясню. А пока ни гу-гу, ух-ху-ху!

– Ну вот, – сказал карлик, – если у тебя есть что-нибудь путное, сударыня, докладывай. Только вдохни поглубже и говори помедленней.

Тут на него напал приступ кашля. Кое-как сова с помощью детей все-таки растолковала ему, что пришельцы посланы Асланом к Нарнийскому двору. Карлик взглянул на них благосклонней.

– Сам лев их послал? – переспросил он. – Значит, вы... м-м-м... оттуда, из другого мира?

– Да, милорд! – проревел Юстас в трубку.

– Сын Адама и дочь Евы, так? – спросил карлик.

Увы, в Экспериментальной школе этого не проходили, так что Юстас и Джил не смогли на это ответить. Правда, карлик, похоже, этого не заметил.

– Ну что же, дорогие мои, – он взял за руку сначала Джил, потом Юстаса, и слегка склонил голову. Добро пожаловать. Если бы добрый король, мой бедный повелитель, не плыл бы сейчас к Семи Островам, он непременно бы обрадовался вашему прибытию и, может быть, на мгновение к нему бы вернулась молодость. А теперь пора ужинать. По какому делу вы прибыли – расскажете завтра на заседании Совета. Сударыня Сова, позаботься о том, чтобы гостям отвели почетные покои, дали одежду и все прочее. И... позволь-ка, скажу тебе на ухо...

Затем случилось небольшое недоразумение. Карлик склонился к самому уху совы и, несомненно, намеревался говорить шепотом. Беда в том, что из-за глухоты он не разбирал, громко он говорит или тихо, так что дети ясно услышали:

– И пусть их как следует вымоют!

После этого он тронул своего ослика, и тот не то затрусил, не то заковылял к замку. Это был очень толстый ослик. Фавн, сова и дети медленно следовали за ним. Солнце уже зашло, становилось прохладно.

Они пересекли лужайку и прошли сквозь фруктовый сад к северным воротам Кэр Паравалья. За воротами был поросший травой дворик. Из окон большого зала, находившегося справа от ограды, падал свет. Впереди, куда повела их сова, зажигались окошки причудливых зданий. К Джил приставили удивительно милую особу ростом чуть выше Джил, но куда тоньше и намного старше ее. Она была изящна, словно ива, и волосы у нее были как ивовые ветки, и в них, как показалось Джил, зеленел мох. Она привела девочку в расположенную в одной из башен круглую комнатку с небольшой ванной прямо в полу, с камином и люстрой, которая свисала со сводчатого потолка на серебряной цепи. Окно выходило на запад, на неизвестную страну Нарнию, и Джил различила за далекими горами багровые отсветы заката. Глядя на заходящее солнце, она поняла, что это только начало приключения.

После ванной Джил причесалась и надела приготовленное для нее платье, которое и сидело славно, и пахло замечательно, и даже приятно шуршало при движении. Она хотела еще раз посмотреть в удивительное окно своей комнаты, когда вдруг постучали в дверь.

– Входите, – сказала Джил. – И тут вошел Ерш, чистенький и разодетый по нарнийской моде. А вот лицо у него было совсем невеселое.

– Ты вот где, значит, – он сердито плюхнулся в кресло. – Я тебя уже сто лет ищу повсюду.

– Я же нашлась, – отозвалась Джил. – Слушай, Ерш, все тут так потрясающе, просто слов нет, правда? В эту минуту она решительно не помнила ни о пропавшем принце, ни о знаках.

– Ах, так тебе тут нравится? – Ерш помолчал. – Господи, и зачем только мы сюда угодили!

– Ты что?

– Не могу, – сказал Юстас, сил моих нет видеть короля Каспиана такой старой развалиной. Мне... мне страшно.

– Тебе-то что, Юстас?

– А, ты не понимаешь. Да и правда, я же тебе ничего не объяснил. Не сказал главное, что тут другое время. Не такое, как у нас.

– Как это?

– Пока мы здесь, там, у нас, время останавливается. Понимаешь? Сколько мы тут ни пробуем, а обратно в Экспериментальной школе очутимся в то же время, когда оттуда исчезли.

– Ничего себе...

– Не перебивай. А когда ты находишься в нашем мире, то неизвестно, сколько времени проходит здесь. У нас, допустим, год прошел, а тут намного больше. Мне Люси с Эдмундом объясняли, а я, идиот, забыл. Наверно, со времени моего прошлого посещения прошло лет семьдесят. Ясно теперь? И вот, я вернулся, а Каспиан уже совсем старик.

– Так значит, король и есть твой старый друг!

– Еще бы, – вид у Юстаса был совсем несчастный. – Друг, товарищ, приятель, что хочешь. В прошлый раз он был старше меня всего на пару лет. А теперь смотрю на этого старика с белой бородой и вспоминаю Каспиана каким он был тем утром, когда мы захватили Одинокое Острова, когда сражались с морским змеем, и сердце обливается кровью. Ужас какой-то. Лучше бы мне узнать, что он вообще умер.

– Заткнись ты честное слово, – рассердилась Джил. – Все гораздо хуже, чем тебе кажется. Мы с тобой первый знак проворонили.

Разумеется, Ерш ничего не понял, и Джил пришлось рассказать ему о своем разговоре с Асланом, о четырех знаках, и о том, что им было велено отыскать потерянного принца.

– Так что, – сказала она напоследок, – старого друга ты увидел, точь-в-точь, как Аслан говорил, и нужно было к нему сразу подойти и заговорить. А теперь все пошло насмарку с самого начала.

– Откуда мне было знать?

– Если бы ты слушал, когда тебе говорят, все было бы в порядке.

– Ну да, а если бы ты не валяла дурака на обрыве и чуть меня не угробила, то мы бы вместе увидели Аслана и прекрасно знали бы, что делать.

– Слушай, а он точно был первым кого ты увидел? – спросила Джил. – Ты же, наверно, прилетел куда раньше меня. Ты уверен, что не увидел первым кого-то еще?

– Ты прилетела сразу за мной. Буквально через минуту. Наверное, Аслан на тебя дул сильнее. Чтобы наверстать время, которое ты потеряла.

– Ну что ты вредничаешь, Юстас! – сказала Джил. – Ой, а это что такое?

Это звонил к ужину колокол замка, и размолвка, грозившая перерасти в настоящую ссору, благополучно прервалась, т. к. оба они уже успели проголодаться.

Ужин в большом зале замка превзошел своим великолепием все их ожидания. Хотя Юстас бывал в этом мире и раньше, но он путешествовал только по морю, и не знал о пышности пиров и учтивости нарнийцев у себя дома. С крыши свисали знамена, каждая перемена блюд возвещалась трубами и барабанным боем. Подавали такие супы, что слюнки текут при одном воспоминании о них, и диговинную рыбу лавандину, и оленину, и фазанов, и пироги, и мороженое, и желе, и фрукты, и орехи, и всевозможные вина и лимонады. Даже Юстас развеселился и заявил, что «у них тут на самом деле ничего себе». Когда все насытились, вышел слепой певец и запел старинную песню о принце Коре, девочке Аравис и коне Бри. Песня эта называется «Конь и его мальчик», и речь в ней о приключениях в Нарнии, в Клормене и в Срединных Землях, когда еще был Золотой Век и великим королем в Кэр Паравале был Питер. Жалко, что у меня сейчас нет времени пересказать эту чудную песню.

Покуда они взбирались наверх в свои покои, зевая во весь рот, Джил сказала: «Ну и выспимся же мы, Юстас!» Оба они здорово устали за день. Но, как говорится, человек предполагает, а судьба располагает.

Глава ЧЕТВЕРТАЯ. СОВИНЫЙ СОВЕТ

Чем больше хочется спать, тем порой труднее отправиться в постель, особенно если в комнате есть такая замечательная вещь, как камин. Джил сначала решила, что не стоит раздеваться, не посидев у огня, но потом просто не смогла подняться. Наверное, она уже в пятый раз сказала себе, что пора спать, как вдруг услышала стук в окошко.

За шторой поначалу совсем ничего не было видно, кроме темноты. Вдруг р-раз, в оконное стекло ударилось какое-то огромное существо. В голову ей пришла исключительно неприятная

мысль: «А вдруг тут водятся гигантские мотыльки? Бр-р-р!» Но существо тут же подлетело снова, и на этот раз Джил, кажется, различила клюв, которым оно и стучало в стекло. «Верно, это огромная птица, – решила она, – вроде орла». Принимать гостей, будь они даже орлиной породы, ей сейчас не слишком хотелось, но она все же открыла окно и выглянула наружу. В ту же секунду, прошумев крыльями, существо село на подоконник, заполнив собой весь оконный проем, так что Джил пришлось отступить назад. Это оказалась сова.

– Тише, тиш-ше! У-ух, у-у! – сказала она. – Ни зву-ука! Пу-у, вы с мальчиком, правда, будете выполнять поручение льва?

– Насчет пропавшего принца? Еще бы! – Джил вспомнила голос Аслана, который она почти позабыла, покуда пиновала и слушала певца.

– Хорошо! Тогда не теряйте времени и немедленно выбирайтесь отсюда. Я пойду разбужу твоего приятеля и вернусь за тобой. Сними эти придворные одежды и надень что-нибудь дорожное. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как я верну-усь. У-ух!

И сова улетела, не дожидаясь ответа.

Будь на месте Джил кто-нибудь более привычный к приключениям, может быть, он бы и засомневался в словах совы, но ей это и в голову не пришло; а мысль о полуночном побеге миглом разогнала сон. Она снова переделалась в свитер и брюки, нацепила на ремень походный нож, который мог пригодиться, и собрала кое-что из того, что оставила для нее девушка с ивовыми волосами: короткий, до колен, плащ с капюшоном, страшно полезный на случай дождя, пару носовых платков и расческу. Потом уселась и стала ждать.

Она было совсем заснула, когда сова возвратилась.

– Мы готовы – сказала птица.

– Вам лучше идти впереди – сказала Джил, – я еще не знаю всех этих проходов.

– Ух-ху! Через замок нам никак нельзя пройти. Тебе придется лететь на моей спине.

– Ой, – Джил раскрыла рот. Идея ей не слишком понравилась. А вам не тяжело будет?

– Ту-ух-ух! Глупости. Твоего приятеля я уже отвезла. Давай. Только сначала надо погасить лампу.

Стоило лампе погаснуть, и тот кусочек ночи, который виднелся в окне, стал уже не черным, а серым. Сова стала на подоконник и раскрыла крылья. Джил пришлось вскарабкаться на толстую спину совы и обхватить ее ногами, засунув их под крылья. Перья были мягкие и теплые. Только вот держаться было не за что. «Интересно, понравился ли такой полет Ершу?» – подумала Джил. И тут они одним махом сорвались с подоконника, возле ушей девочки зашумели крылья, а в лицо ей ударил прохладный и сырой ночной ветер.

Было куда светлей, чем она ожидала. По бледной серебряной прогалине между облаками угадывалась спрятавшаяся луна. Внизу серели поля и чернели деревья. Ветер был порывистый, шуршащий, словно перед дождем.

Сова описала круг, и замок оказался впереди. Лишь в нескольких окнах горел свет. Они пролетели прямо над замком на север и понеслись над рекой, где воздух был свежее. Джил почувствовалось, что в воде мелькнуло отражение совы. Вскоре они добрались до лесистого северного берега.

Сова на лету схватила что-то непонятное.

– Ой, не надо, пожалуйста! – крикнула Джил. – Не дергайтесь! Вы же меня чуть не сбросили!

– Прошу прощения, – ответила сова. – Я всего-навсего поймала летучую мышь. Ах, какая приятная мелочь, – подкрепиться толстенной летучей мышкой! Изловить для тебя одну?

– Нет уж, спасибо, – содрогнулась Джил.

Сова начала спускаться, и впереди вырисовалось что-то большое и темное. Джил едва успела увидеть, что это башня – полуразрушенная и, кажется, увитая плющом, – как ей пришлось быстро пригнуться, чтобы не удариться об оконный свод. Вместе с совой они протиснулись в затянутое паутиной отверстие, попав из серой ночной свежести в полную темноту верхнего этажа башни. Внутри было довольно душно, и кроме того, едва Джил слезла с совы, как шестым чувством поняла, что они здесь далеко не одни. Тут же со всех сторон стало раздаваться «Ту-ух! ту-ух!». Тогда стало ясно: компания состояла из сов. От сердца у нее немного отлегло, когда раздался знакомый голос:

– Ты, Джил!

– Это ты, Ерш? – откликнулась она.

– Ну, – сказала сова, – кажется, все в сборе. – Открываем Совиный Совет.

– Ух-тух! Обсудим все вслух! – дружно заухали остальные.

– Минутку, – перебил Ерш, – мне надо кое-что сказать.

– Давай, друг, ух-ух! – заговорили совы, а Джил добавила: "Валяй!"

– Вы ребята, то есть я имею в виду совы, вы все, верно, знаете, что король Каспиан в юности плывал на восток, на край света. Ну так вот, я с ним был тогда. С ним и с Мышью Репичипом, и лордом Дринианом, и всеми остальными. Я знаю, что в это нелегко поверить, но в нашем мире люди старятся не так быстро, как у вас. И вот чего я хочу сказать: я короля люблю, и если вы тут на своем совете что-то против него замышляете, то меня прошу не втягивать.

– Ух-ты, ух-ты – возмутились птицы. – Мы же королевские совы!

– А зачем тогда собрались?

– Понимаешь ли, – отвечала сова, – если лорд-регент, карлик Трам, узнает, что вы собираетесь искать пропавшего принца, то он вас не пустит, попросту запрет под замок.

– Ну и ну! – воскликнул Юстас. – Но он же не предатель! Я так много о нем слышал в былые времена, да и Каспиан ему верил, как лучшему другу.

– Нет-нет, – отвечал чей-то голос, – конечно, он не предатель. Но тридцать с лишним отборных рыцарей, кентавров и добрых великанов на поиски принца уже отправились, и никто из них не вернулся. Так что король в конце концов сказал, что эти поиски бесплодны, и он больше не хочет посылать на смерть жителей Нарнии. И теперь на все эти поиски наложен запрет.

– Уж нам-то он бы разрешил, – возразил Юстас. – Если бы узнал, кто мы такие, и кто нас послал.

– Верно, – сказала сова. – Я думаю, разрешил бы. Но ведь сейчас его нет, а Трам против закона не пойдет. Он, конечно, тверд, как сталь, но при этом глух, как пень и очень сварлив.

– Вы наверное, думаете, что он советуется с нами, мудрыми совами, – сказал кто-то еще. – Но он сейчас такой старый, что только и умеет твердить: «Ты просто птенец. Я тебя помню яичком. Не вздумай меня поучать!»

Эта сова здорово подражала голосу Трампа, и повсюду раздались звуки совиного смеха. Дети начали понимать, что все нарнийцы относились к карлику, как к чудаковатому учителю в школе. Все его побаиваются, все над ним смеются, и всем он чем-то симпатичен.

– Когда же король вернется? – спросил Ерш.

– Хотела бы я знать! – вздохнула сова. – Понимаете, недавно прошел слух, что самого Аслана видели на островах, на Теревинфии, кажется. И король решил перед смертью попытаться еще раз увидаться с ним, чтобы спросить, кому передать престол. Но мы опасаемся, что если он не встретит Аслана в Теревинфии, то поплывет дальше на восток, к Островам Одиночества, потом к Семи Островам, и так дальше и дальше. Он редко говорит об этом, но мы все знаем, что он не забыл своего путешествия на край света и в самой глубине души хранит желание побывать там снова.

– Значит, ждать его не стоит? – спросила Джил.

– Не стоит, не стоит, ух-тух! – сказала сова. – Ах, если б вы подошли к нему сразу же! Он бы все, все устроил, даже армию с вами, может быть, отправил...

Джил молчала, надеясь, что Ерш из деликатности тоже не станет рассказывать совам, почему они не подошли к королю. Деликатности ему почти хватило: он только пробормотал себе под нос что-то насчет того, что он не виноват, а вслух сказал так:

– Хорошо. Придется нам обойтись без королевской помощи. Только сначала я хочу еще кое-что спросить. Если ваш так называемый совиный совет ничего не замышляет плохого, почему вы заседаете так таинственно, в развалинах, ночью, и все такое прочее?

– Ту-ух! – закричали совы – Где же еще ты прикажешь нам собираться? Да и в какое время, кроме ночи?

– Видите ли, – объяснила сова, – у многих обитателей Нарнии такие неестественные привычки! Они занимаются делами днем, при ослепительном свете солнца – ух! – когда лучше всего спать. И в результате к ночи они становятся такими глупыми и подслеповатыми, что из них слова не вытянешь. А мы, совы, собираемся в разумное время, самое подходящее для мудрых бесед.

– Понятно, – отозвался Юстас. – А теперь расскажите нам, пожалуйста, все о пропавшем принце.

Слово взяла незнакомая старая сова.

– Оказалось, что лет десять тому назад, когда принц Рилиан, сын короля Каспиана, был еще совсем юным рыцарем, он прогуливался верхом со своей матерью. Дело было весной на севере Нарнии. Их сопровождало множество придворных с венками на головах и музыкальными рожками, но собак с ними не было – ведь речь шла о прогулке, а не об охоте. День выдался теплый. Дойдя до поляны, где бил свежий ключ, они сошли с коней и приступили к веселой трапезе. Вскоре королеве захотелось спать, и придворные приготовили для нее на траве ложе из своих плащей, а потом отошли вместе с принцем, чтобы не разбудить ее говором и смехом. И тут из лесной чащи выполз толстый змей и ужалил королеву в руку. Все услышали крик королевы и бросились к ней, а Рилиан самым первым. Увидав уползающего змея, он погнался за ним, обнажив свой меч. Змей был огромный, блестящий, ядовито-зеленого цвета, и следить за ним было нетрудно, но он сумел ускользнуть в густые заросли, и принц потерял его след. Так что он вернулся к матери, вокруг которой толпой стояли придворные. Едва взглянув на ее лицо, Рилиан понял, что матери уже не поможет ни один врач в мире. Пока жизнь еще теплилась в ней, она силилась что-то сказать сыну, но язык уже не слушался ее. Не успев ничего вымолвить, она умерла через несколько минут после того, как придворные услышали ее крик.

Тело королевы доставили в Кэр Параваль, где ее оплакивали не только король Каспиан и юный принц, но и вся Нарния. Она была настоящей королевой: мудрой, прекрасной, счастливой – недаром Каспиан привез ее издалека, с самого восточного края света. Говорили, что в жилах ее течет звездная кровь. Принц тяжело переносил потерю, и теперь его часто можно было видеть в северных болотах Нарнии, где он искал ядовитого змея, чтобы убить его и отомстить за мать. Многие видели его скорбную фигуру, когда он возвращался из своих странствий усталым и опечаленным. Но через месяц после гибели королевы в нем заметили перемену. В его глазах появился загадочный свет, какой бывает у тех, к кому приходят видения; и конь его больше не казался утомленным даже после целого дня под седлом.

Самым близким его другом среди старых придворных был лорд Дриниан, капитан, принимавший участие в том великом плавании к восточным землям. «Ваше высочество, – сказал ему Дриниан как-то вечером, – не пора ли вам прекратить поиски змея? Стоит ли мстить неразумной твари, как человеку? Стоит ли понапрасну тратить юные силы!»

«Милорд, за последние семь дней я и не вспомнил о змее», – отвечал принц. Дриниан спросил его, зачем же он в таком случае ездит в северные леса, и принц ответил, что повстречал там самое прекрасное создание в мире. «Любезный принц, – попросил его Дриниан, – могу ли я просить о милости сопровождать вас завтра, чтобы самому увидеть это создание?» «Охотно», – отозвался принц.

Наутро, оседлав коней, они поскакали в северные леса и спешили, к немалому удивлению Дриниана, у того ключа, где смерть настигла королеву. Там они отдыхали до полудня. В полдень Дриниан поднял глаза и увидел девушку удивительной красоты, которая стояла у северной стороны ключа, знаками приглашая принца. Она была высока и испускала сияние, и была закутана в ядовито-зеленую ткань. Принц глядел на нее, как безумец. Но вдруг девушка исчезла, Дриниан даже не заметил куда. После этой странной прогулки они оба вернулись в Кэр Параваль. С тех пор не покидало Дриниана ощущение, что эта сверкающая зеленая девушка принесет зло принцу.

Он долго думал, не рассказать ли о случившемся королю, но не захотел прослыть донощиком и промолчал. Он не раз потом горько жалел об этом, потому что на следующий день принц уехал один и к вечеру не вернулся. С того дня следов его не находили ни в Нарнии, ни в соседних землях. Пропал принц, и его одежды, и его верный конь. С тяжелым сердцем отправился Дриниан к Каспиану, и молвил: «Повелитель мой! Прикажи казнить меня, ибо своим молчанием я погубил твоего сына». Он все рассказал королю. Тут Каспиан схватил боевой топор и бросился на Дриниана, стоявшего недвижно, как скала. Но, замахнувшись, король вдруг отбросил топор в сторону со словами: «Я потерял королеву и сына, неужто должен я потерять и друга?» Он обнял лорда Дриниана, и они оба заплакали.

Когда сова закончила свой рассказ, Джил сказала:

– По-моему, змей и есть эта женщина.

Совы одобительно заушали.

– Только она не убила принца, – сказала сова, – потому что костей...

– Мы и так знаем, что не убила, – перебил ее Юстас. – Аслан сказал Джил, что принц до сих пор жив.

– Это еще хуже, – ухнула самая старая сова, – значит, она его где-то держит, чтобы использовать в заговоре против Нарнии. Много лет назад в наши края пришла Белая Волшебница с севера и на целый век покрыла снегом и сковала льдом Нарнию. Может быть, этот змей из той же компании.

– Ну что же, – сказал Ерш, – нам с Джил все равно надо отыскать принца. Вы нам поможете?

– А куда идти, вы знаете, ух-тух? – спросила сова.

– Да, – отвечал Юстас. – Мы знаем, что должны идти на север. А еще мы знаем, что должны добраться до развалин города великанов.

Совы еще громче заухали, захлопали крыльями, зашелестели перьями, а потом принялись наперебой объяснять, как им жаль, что они не могут отправиться с детьми на поиски пропавшего принца. «Вы захотите путешествовать днем, а мы ночью, – говорили они, – так что ничего не получится, ух-тух!» Кто-то из них добавил, что даже тут, в развалинах замка, уже стало куда светлее, чем в начале их совещания и пора бы разлетаться. По правде говоря, даже простое упоминание о путешествии в разрушенный город великанов порядком охладило пыл этих птичек. Но тут старая знакомая детей, сова, сказала:

– Если человеческие дети отправятся к Эттинсмур, надо их доставить к одному из кваклей. Только они смогут помочь в поисках.

– Ух-хо-хо! Неплох-хо! – зашумели совы.

– Тогда в путь, – сказала сова. – Я возьму одного. Кто понесет другого? Нам нужно успеть до утра.

– До кваклей и я долечу, – отозвалась одна из птиц.

– Готовы? – спросила сова у Джил.

– Кажется, она заснула, – сказал Ерш.

Глава ПЯТАЯ. ЛУЖЕХМУР

Джил действительно спала. С самого начала совиного совета она часто зевала, и, наконец, не выдержала. Более того, ей совсем не понравилось, во-первых, то, что ее разбудили, а во-вторых, что она спала на голых досках в какой-то пыльной колокольне, совершенно темной и к тому же переполненной совами. Перспектива же немедленно куда-то лететь на совиной спине, причем явно не туда, где имела бы теплая постель, понравилась ей еще меньше.

– Да соберись же, Джил, – говорил Ерш. – В конце концов, ты же сама хотела приключений!

– Надоели они мне, – буркнула Джил.

Тем не менее она взобралась на спину совы и вскоре окончательно проснулась от неожиданного холодного ветра, ударившего ей в лицо, когда они вылетели из замка. Исчезла и луна, и звезды. Далеко позади она различила высоко над землей одинокое освещенное окошко. Несомненно, это было окно одной из башен Кэр Паравалья. Ей захотелось обратно в свою замечательную спальню, чтобы свернуться в клубок и смотреть, как отблески пламени играют на стенах. Она засунула руки под плащ и поплотнее закуталась. Жутковато было слышать в темноте, как неподалеку Ерш беседует с совой. «Ему хоть бы что, совсем свеженький,» – подумала Джил, не понимая, что Юстасу воздух Нарнии возвращает ту силу, которую он обрел, плавая по Восточным Морям с королем Каспианом.

Джил приходилось пощипывать себя, чтобы не задремать и не свалиться с совиной спины. Когда, наконец, полет закончился, она с трудом слезла и очутилась на какой-то плоской поверхности. Дул ледяной ветер. Деревьев вокруг не было. «Ух-тух, ух-тух! – звала кого-то сова. – Просыпайся, Лужехмур! Просыпайся, мы по делу, от Аслана!»

Ей долго никто не отвечал. Наконец вдалеке затеплился огонек. Он стал приближаться, а с ним и чей-то голос.

– Привет, совы, – говорил он. – Что стряслось? Умер король? В Нарнии высадился враг? Наводнение? Нашествие драконов?

Свет, оказывается, исходил от большого фонаря, но Джил плохо видела того, кто его держал. Существо это, казалось, состояло только из рук и ног. Совы пустились в объяснения, которых Джил не слышала из-за усталости. Она постаралась стряхнуть дремоту, поняв, что с ними уже прощаются, но единственное, что удалось ей потом вспомнить, – это то, что они с Юстасом в конце концов прошли сквозь низкую дверь, и их уложили на что-то мягкое и теплое.

– Ну вот, – приговаривал голос, – не обессудьте. Холодно, конечно, будет, жестко, да и не очень-то сухо. Мне кажется, вряд ли вам удастся заснуть, даже если не будет грозы или наводнения. А это у нас случается. Спасибо и на том...

Дальше Джил не слышала, потому что заснула.

Наутро, проснувшись, дети обнаружили, что лежат в теплом и сухом месте, на соломенных матрасах. Через треугольное отверстие просачивался дневной свет.

– Где это мы? – спросила Джил.

– В вигваме квакля-бродякля, – отвечал Юстас.

– Кого-кого?

– Квакля-бродякля. Только не спрашивай меня, кто он такой. Ночью я его тоже не смог разглядеть. Встаю. Пойдем, поищем его.

– Противно просыпаться, когда спишь одетой, – сказала Джил, усаживаясь на матрасе.

– А мне как раз понравилось, что утром одеваться не надо.

– И умываться? – съехидничала Джил. Но Ерш уже поднялся, зевнул, потянулся и выполз из вигвама. Джил отправилась за ним. Снаружи все было совсем не так, как в той Нарнии, которую они видели вчера. Несчетные водяные протоки делили огромную плоскую равнину на крошечные островки, покрытые в середине осокой, а по краям зарослями тростника и камыша. Иные камышовые заросли были размером с большую городскую площадь. Над ними чернели тучи птиц: уток, цапель, бекасов, журавлей – то нырявших в траву, то взлетающих ввысь. Повсюду виднелись вигвамы вроде того, в котором они провели ночь. Но стояли они на порядочном расстоянии друг от друга: квакли-бродякли – народ не слишком общительный. На болоте не росло ни одного деревца, только далеко на юго-западе чернела полоска леса. На востоке болото доходило до песчаных дюн у самого горизонта, и по соленому привкусу дующего оттуда ветра угадывалось море. Ближе к северу виднелись бледные холмы, которые кое-где перемежались скалами. В остальных местах ничего не было, кроме плоского болота. Должно быть, дождливыми вечерами здесь было очень тоскливо. Но при утреннем солнце, при свежем ветре, наполненном криками птиц, одиночество этих мест казалось свежим и чистым. Настроение у детей становилось все лучше.

– Куда делся этот фигль-мигль? – осведомилась Джил.

– Квакль-бродякль, – Ерш, кажется, чуточку гордился тем, что запомнил это слово. – Я думаю... слушай, да вон же он, кажется!

И они оба увидели, что квакль-бродякль удит рыбу метрах в пятидесяти от них. Поначалу они его не заметили, потому что он сидел неподвижно и по цвету не отличался от болота.

– Наверное, надо с ним заговорить, – сказала Джил.

Ерш кивнул. Оба они немножко волновались.

При их приближении бродякль повернулся к детям, и они увидели длинное худое лицо с впалыми щеками, плотно сжатыми губами, острым носом и голым подбородком. Существо это носило высокую остроконечную шляпу с широкими полями. Волосы (если это слово тут годится) свисали из-за больших ушей серо-зелеными плоскими прядями, похожими на листья тростника. Цветом лицо его напоминало зеленоватую глину, а выражение на нем было крайне торжественное. Обладатель этого выражения явно имел серьезные взгляды на жизнь.

– Доброе утро, гости, – сказал он. – Хотя, говоря «доброе», я не ручаюсь, что сегодня не будет дождя, снега, тумана или грозы. Вам, конечно, не удалось и глаз сомкнуть?

– Ну что вы, мы замечательно выспались, – ответила Джил.

– Ах, – квакль покачал головой, – вижу, вы не хотите обидеть хозяина. Что ж, правильно. Вы хорошо воспитаны. Вас научили переносить трудности.

– Простите, мы не знаем как вас зовут, – спросил Ерш.

– Зовут меня Лужехмур. Ничего страшного, если забудете мое имя. Я вам снова напомню.

Усевшись по обе стороны странного создания, дети убедились, что руки и ноги у него ужасно длинные. И хотя тело у Лужехмура было не больше, чем у карлика, но если бы он выпрямился, то оказался бы выше человека среднего роста. Между пальцами – и на руках, и на босых ногах, которыми квакль шлепал по глинистой воде, – у него были перепонки вроде лягушачьих. Землистого цвета одежда болталась на нем, как мешок.

– Пытаюсь поймать одного-двух угрей, к нашему обеду, – пояснил Лужехмур. – Однако не удивлюсь, если ни одного не изловлю. А если и поймаю, вам они все равно не понравятся.

– Почему же? – удивился Ерш.

– С какой стати вы должны любить то же самое, что и мы? Хотя, конечно, вы в этом не признаетесь. Ну ладно, пока я тут занят, попробуйте развести огонь – попытка не пытка! Дрова за вигвамом. Возможно, они сырые. Можете зажечь их в вигваме, но тогда дым будет есть глаза. А можете снаружи, но если пойдет дождь, огонь погаснет. Вот кремень, трут и огниво. Вы, полагаю, не имеете понятия, как ими пользоваться.

Квакль ошибся: во время своих прошлых приключений в Нарнии Юстас многому научился. Дети побежали в вигвам, обнаружили совершенно сухие дрова и разожгли огонь куда быстрее, чем ожидали. Потом Ерш сел присматривать за костром, а Джил без особого восторга отправилась умываться к ближайшей протоке. За ней последовал Ерш. Оба они почувствовали себя гораздо бодрее.

Наконец явился Лужехмур. Несмотря на все свои сомнения насчет улова, он наловил добрую дюжину угрей, и к тому же успел их помыть и разделать. Поставив на огонь большой горшок, он подбросил в костер дров и закурил свою трубку. Квакли-бродякли курят весьма странный табак, кое-кто даже уверяет, что они смешивают его с глиной. Дети заметили, что дым, курящийся из трубки квакля, вместо того, чтобы подниматься в воздух, стелется по земле, как туман. Был он такой черный и густой, что Ерш закашлялся.

– Ну, эти угри будут тут вариться до скончания века, – заявил квакль. – Кто-нибудь из вас непременно упадет в обморок от голода, не дождавшись еды. Знал я одну девочку... нет, лучше не буду рассказывать. У вас еще настроение испортится, а мне этого совсем не хочется. Давайте-ка, чтобы отвлечь вас от голода, поговорим о ваших планах.

– Давайте, – сказала Джил. – Вы нам поможете найти принца Ририана?

Квакль-бродякль втянул щеки так, что они будто соединились изнутри.

– Смотря что вы имеете в виду под помощью, – сказал он. – Я думаю, что по-настоящему помочь вам вообще никто не может. Далеко на север нам не пройти, особенно сейчас, когда близится зима и все такое прочее. Тем более, что зима, видимо, предстоит ранняя. Но не падайте духом. Мы встретим столько врагов, столько рек нам придется пересечь, столько раз собьемся с пути и голодать будем, и ноги в кровь сотрем – что нам будет не до погоды. И наверняка мы не найдем принца, а уж точно забредем в такую даль, что надолго там застрянем.

– Так вы с нами пойдете? – воскликнули дети, заметив, что квакль говорит «мы», а не «вы».

– О да, разумеется, пойду. Почему бы и нет. Думаю, короля мы в Нарнии больше никогда не увидим, раз он с таким страшным кашлем отправился в заморские края. Да и Трам быстро сдает. И урожай после этого ужасного лета будет плохой, сами убедитесь. Не удивлюсь, если на Нарнию нападут враги. Помяните мое слово.

– А как мы будем его искать? – спросил Ерш.

– Ну, – медленно отвечал квакль, – все, кто выходил на поиски принца Ририана, начинали с того источника, где лорд Дриниан видел ту зеленую даму. И шли на север. Но поскольку, никто из них не вернулся, трудно в точности сказать, что было дальше.

– Прежде всего нам надо найти разрушенный город великанов, – сказала Джил, – так велел Аслан.

– Найти? – отвечал квакль. – Так вот сразу? А как насчет того, чтобы сначала поискать этот город?

– Я это и хотела сказать. А когда мы его найдем, тогда...

– Вот-вот, тогда, – сухо заметил Лужехмур.

– Неужели никто не знает, как его отыскать? – спросил Ерш.

– За всех не поручусь, но лично я не могу сказать, что слышал об этом разрушенном городе. Во всяком случае, от источника начинать не стоит. Надо сначала пересечь Эттинсмур. Если где-то и есть разрушенный город, то в тех краях. Но я там бывал, заходил далеко, как и многие другие, но ни до каких развалин не добирался. Так что не стану вас обманывать.

– А где же этот Эттинсмур? – спросил Ерш.

– Посмотрите туда, – квакль указал своей трубкой на север. – Видите холмы и скалистые уступы? Там начинается Эттинсмур. Но между ним и нами лежит река Шрибл, и мостов через нее, конечно, нет.

– Разве нельзя ее перейти вброд? – спросил Ерш.

– Кое-кому это удавалось, – признал Лужехмур.

– Может быть, в Эттинсмуре мы встретим кого-нибудь, кто показал бы нам дорогу, – сказала

Джил.

– Кое-кого мы там встретим, это правда, – согласился Лужехмур.

– А кто там живет?

– Я их судить не берусь, – отвечал квакль, – живут по-своему. Может, вам и понравятся.

– Да, но кто они такие? – настаивала Джил. – В Нарнии так много странных созданий. Они кто: звери, птицы, карлики?

Квакль-бродякль издал протяжный свист:

– Вы что, не знаете? Я думал, вам совы сказали. Великаны там живут.

Джил вздрогнула. Великанов она никогда не жаловала, хотя встречала их, если не считать сказок, только однажды, да и то в кошмарном сне. Однако, взглянув на позеленевшее лицо Юстаса и подумав, что он трусил еще больше, она повеселела.

– Давным-давно, – сказал Юстас, – когда я плавал с королем по морям, он говорил мне, что наголову разбил этих великанов и заставил их платить ему дань.

– Правда, – отвечал Лужехмур. – У них сейчас с нами мир. Покуда мы будем на нашей стороне реки, они нас не тронут. А вот на их стороне в Эттинсмуре... но всегда есть шанс, что нам повезет. Если к ним не подходить близко, и если никто из них не выйдет из себя, и если нас не заметят, то мы, возможно, и сумеем куда-нибудь добраться.

– Да не верю я вам! – Ерш, как это порой случается с перепуганными людьми, неожиданно вышел из себя. – Не может все быть так плохо. Тут не больше правды, чем в ваших жестких постелях или сырых дровах. Разве Аслан послал бы нас, если надежд так мало?

Вместо того, чтобы рассердиться, как ожидал Юстас, квакль только сказал:

– Все в порядке, Юстас. Я ничего не имею против. Только смотри, нам еще многое предстоит пережить вместе, так что лучше все-таки держать себя в руках. Знаешь ли, от перебранок пользы мало. Особенно с самого начала пути. Я знаю, что подобные походы обычно кончаются таким образом. Иной раз даже и ножи всаживают друг в друга. И все-таки, чем дольше мы сможем удержаться...

– Если вам кажется, что все так безнадежно, – перебил его Ерш, – то лучше оставайтесь дома. Мы с Джил и одни справимся. Правда, Поул?

– Заткнись, Ерш, не будь таким ослом, – поспешила сказать Джил, испугавшись, что квакль поймает его на слове.

– Не волнуйся, Джил, – ответил Лужехмур. – Я несомненно отправлюсь с вами, зачем упускать такую возможность. Мне полезно путешествовать. Говорят, – я имею в виду других кваклей-бродяклей что я слишком ветрен и недостаточно серьезно отношусь к жизни. Сказали бы раз, а то твердят как заведенные. Лужехмур, дескать, слишком веселый и жизнерадостный. Ему, мол, надо понять, что жизнь это не жаркое из лягушек и не пирог с угрями. Остепениться тебе надо, Лужехмур, тебе это на пользу пойдет. Вот что они говорят. Что ж, наше предприятие как раз то, что мне требуется. Тащиться на север в начале зимы, в поисках принца, которого там наверняка нет, мимо разрушенного города, которого никто никогда не видал! Если после такого я не остепенюсь, то, значит, уже ничего не поможет. – Он потер свои лягушачьи лапы, словно речь шла о поездке в театр или в гости. – А теперь посмотрим, как дела с нашим обедом.

Угри оказались такими вкусными, что дети после первой большой порции попросили добавки. Поначалу квакль-бродякль не хотел верить, что им действительно понравилось, а когда они съели столько, что поверить ему все-таки пришлось, заметил, что теперь у них наверняка расстроятся желудки. – Что полезно нам, кваклям, то может оказаться для вас сущим ядом, – сказал он. После обеда они попили чаю из жестяных кружек, вроде тех, какие вам, наверное, доводилось видеть у дорожных рабочих, а Лужехмур неоднократно прикладывался к какой-то квадратной черной бутылке. Угощал он и детей, но им его зелье показалось ужасной гадостью. Весь остаток дня они готовились к тому, чтобы ранним утром отправиться в путь. Лужехмур, как самый большой из троих, взялся нести три одеяла, в которые собирался завернуть порядочный кусок ветчины. Джил должна была нести оставшихся угрей, сухари и кремь с огнивом, а Ерш свой собственный плащ и плащ Джил, когда он ей не будет нужен. Кроме того, Ерш, научившись стрелять из лука во время плавания с Каспианом, взял у Лужехмура лук, что был похуже. Оружие получше досталось хозяину, хотя тот и приговаривал, что из-за ветра, отсыревшей тетивы, темноты и замерзших пальцев они вряд ли смогут хоть что-нибудь подстрелить. И у него, и у Юстаса были мечи. Ерш захватил с собой меч из спальни в Кэр Паравале. Джил пришлось довольствоваться ножом. Она

попыталась было протестовать, но тут квакль сразу принялся потирать руки. «Ага, – говорил он, – вот началось! Я предупреждал. Именно из-за этого проваливаются экспедиции!» И дети тут же замолчали.

Все трое легли рано. На этот раз дети и впрямь спали плохо. Беда была в том, что Лужехмур, заявив, что «хоть нам и вряд ли удастся выспаться, но надо постараться», тут же разразился таким оглушительным храпом, что когда Джил наконец уснула, ей всю ночь снились отбойные молотки, водопады и поезда, грохочущие в туннелях.

Глава ШЕСТАЯ. ПО ПУСТЫННЫМ СЕВЕРНЫМ МЕСТАМ

На следующее утро, часов в девять, можно было увидеть, как три одинокие фигуры по мелководью и камешкам перебираются через реку Шрибл. Это была шумная, но неглубокая речушка, и, когда они добрались до северного берега, у Джил ноги были мокрые только до колен. Метрах в пятидесяти от берега начинался крутой скалистый откос.

– Наверное, нам надо вон туда, – Ерш показал налево, на запад, где сквозь узкое ущелье к реке пробивался горный ручей. Но квакль-бродякль только покачал головой.

– Как раз здесь, по обеим сторонам этого ущелья, и живут великаны. Оно для них вроде улицы. Так что лучше идти прямо, пусть даже тут покруче.

Минут через десять путники оказались наверху. Бросив прощальный взгляд на долину, где лежала Нарния, они повернулись к северу – там до самого горизонта тянулась огромная пустошь. Налево же местность была каменистее, и Джил старалась не смотреть туда, опасаясь увидеть великанов.

Земля под ногами была упругой, в небе сияло бледное зимнее солнце. Чем дальше они шли, тем становилось пустынное, только изредка попискивали чибисы да пролетал одинокий ястреб. Когда ближе к полудню они остановились на привал, расположившись в небольшом овражке, недалеко от ручья, Джил почувствовала, что приключения ей все-таки нравятся. Так она и сказала.

– Ну-ну, не спеши, отвечал ей квакль-бродякль.

Путь после первого привала словно школьное утро после перемены или путешествие по железной дороге после пересадки – непременно становится другим. Когда они двинулись снова, скалистый край ущелья показался Джил ближе, а сами скалы не такими плоскими, а скорее торчащими на манер маленьких причудливых башенок.

«Наверное, – размышляла Джил, – все истории о великанах пошли от этих странных скал. В сумерках, груды камней вполне сойдут за великанов. Взять хоть эту. Глыбища сверху – чем не голова? Крупновата, конечно, но для великана – уroda в самый раз. А эти заросли вереска, конечно, вылитые волосы и борода. Даже какие-то уши сбоку торчат. Тоже велики, но у великанов и должны быть такие, как у слонов. Вообще... ой!»

Кровь у нее похолодела. Камень двигался. Это был самый настоящий великан. Сомневаться не приходилось – она сама увидела, как чудовище повернуло голову, и заметила, какое у него огромное, глупое, толстошеекое лицо. Все эти кучи камней оказались великанами, штук сорок-пятьдесят в ряд. Они, очевидно, стояли на дне ущелья, опираясь локтями о края, совсем как лентяи, погожим утром после хорошего завтрака отдыхающие у изгороди.

– Шагайте прямо, – шепнул Лужехмур, тоже заметивший чудовищ.

– Не смотрите на них. И ни в коем случае не бегите. А то они сразу за нами погонятся.

И они продолжали идти, притворившись, что никого не видят, словно мимо раскрытых ворот, где сидит злая собака.

Великанов было ужасно много. Они не выказывали ни злобы ни расположения, ни даже любопытства, будто и не видели идущих.

И вдруг, что-то тяжелое со свистом пролетело в воздухе, и шагах в двадцати от них приземлился огромный булыжник. Бум! Еще один камень упал позади, шагах в десяти.

– Это они в нас кидают? – спросил Ерш.

– НПет, – отвечал Лужехмур, – если бы в нас, было бы полбеда. Они метят вон в ту грудку камней, только в жизни в нее не попадут. Меткостью они никогда не отличались. Они чуть не каждое утро так забавляются. На другие-то игры у них мозгов не хватает.

Идти было жутко. Цепь великанов казалась бесконечной, и все они без усталости кидали камни, которые иногда падали совсем рядом. Опасность опасностью, но даже одних морд этих орущих

чудищ хватило бы, чтобы до смерти перепугать кого угодно, так что Джил все время старалась не смотреть на них.

Потом великаны, кажется, повздорили друг с другом. И хотя камнями кидаться они перестали, но кому приятно быть близко от ссорящихся великанов? Они ругались длинными бессмысленными словами, слогов по двадцать каждое. Они бесновались, трещали, сотрясали землю прыжками и колотили друг друга по голове каменными молотками, которые отскакивали от твердых великаньих черепов так, что ударивший, взыв от боли в пальцах, тут же ронял свое оружие. Впрочем, великаны были такие тупые, что через минуту повторяли все сначала. Не прошло и часа, как великаны так отлупасили друг друга, что уселись на землю и принялись плакать. Теперь их головы опустились ниже края ущелья и скрылись из виду, но Джил слышала их нытье, рев и всхлипывания, похожие на плач гигантских младенцев, даже когда великаны остались далеко позади.

В ту ночь они устроили привал на голой вересковой пустоши. Лужехмур показал детям, как лучше всего использовать одеяла, если улечься спинами друг к другу. Так, греясь о соседа, можно было укрыться сверху не одним одеялом, а двумя. Но все равно было холодно и жестко. Лужехмур попробовал утешить детей тем, что на севере будет еще холоднее, но это их почему-то не слишком утешило.

Много дней брели они через Эттинсмур, стараясь пореже есть ветчину, и питаясь птицами (конечно, не говорящими), которых им удавалось подстрелить. На зависть Джил, Юстас стрелял хорошо – ведь учился он у самого короля Каспиана. Воды хватало: ручьев здесь протекало множество. Джил думала: когда читаешь, что люди, дескать, питались только дичью, никто не пишет, как трудно и противно ощипывать мертвую птицу, и как от этого стынут пальцы. Зато они больше не встречали великанов. Попался, правда, один, но он только захохотал и потопал по своим делам.

Дней через десять пейзаж изменился. Добравшись, наконец, до северного края равнины, путники увидели крутой длинный спуск в другую землю, еще мрачнее первой. Внизу серели камни, а за ними маячили высокие горы, виднелись бездонные пропасти, скалистые долины и наполненные эхом ущелья, в которые угрюмо низвергались быстрые реки. Разумеется, именно Лужехмур первым обратил внимание на снег, белеющий на горных вершинах.

– Дальше будет еще больше снега, – сообщил он.

Спустившись, наконец, со склона, они увидели внизу, под скалами, речку, бегущую меж каменистых берегов на восток. Речка была порожистая, зеленоватого цвета. Она громыхла так, что земля дрожала под ногами.

– Ничего, – заметил Лужехмур, если мы сломаем себе шеи, спускаясь со скал, то по крайней мере не утонем.

– А это что такое? – воскликнул Ерш. Совершенно неожиданно они увидели мост, да еще какой! Одним пролетом он соединял две высокие скалы, и выделялся, словно собор над площадью.

– Великанский мост, конечно, – сказала Джил.

– Скорее мост волшебников, – поправил Лужехмур. – В этих местах так и жди каких-нибудь колдовских чар. По-моему, это ловушка. Вот мы пойдем по нему, дойдем до середины – и он обратится в туман. А?

– Брось ты свое нытье! – рассердился Ерш. – Нормальный мост.

– А что, по-твоему, у тех великанов хватит ума построить такой?

– Может, тут есть другие великаны? – предположила Джил. – То есть те, которые жили много веков назад и были куда умнее нынешних. Они могли построить и мост, и город, который мы ищем. А это значит, что мы на верном пути – перед нами древний мост, ведущий в древний город!

– Отлично, Джил! – сказал Ерш. – Так, должно быть, и есть. Пошли.

И они повернули к мосту. Он оказался вполне настоящим. Правда, многие из огромных камней, некогда обтесанных прекрасными мастерами, уже выкрошились. На перилах виднелись следы дивной резьбы – изображения гигантов, быкоголовых чудовищ, кальмаров, сороконожек, ужасных богов. Лужехмур все еще не доверял мосту, но все же согласился ступить на него вместе с детьми.

Добраться до вершины арки оказалось делом нелегким. Во многих местах камни вывалились, сквозь страшные дыры далеко внизу виднелась ревушая река. Под мостом летал орел. И чем выше они заходили, тем становилось холоднее, и ветер чуть не сбивал их с ног. Казалось даже, что мост покачивается под его порывами.

С вершины моста виднелась на том берегу реки заброшенная дорога, ведущая от моста вглубь горного края. Многих камней на мостовой не хватало, а между теми, что сохранились, буйно зеленела трава. Прямо навстречу им по ней ехали на лошадях двое людей вполне обыкновенного размера.

– Ну-ка, двинемся к ним, – сказал Лужехмур. – В таких местах не скажешь наперед, врага встретишь, или друга. Только мы должны все равно показать, что их не боимся. Сойдя с моста на траву, они оказались почти лицом к лицу с незнакомцами. Один из них был рыцарь в полном облачении, с опущенным забралом. Он был в черных латах и на черном коне. Ни герба на щите, ни флажка на копье не было. Рядом с рыцарем ехала дама на белой лошади, такой красивой, что хотелось поцеловать ее в ноздри и дать сахару. Но сама дама, в своем шуршащем, ослепительно зеленом платье, была еще очаровательней.

– До-обрый день, пу-утешественники! – воскликнула она сладчайшим, словно у птицы голосом, чуть картавя. Кое-кто из вас слишком молод, пожалуй, для таких мрачных мест.

– Может быть, – сухо и настороженно отозвался Лужехмур.

– Мы ищем разрушенный город великанов, – сказала Джил.

– Р-разрушенный город? – переспросила дама. – Что за странная цель для поисков? А зачем он вам нужен?

– Нам надо, – начала было Джил, но Лужехмур не дал ей договорить.

– Простите, мадам, но мы не имеем чести знать ни вас, ни вашего молчаливого спутника, а вы не знаете нас. И лучше мы не будем обсуждать наших дел с незнакомцами, если вы не против. Кажется, дождик собирается? Как вам кажется?

Дама рассмеялась нежнейшим, мелодичным смехом.

– Что ж, дети, у вас мудрый, опытный, старый проводник. Хорошо, что он поступает по своему разумению. Но позвольте и мне держаться моего собственного. О гигантском Граде Развалин я не раз слыхала, но никто не говорил мне о ведущей туда дороге. Путь, на котором мы стоим, ведет в замок Харфанг, где обитают добрые великаны. Они настолько же воспитаны, мягки, вежливы и обходительны, насколько глупы и неотесаны эти болваны с Эттинсмур. Не знаю, расскажут ли вам в Харфанге о Граде Развалин, но одно вам обещаю точно: добрый прием и славных хозяев. Вам было бы разумней всего перезимовать там, или уж во всяком случае провести несколько дней, отдохнуть и подкрепиться. Там есть где умыться, есть мягкие постели и жаркие очаги. И на столе четырежды в день будет стоять жаркое, печеное и всевозможные сладости.

– Ого! – воскликнул Ерш. – Ничего себе. Подумать только, снова поваляться в кровати!

– Точно. И выкупаться в горячей ванне, – подхватила Джил. – А как вы думаете, нас пригласят остаться? Мы же их не знаем.

– Вы только скажите, – отвечала дама, – что Повелительница в зеленом шлет им привет, и посылает к Осеннему пиру двух милых южных деток.

– Спасибо, спасибо, – хором заговорили Ерш и Джил.

– Но будьте предусмотрительны, – сказала дама, – когда бы вы ни достигли Харфанга, постарайтесь не подходить к воротам слишком поздно. Ибо они затворяют ворота во второй половине дня, и уже никому не открывают, сколько ни стучи.

Дети снова поблагодарили ее. Глаза их сияли. Дама помахала им на прощание рукой. Квакль-бродякль снял шляпу и поклонился весьма сухо. Молчаливый рыцарь и дама поскакали к мосту. Кони их глухо цокали копытами.

– Так! – воскликнул Лужехмур. – Хотел бы я знать, откуда и куда направляется эта дамочка. Таких нечасто встретишь в стране великанов, а? Честное слово, не к добру эта встреча.

– Бросьте, – возразил Ерш. – По-моему, дама первый сорт. К тому же горячий стол и теплые комнаты. Лишь бы этот Харфанг был не слишком далеко.

– Точно, – поддержала Джил. – А какое у нее платье роскошное! А конь!

– Все равно, – упорствовал Лужехмур, – хотел бы я знать о ней побольше.

– Я собиралась спросить, – сказала Джил, – но не могла, раз ты о нас самих говорить отказался.

– Точно, – подхватил Ерш, – ты вообще был жутко невежливый. Тебе они что, не понравились?

– Они? Кто они? Я только одного человека видел.

– А рыцаря ты не заметил? – спросила Джил.

– Я заметил только доспехи, – отвечал Лужехмур. – Почему он молчал все время?

– По скромности, – предположила девочка. – А может, ему хотелось только смотреть на нее и слушать ее чудный голос. Я бы на его месте вела себя точно так же.

– Интересно, – заметил Лужехмур, – что бы мы увидели, подними он забрало.

– Кончай, – поморщился Ерш. – В таких доспехах никого не может быть, кроме человека.

– А как насчет скелета? – ухмыльнулся Лужехмур. – Или, – добавил он, помолчав, – вообще пустоты. В смысле, чего-нибудь невидимого.

– Слушай, Лужехмур, – Джил передернула плечами, – и откуда только тебе в голову забредают такие мысли?

– Ну его с такими страстями! – рассердился Ерш. – Вечно каркает и все невпопад. Лучше подумаем об этих добрых великанах и поторопимся к Харфангу. Хотел бы я знать, далеко ли еще идти.

Так они впервые чуть не поссорились (как Лужехмур и предсказывал). Не то, что Джил и Ерш раньше не пускались в перебранки, но такая серьезная размолвка получилась впервые. Лужехмур вообще не хотел, чтобы они шли в Харфанг. Он уверял, что ему неизвестно, какой смысл великаны могут вкладывать в слово «добрый» и что в любом случае среди знаков Аслана не было никаких визитов к великанам, пускай даже самым добрым в мире. Но дети слишком устали от ветра и дождя, от костлявой дичи, зажаренной на костре, от сырой и холодной земли вместо кровати. В конце концов Лужехмур согласился, выставив одно условие. Он потребовал, чтобы без его разрешения дети ни в коем случае не говорили добрым великанам о том, что они пришли из Нарнии, и о поисках принца Рилиана. Дети согласились. И все трое отправились в путь.

После встречи с дамой дела у них пошли хуже. Во-первых, идти стало совсем трудно. Дорога вела через нескончаемые ущелья, продуваемые жестоким северным ветром. Никакого топлива не было. Не было и овражков, чтобы укрыться на ночь. Земля под ногами стала совсем каменистой, и если днем у них ныли только ноги, то по ночам – все тело.

Во-вторых, с какими бы добрыми намерениями ни сообщила им дама о Харфанге, слова ее в конечном счете подействовали на детей плохо. Теперь они только и думали о горячей еде, теплых постелях и крыше над головой. Ни об Аслане, ни о пропавшем принце речи уже не было. К тому же Джил перестала каждый вечер и каждое утро повторять свои знаки. Сначала она оправдывалась тем, что устала, а потом знаки и вовсе вылетели у нее из головы. Мысли о Харфанге даже не прибавили им бодрости, наоборот: теперь дети все больше жалели себя, ныли и раздражались.

Наконец, как-то после полудня, ущелье, по которому они шли до сих пор, расширилось и вышло в темный хвойный бор. Горы остались позади. Перед путниками расстилалась пустынная каменистая равнина, а еще дальше высились снежные пики. Но между путниками и этими вершинами стоял холм с плоской вершиной.

– Смотрите! – крикнула Джил. – Смотрите!

За плоской горой, куда она показывала рукою, в сгущавшемся тумане сияли огни. Огни! Не лунный свет, не костры, а домашний, радостный ряд освещенных окон. Если вам не доводилось неделями странствовать по диким местам, вы вряд ли поймете чувства, охватившие наших путников.

– Харфанг! – в восторге воскликнули Ерш и Джил.

– Харфанг! – откликнулся Лужехмур своим тусклым мрачным голосом и добавил: – Эй! Дикие гуси! – Он тут же сорвал с плеча лук и подстрелил жирного гуся. Нечего было и думать за светло добраться до Харфанга. Но во всяком случае они разожгли костер, поели, и ночь началась теплее, чем обычно за последнюю неделю. Когда огонь погас, снова стало страшно холодно, и их одеяла к утру совсем промерзли.

– Не беда! – заявила Джил, притопывая ногами. – Сегодня вечером нас ждут горячие ванны!

Глава СЕДЬМАЯ. ХОЛМ С НЕПОНЯТНЫМИ КАНАВАМИ

Спору нет, денек выдался премерзкий. Наверху нависло тусклое небо, обложенное снеговыми облаками, трава под ногами почернела от мороза, ветер дул такой сильный, что, казалось, готов содрать с вас кожу. После спуска на равнину древняя дорога оказалась почти совершенно разрушенной. Приходилось пробираться по огромным разбитым глыбам, между валунами, по щебенке. Небольшое удовольствие, когда ступни совсем стерты. И даже привала нельзя было устроить из-за

холода.

Часов в десять на руку Джил упали первые неторопливые снежинки. Через десять минут они уже ложились довольно густо, через двадцать землю покрыл тонкий снежный ковер, а полчаса спустя самая настоящая метель слепила им глаза и, казалось, не собиралась уняться до конца дня.

Чтобы понять все последующее, вы должны помнить, что из-за метели наши путники почти ничего вокруг не различали. Подойдя к невысокому холму, отделявшему их от освещенных окон, они уже не могли его толком различить. Приходилось напрягать глаза даже для того, чтобы видеть происходящее на расстоянии двух шагов. Конечно, разговаривать при этом у них никакой охоты не было.

У основания холма они заметили какие-то скалы с обеих сторон. Скалы были правильной кубической формы, но никто из путников этого не заметил, потому что не приглядывался. Их куда больше заинтересовал скалистый уступ высотой в метр с лишним, лежавший прямо на пути. Длинноногий квакль, впрочем, не без труда вскочил на него и помог остальным. На уступе было мокро от снега – небольшая беда для болотного жителя, но для детей вещь противная. Еще метров сто они карабкались вверх. Джил один раз упала, потом они наткнулись еще на один уступ. Всего этих уступов оказалось четыре, и шли они через неравные промежутки.

Карабкаясь на четвертый, путники уже были уверены, что теперь-то добрались до вершины плоского холма. До сих пор горный склон защищал их от ветра, который теперь набросился на них изо всех сил. Дело в том, что вершина холма действительно была такой же плоской, какой казалась издали. Она была чем-то вроде огромного стола, по которому беспрепятственно мог гулять ураган. Редко где снегу удавалось лечь на землю: ветер тут же срывал его, поднимал в воздух, кружил, бросал в лицо путникам. Маленькие снежные смерчи кружились возле их ног, как бывает на катке. Да и впрямь равнина местами была словно ледяная. В довершение всего ее пересекали странные выступы шага по три в ширину, разрезавшие вершину на квадраты и прямоугольники. Через них, разумеется, приходилось перелезть. Иные были детям до пояса, иные – до самой макушки. Перелезая через выступы, путники немедленно проваливались в сугробы, нанесенные с северной стороны. В конце концов совершенно вымокли.

Подняв капюшон и опустив голову, пряча окоченевшие пальцы под плащ, Джил с трудом пробиралась вперед. Она еле замечала странные предметы, окружавшие их на этой равнине – справа высились глыбы, отдаленно похожие на заводские трубы, слева громоздился почти вертикальный утес. Но, повторяю, все это мало волновало девочку. Она только и думала, что о своих замерзших пальцах (а также носе, подбородке и ушах), да о горячих ваннах и теплых постелях в Харфанге.

Вдруг она поскользнулась, проехала шагов десять и с ужасом обнаружила, что скатывается в узкую темную трещину, неожиданно появившуюся впереди. Через мгновение она уже очутилась на самом дне этой не то траншеи, не то шахты, чуть больше метра в ширину. Несмотря на встряску, первым чувством Джил было облегчение – стены траншеи надежно укрыли ее от ветра. В следующий миг она, естественно, заметила испуганные лица Ерша и Лужехмура, глядящие на нее сверху.

– Ты не ушиблась, Джил? – крикнул Юстас.

– Наверное, обе ноги переломала, – сказал Лужехмур.

Джил встала и сообщила, что все у нее в порядке, только наверх она сама выбраться не может.

– Что же это за яма такая? – спросил Ерш.

– Похоже на окоп. Или на осевшую тропинку. Она довольно прямо идет.

– Точно, – воскликнул Юстас, – идет прямо, и к тому же на север. А может, это такая дорога? Она бы нас укрыла от этого дьявольского ветра. Снега внизу много?

– Почти нет. Его поверху проносит, наверно.

– А дальше там что?

– Погоди. Я посмотрю. – Джил встала и пошла по траншее, которая почти сразу же резко повернула направо. Об этом она и крикнула своим путникам.

– А за поворотом что? – спросил Ерш.

Тут заметим, что Джил точно так же боялась извилистых проходов и темных подземных мест, как Ерш – скалистых обрывов. Никакого желания идти одной за поворот у нее не было, особенно когда она услышала позади оклик Лужехмура:

– Осторожней, Джил! Такие канавы вполне могут вести в пещеру дракона. Или – раз уж мы в стране великанов – к гигантскому червяку или жуку.

– Никуда она, кажется, не ведет. – Джил быстро вернулась назад.

– Нет, дай-ка мне посмотреть, – сказал Ерш. – Что значит «никуда»? – Он присел на край канавы и скатился вниз. Потом протиснулся мимо Джил, не сказав ни слова, но она почувствовала, что он заметил ее трусость. Тогда она пошла с ним, стараясь, правда, оставаться сзади.

Поиски ни к чему не привели. Через несколько шагов за поворотом канава разветвлялась. Можно было пойти либо прямо, либо снова направо. «Так не пойдет, – сказал Ерш, оглядев поворот направо, – эдак мы возвратимся обратно на юг». Он пошел прямо, но и тут его вскоре ожидал правый поворот. На этот раз даже выбора не было – траншея заканчивалась тупиком.

– Дело дрянь, – проворчал Ерш.

Джил, не теряя понапрасну времени, решила возвращаться. Когда они вернулись, квакль без труда вытащил их своими длинными руками.

Ах, как было ужасно снова очутиться наверху. В траншее уши у них почти что оттаяли. Там они могли ясно видеть, легко дышать и говорить спокойно, не стараясь перекричать ветер. Тем труднее оказалось вернуться на этот дьявольский холод, и тем тяжелее услышать неожиданный вопрос Лужехмура:

– А ты хорошо помнишь знаки, Джил? Который из них нам сейчас надо искать?

– Кончай, – сказала Джил. – Какие такие знаки? Кто-то должен вроде бы упомянуть имя Аслана. Кажется. Только не жди, что я сейчас стану их снова повторять, эти знаки. Дело в том, что Джил перепутала весь порядок знаков, потому что давно перестала повторять их каждый вечер. Конечно, она их еще помнила, но восстановить без усилия в правильном порядке уже не могла. Вопрос Лужехмура привел ее в раздражение оттого, что в глубине души она сама на себя злилась. Не стоило забывать знаков. Потому-то, да еще из-за холода и усталости, и нагрубила она своему спутнику. Вряд ли знаки Аслана ей были так уж безразличны.

– Разве этот знак был следующим? – удивился Лужехмур. – Ты путаешь, по-моему. Мне кажется, стоило бы осмотреться на этой плоской вершине. Вы не заметили...

– Господи! – сказал Ерш. – Нашел время любоваться видами. Ради всего святого, пошли дальше!

– Ой, посмотрите! – воскликнула Джил. На севере, много выше уровня плато, появилась череда огней. Еще яснее, чем в прошлый вечер, было видно, что это свет в окнах – в маленьких окнах, наводивших на мысль об уютных спальнях, и в окнах побольше, заставлявших думать о залах, где гудит пламя в очагах, а на столах дымит горячий суп или сочное жаркое.

– Харфанг! – воскликнул Юстас.

– Все это очень хорошо, – настаивал Лужехмур, – я только хотел сказать, что...

– Заткнись, – отрезала Джил. – Нельзя терять ни секунды. Помнишь, что сказала дама в зеленом? Они рано запирают ворота. Мы должны попасть туда вовремя. Мы попросту погибнем без крова в такую ночь.

– Еще вовсе не ночь, – начал было Лужехмур, но тут дети хором перебили его. «Пошли», – сказали они, и побежали по скользкому плато так быстро, как только могли. Бредущий за ними квакль еще пытался что-то сказать, но из-за ветра они не могли его услышать, даже если бы очень захотели. Впрочем, они и не хотели. Они думали только о ваннах, постелях и горячем чае, да еще о том, как страшно было бы опоздать в Харфанг.

Несмотря на спешку, брести им пришлось долго, а в самом конце плато их ожидало еще несколько уступов, с которых на этот раз пришлось спускаться. Наконец они добрались до самого подножия холма и увидели Харфанг вблизи.

Замок стоял на высокой скале и, несмотря на многочисленные башни, больше напоминал огромный дом, чем крепость. Добрые великаны, очевидно, никого не боялись. В наружной стене совсем над самой землей были прорублены окна, которых в настоящей крепости, конечно же, не бывает. Там и сям виднелись двери, так что в замок легко можно было попасть, минуя главный двор. Дети приободрились. Харфанг казался им приветливым.

Утес был ужасно крутой и высокий. Они отыскиали, правда, выходящую вокруг него тропинку, но после такого дня взбираться по ней все равно было нелегко. Джил совершенно выдохлась – Ершу и Лужехмуру пришлось последние сто метров тащить ее чуть ли на своих плечах. Наконец они очутились перед воротами. Ворота были распахнуты. Решетка поднята.

Но как бы ты ни устал, страшно вато заявляться в гости к великанам.

Несмотря на все свое недоверие к Харфангу, самым храбрым оказался Лужехмур.

– Шагом марш, – сказал он, – не показывайте вида, что боитесь. Самое глупое – что мы вообще сюда пришли. Но раз уж мы здесь, глядите посмелее.

С этими словами он зашел под арку так, чтобы эхо усиливало его слова, и крикнул во весь голос:

– Эй, привратник! Принимай гостей!

В ожидании ответа он снял шляпу и стряхнул с ее полей толстый слой снега.

– Может, он и нытик, – шепнул Ерш Джил, – но в смелости ему не откажешь.

Дверь, отворившаяся в глубине двора, дивно отсвечивала пламенем очага; появился привратник. Джил закусила губу, чтобы не закричать. Это был не такой уж большой великан – повыше яблони, но пониже телеграфного столба. У него были всклокоченные рыжие волосы, он носил кожаный камзол со множеством металлических пластинок, которые образовывали что-то вроде кольчуги, и какие-то краги на голых ногах с волосатыми коленями. Он наклонился и вытаращил глаза на Лужехмура.

– А ты что за создание? – спросил он.

Джил собрала всю свою храбрость.

– Простите, – она возвысила голос, – дама в зеленом уборе приветствует короля добрых великанов. Она послала нас, двух детей с юга, и этого квакля-бродякля по имени Лужехмур на ваш осенний пир. Если мы вас не потесним, конечно, – добавила она.

– Ого! – сказал привратник. – Тогда совсем другое дело. Входите, малявки, входите в дом, а я пока доложу его величеству.

– Он посмотрел на детей с любопытством. – Какие у вас лица синие. Противно даже. Ну, друг другу-то вы наверняка нравитесь. Одних жучков всегда к другим тянет.

– Это мы от холода посинели, – объяснила Джил. – На самом деле мы не такого цвета.

– Тогда ступайте греться. Заходите, коротышки, – сказал привратник. И они последовали за ним. Когда сзади опустилась огромная дверь, они перепугались, но тут же об этом забыли – потому что увидели то, о чем мечтали со вчерашнего вечера – огонь! И какой это был огонь! Он выглядел так, словно в нем пылало зараз штук пять толстенных деревьев, и был такой жаркий, что подойти к нему ближе, чем на несколько шагов, путники не могли. Они улеглись на теплом кирпичном полу и вздохнули с облегчением.

– Вот что, юноша, – приказал привратник великану, сидевшему в глубине комнаты и глазевшему на пришельцев так, что у него глаза вылезли на лоб, – беги с этой вестью к королю. И он повторил то, что ему сказала Джил.

Юный великан еще раз глянул на пришельцев своими выпученными глазами, громко фыркнул и исчез.

– А тебе, лягушонок, – обратился привратник к Лужехмуру, – не помешало бы взбодриться. – Он извлек откуда-то черную бутылку, почти такую же, как у Лужехмура, но раз в двадцать больше. – погоди. Стакана я тебе не дам – еще утонешь. Дай-ка подумать. Солонка, пожалуй, будет тебе в самый раз. Только не говори об этом никому. Сюда все время попадает столовое серебро. Но я в этом не виноват.

Солонка эта была уже и выше, чем в нашем мире, так что из нее вышел отличный кубок для Лужехмура. Дети думали, что их друг из-за недоверия к великанам откажется пить, но ошиблись. «Поздно уже осторожничать, – проворчал он, – мы уже здесь, и дверь захлопнулась». Он понюхал жидкость. – Пахнет нормально. Надо проверить на вкус. – Он отпил из солонки. – Тоже неплохо. Может, только первый глоток такой? – Он выпил еще, на этот раз побольше. – Ага! Наверное, вся гадость на самом дне». Он осушил солонку и заметил, облизав губы: «Это я пробую, дети. Если я сморщусь, взорвусь или превращусь в ящерицу, вы поймете, что здесь ничего нельзя ни пить, ни есть». Великан, стоявший слишком далеко, чтобы его услышать, расхохотался:

– Ну, лягушонок, да ты настоящий мужчина! Посмотрите только, как он ее выдул!

– Я не мужчина, – нетвердым голосом сказал Лужехмур, – я квакль-бродякль. И не лягушонок. Говорю же – квакль!

Тут дверь отворилась, и вошел молодой великан.

– Немедленно ступайте в тронный зал.

Дети встали, но Лужехмур остался сидеть, повторяя: «Квакль-бродякль. Квакль-бродякль».

Весьма уважаемый квакль-бродякль. Весьмакль уважажль».

– Покажи им дорогу, юноша, – сказал привратник. – А лягушонка лучше отнести. Он чуток перебрал.

– Со мной все в порядке, – возмутился Лужехмур. – И не лягушонок я. А уважакль-трезвакль.

Но молодой великан только схватил его поперек пояса и дал детям знак следовать за ним. В таком не очень достойном виде они пересекли двор. Квакль, брыкавшийся в руке великана, и впрямь напоминал лягушку. Однако думать об этом у них времени не было. С колотившимся сердцем они вошли в главную дворцовую дверь, миновали несколько коридоров, едва поспевая за великаном, и очутились в огромной ярко освещенной зале. Там сияли лампы, и пылал в очаге огонь, отражаясь в позолоте потолка и карнизов. Справа и слева теснились великаны в роскошных одеждах. А на двух гигантских тронах в дальнем конце залы сидели две громадины – по всей видимости, королевская чета.

Шагах в двадцати от тронов все четверо остановились. Юстас и Джил неловко попытались отвесить поклон (в Экспериментальной школе не учили хорошим манерам), а молодой гигант осторожно поставил Лужехмура на пол, где тот принял что-то вроде сидячей позы. По правде говоря, из-за своих длинных рук и ног сейчас он ужасно походил на огромного паука.

Глава ВОСЬМАЯ. В ХАРФАНГСКОМ ЗАМКЕ

– Валяй, Джил, говори, – прошептал Ерш.

Но во рту у девочки так пересохло, что она не смогла произнести ни слова, и только испуганно мотнула головой. Юстас ужасно разозлился. «Ни ей, ни Лужехмуру ни за что не прощу», – подумал он. Но делать было нечего. Ерш облизал губы и закричал королю великанов:

– С позволения вашего величества, Дама в зеленом приветствует вас. Она сказала, что мы украсим собой ваш осенний пир.

Король и королева обменялись взглядами, кивнули друг другу, и губы их расплылись в улыбке, которая не очень-то понравилась Джил. Король, кажется, был не такой противный, как его супруга. Для великана он даже был хорош собой, со своей кудрявой бородой и орлиным носом. Королева же отличалась кошмарной полнотой: двойным подбородком и жирными напудренными щеками. И обычного-то человека все это не украсит, а в десятикратно увеличенном виде выглядит еще хуже. Тут король облизнулся. Конечно, так любой может сделать. Но язык у него был такой огромный и красный, и высунулся так неожиданно, что Джил вздрогнула.

– Что за славные детки! – сказала королева. («А может, она и ничего» – подумала Джил).

– Очень славные, – поддержал ее король. Добро пожаловать к нашему двору. Позвольте пожать вам руки.

Он протянул свою правую ручищу – чистую, со множеством колец на пальцах и с длинными острыми ногтями. Пожать руки он не смог, пришлось сжать им локти.

– А это еще кто? – король указал на Лужехмура.

– Уважако-бродякль, – отвечал тот.

– Ой! – завизжала королева, подбирая юбки. – Какая гадость! Оно живое!

– Да он хороший, ваше величество, честное слово, – заторопился Ерш. – Он вам очень понравится, когда вы познакомитесь поближе. Я уверен.

Надеюсь, вы не утратите интереса к Джил, если я сообщу, что в этот момент она вдруг заплакалась. И ее можно было извинить. Руки, уши и нос только начали оттаивать, по одежде стекла талая вода, весь день она почти ничего не ела и не пила. И ноги у нее ныли так, что трудно было стоять. Во всяком случае, слезы ее оказались кстати.

– Ах, бедненькая, – сказала королева. – Друг мой, почему же мы заставляем гостей стоять! Уведите их побыстрее. Дайте им еды, вина, вымойте в горячих ваннах. Утешьте девочку. Дайте ей леденцов, дайте кукол, дайте лекарств, дайте всего на свете – печенья, копченья, соленья, варенья, игрушек. Не плачь, милочка, а то ты никуда не будешь годиться на пир.

При словах о куклах и игрушках Джил вознегодовала, как любой из нас сделал бы на ее месте. И хотя конфеты и печенье – тоже в своем роде вещь неплохая – она очень надеялась получить что-нибудь посущественней. Дурацкая речь королевы, однако, возымела отличное действие – тут же подхватив Лужехмура и Юстаса, гигантские лакеи унесли их в комнаты. Фрейлина-великанша

сделала то же самое с Джил.

Комната Джил, размером с дом, была бы довольно мрачной, если бы не ревущий в очаге огонь и толстый алый ковер на полу. К тому же в этой комнате дела у девочки сразу пошли на лад. К ней приставили королевскую кормилицу, которая на великанский взгляд была согнувшейся в три погибели старушкой, а на человеческий – великаншей, достаточно маленькой, чтобы войти в обычную комнату, не ударившись головой в потолок. Старушка оказалась очень проворной, хотя Джил предпочла бы поменьше причмокиваний и разговоров вроде «Ути-тютти, какой цветочек», «Ах ты, котичка» и "Теперь все будет ладушки». Наполнив великанскую ванну горячей водой, она помогла Джил забраться в нее. Если вы умеете плавать (а Джил умела) то великанская ванна – отменная штука. И великанские полотенца, при всей их грубости, тоже отличная вещь

– такими огромными даже вытираться не нужно, знай катайся по ним перед очагом в свое удовольствие. После купания Джил одели в чистую, теплую, свежую одежду, великоватую, но все-таки человеческую, а не великанскую. «Раз сюда наезжает дама в зеленом, они, наверное, привыкли к гостям нашего размера», – подумала Джил.

Вскоре она убедилась в своей правоте, потому что в комнату принесли стул и стол, явно предназначенные для обычных людей. Ножи и вилки тоже были вполне обыкновенные. Хорошо было сидеть за столом в тепле и чистоте, прикасаясь голыми подошвами к великанскому ковру. Стоя, она утопала в нем чуть ли не до колен. На обед – я полагаю, это можно назвать обедом, хотя было время чаепития – подали луковый суп, запеченную индейку, горячий пудинг, жареные каштаны и множество фруктов.

Раздражала Джил только старая великанша, которая постоянно входила и выходила, принося с собой великанские игрушки – то куклу размером с саму Джил, то деревянную лошадку на колесах, величиной с доброго слона, то барабан, похожий на дирижабль. Игрушки были грубые, игриво раскрашенные, и Джил даже смотреть на них не могла. Несмотря на ее протесты, кормилица продолжала сюсюкать:

– Ну-ну-ну! Очень даже захотим поиграть, когда отдохнем немножко. Баиньки, баиньки... Ах, какой поросенок!

Джил с наслаждением вытянулась в кровати – не великаншей, но все-таки огромной, какие бывают в старых гостиницах.

– А снег еще идет, няня? – спросила она сквозь сон.

– Нет, лапочка, теперь дождик идет. Дождичек растопит весь этот отвратительный снег, чтобы утром наша деточка могла поиграть на дворе!

Ничего не знаю отвратительней, чем поцелуй великанши. Джил показалось точно так же. Но как бы то ни было, через пять минут она уже спала.

Весь вечер и всю ночь в окна замка стучался дождь, которого Джил не слышала. Она проспала и время ужина, и полночь. Наступил самый глухой час, когда в замке у гигантов не спали только мыши. И тут Джил приснился сон: будто она проснулась в той же самой комнате, увидела потухающий огонь и деревянную лошадь на колесах, которая сама подкатилась по ковру к ее изголовью и превратилась в льва, такого же огромного, как она сама. Лев был сначала игрушечный, а потом стал настоящим. Таким же настоящим, как тот, что повстречался Джил на горе, на краю света. Комнату наполнило немыслимое благоухание. Но девочку мучила непонятная тревога, и у нее по щекам на подушку текли слезы. Аслан велел ей повторять знаки, а она их позабыла. Мысль эта ужаснула Джил. Лев, шумно дыша, осторожно взял ее одними губами и поднес к окну. При ярком свете луны она увидела начертанные на небе слова: ПОДО МНОЙ. Проснувшись утром, Джил совершенно забыла о том, что ей снилось.

Она уже оделась и позавтракала у камина, когда вошла няня.

– А вот и наши друзья пришли поиграть с нашей деточкой, – провозгласила она.

Джил увидела Ерша и квакля-бродякля.

– Привет! – сказала она. – С добрым утром! Здорово я поспала

– часов пятнадцать, наверно. Мне куда лучше, а вам?

– Мне-то да, – отвечал Ерш, а вот Лужехмур жалуется на головную боль. А! У тебя окно с подоконником. Давай-ка заберемся на него и посмотрим, что делается снаружи.

Так они и поступили. Джил сразу же вскрикнула:

– Ну и кошмар!

Светило солнце, почти весь снег растаял под дождем. Под ними, словно распластанная на

столе карта, лежала плоская вершина холма, на которую они с таким трудом взобрались вчера. Из замка было ясно видно, что это развалины огромного города. Плоской вершина была, как сейчас увидела Джил, из-за мостовой, местами разрушенной. Торчавшие вкривь и вкось выступы были остатками домов, некогда служивших великанам дворцами и храмами. Один участок стены, метров в полтора высотой, был тем самым утесом, который Джил видела вчера. Обломки колонн лежали у его подножия, словно каменные стволы чудовищных деревьев. А уступы, по которым они карабкались на северной стороне горы, как и те, что на южной, были остатками великанских лестниц. И в довершение, в самом центре холма было начертано большими темными буквами: ПОДО МНОЙ.

Трое путешественников взглянули друг на друга почти в отчаянии, и Ерш, присвистнув, сказал то, что все они думали.

– Мы пропустили второй и третий знаки.

– Это я виновата, – Джил мгновенно припомнила свой сон. – Я... я перестала повторять знаки каждый вечер. Если бы я о них думала, я бы даже в снегу узнала, что мы в разрушенном городе.

– Я еще больше виноват, – сказал Лужехмур. – Я-то его узнал. Или почти узнал. Мне казалось, что холм очень похож на развалины.

– С тобой-то как раз все в порядке, – сказал Ерш. – Ты ведь нас старался остановить.

– Плохо старался, – ответил квакль. – Надо было лучше. Ах! Я же мог вас просто за руки схватить!

– Правда в том, – сказал Ерш, – что мы так рвались в это место, что все остальное вылетело у нас из головы. У меня, по крайней мере. С тех пор, как мы встретили ту даму с молчаливым рыцарем, мы только о Харфанге и мечтали. А о принце Ририане почти забыли.

– Не удивлюсь, – сказал Лужехмур, – если она как раз этого и хотела.

– Чего я не понимаю, – заговорила Джил, – почему мы букв не увидели? Или они там появились за эту ночь? Может быть, Аслан успел их начертить за это время? Мне такой странный сон приснился...

Она пересказала друзьям свой сон.

– Ух ты, дубина! – воскликнул Ерш. – Мы же их видели. Мы побывали у этой надписи. Понимаешь? Мы были у буквы М... Пошли по левой палочке буквы на север, потом повернули направо, потом из угла снова направо, и затем на юг. Идиоты! – Он в сердцах ударил по подоконнику. – Прекрасно знаю, что ты думала, Джил. Я и сам думал о том же самом – как было бы замечательно, если бы Аслан начертал буквы иа камне уже после того, как мы миновали разрушенный город. Да? Нет! Они там были уже вчера. Нам и всего-то дали четыре знака, и три из них мы проворонили...

– Ты хочешь сказать, я проворонила, – сказала Джил. – Хорошо. Я все вам портила с самого начала. Ладно, мне ужасно стыдно. Но все-таки, что же означают эти слова, – «подо мной»? Абракадабра какая-то.

– Нет-нет, – сказал Лужехмур. – Это значит, что мы должны искать принца под городом.

– Но как? – удивилась Джил.

– В том-то и вопрос, – Лужехмур потер свои большие лягушачьи лапы. – Как нам теперь это сделать? Несомненно, будь у нас голова на месте, когда мы брели по Городу Развалин, мы бы обнаружили что-нибудь – дверцу, пещеру, туннель. Встретили бы кого-нибудь, кто сумел бы помочь. Может быть, даже самого Аслана, кто знает. Как-нибудь пробрались бы под эти глыбы. Указания Аслана всегда действенны, без исключений. А вот как нам быть теперь – это уже другая история.

– Наверно, надо вернуться в город, – сказала Джил.

– Легче легкого, не правда ли? – съязвил Лужехмур. – Давайте для начала попробуем открыть хотя бы эту дверь.

Они взглянули на дверь и увидели, что никто из них не достает до ручки, а если и дотянется – не сможет повернуть.

– Может быть, нас выпустят, если мы попросим? – спросила Джил. Все промолчали, но каждый подумал, что вряд ли это возможно.

Мысль была не из приятных. Лужехмур категорически возражал против откровенничанья с великанами и просьб об освобождении. Дети, конечно, не могли рассказать великанам о цели своего похода, потому что обещали Лужехмuru, что будут об этом молчать. Все трое были почти

уверены, что ночью из замка улизнуть не удастся. Вечером их запрут в комнатах, где им придется томиться до утра. Можно, конечно, попросить оставить двери открытыми, но это вызовет у великанов подозрение.

– Единственный шанс, – заговорил Ерш, – это сбежать днем. Наверняка после обеда великаны ложатся на часок-другой поспать. И если прокрасться на кухню – черный ход может оказаться открытым?

– Шанс из самых крошечных, – сказал Лужехмур. – Но другого-то у нас нет.

Вообще-то план был не такой уж безнадежный. Иной раз выскользнуть из дома среди бела дня легче, чем в полночь. Двери и окна скорее всего будут открыты, а если поймают, всегда можно притвориться, что просто хотел прогуляться. (Ни взрослые, ни великаны ни за что такому не поверят, если увидят вас вылезающим из спальни в час ночи).

– Надо усыпить их бдительность, – заявил Ерш. – Притвориться, что нам здесь жутко нравится и что мы, умирая от нетерпения, ждем их осеннего пира.

– Он завтра вечером, – сказал Лужехмур. – Я слышал разговор между этими чудищами.

– Понятно, – вступила Джил. – Сделаем вид, что мы в полном восторге и будем задавать им кучу вопросов. Чтобы они приняли нас за простачков. Тогда легче будет.

– Веселиться, – глубоко вздохнул Лужехмур, – веселиться. Вот что нам нужно. Будто других забот у нас нет. Резвиться, да. Вы, молодые люди не всегда веселитесь, как я заметил. Учитесь у меня. Я буду веселый. Вот такой, – он криво ухмыльнулся. И резвый. – Он скорчился и подпрыгнул. – У вас скоро получится, не беспокойтесь. Смотрите только на меня повнимательней. Они меня и так уже держат за сущего клоуна. Вы, полагаю, думали вчера, что я подвыпил. Но это все – верней, почти все, – было притворством.

Позже, вспоминая свои приключения, Джил и Юстас никак не могли понять, когда их товарищ говорил правду, а когда немного заливал. Во всяком случае, они решили, что сам Лужехмур в свои слова верил твердо.

– Отлично, – сказал Ерш. – Будем веселиться. Кто бы нас теперь выпустил из этой комнатищи? Веселиться, дурачиться, но нужно как можно больше при этом узнать о замке.

К счастью, в то же мгновение дверь отворилась. «Ну, детишки,

– закудахтала няня-великанша, – хотите посмотреть, как король с придворными собираются на охоту? Такая милая картина!»

Не теряя ни секунды, они бросились мимо нее вниз по ступенькам – на собачий лай, звуки охотничьих рожков и гам великанских голосов – и тотчас оказались во дворе. Великаны охотились пешими, потому что гигантских лошадей у них не было. И собаки были обычных размеров.

Отсутствие лошадей сначала разочаровало Джил. Ей показалось, что толстухе-королеве никогда не поспеть за собаками, а значит, она останется дома на весь день. Но Джил ошиблась – королеву тащили на носилках шесть молодых великанов. Глупая старуха была одета во все зеленое, а на боку у нее висел рожок. Несколько десятков великанов, включая короля, галдели и смеялись так, что можно было оглохнуть. Рядом с Джил лаяли, махали хвостами собаки, некоторые тыкались ей в ладони своими влажными носами. Лужехмур начал было изображать игривое веселье (что испортило бы всю затею, если бы его веселье заметили), но тут Джил, изобразив самую привлекательную детскую улыбку, подбежала к носилкам королевы и крикнула ей:

– Ваше величество! Неужели вы покидаете нас?

– Да, милочка, – отвечала королева, – я вернусь к вечеру.

– Ой, как замечательно! – сказала Джил. – А правда, что нам можно будет завтра вечером прийти на пир? Мы об этом так мечтаем! И нам тут так нравится! А пока вас не будет, можно мы побегаем по замку, осмотрим его? Пожалуйста!

Королева кивнула и что-то сказала – но слова ее заглушил дружный смех придворных.

Глава ДЕВЯТАЯ. КАК ОНИ ОБНАРУЖИЛИ НЕЧТО ЛЮБОПЫТНОЕ

Позднее все соглашались, что Джил в тот день была просто в ударе. Стоило королю и его свите отправиться на охоту, как Джил стала бродить по всему замку, задавая вопросы таким невинным детским голоском, что никто ее не мог заподозрить ни в каком тайном умысле. И хотя язык ее ни на секунду не останавливался, трудно было назвать разговором эту болтовню и хихиканье. Она любезничала со всеми служанками, лакеями, фрейлинами, престарелыми великанами, у

которых дни охотничьих забав были уже позади. Она сносила поцелуи и ласки многочисленных великанш, по неизвестной причине называвших ее бедняжкой. Особенно подружилась девочка с поваром, обнаружив при этом одно крайне важное обстоятельство: на кухне имелся черный ход, позволявший, минуя главные ворота и двор, выбраться за крепостную стену. На кухне она притворялась страшной обжорой и поглощала все поджарочки, которыми ее потчевали обрадованные кухарки. Но наверху, среди придворных дам, она спрашивала о своем наряде для пира, и сколько ей позволят пробыть среди гостей, и нельзя ли ей будет потанцевать с каким-нибудь малюсеньким великанчиком. И, наконец, она склоняла голову набок совершенно идиотским манером (почему-то это умиляет взрослых – и великанов, и обыкновенных), потряхивала кудряшками и сюсюкала: «Ой, как не терпится! Как вы думаете, время пройдет быстро?» Вспоминать всю эту клоунаду ей было впоследствии ужасно стыдно. Но все великанши находили ее очаровательной малышкой, а некоторые из них подносили к глазам огромные носовые платки, будто собирались разрыдаться.

– Какие они славные в этом возрасте, – сказала одна великанша другой. – Даже немножко жалко...

Ерш и Лужехмур тоже старались, однако, девочкам такие штуки удаются все-таки лучше, чем мальчикам, хотя мальчики умеют это делать куда лучше, чем квакли-бродякли.

А за обедом случилось происшествие, после которого им еще больше захотелось поскорее удрать из великанского замка. Им накрыли в главном зале, за особым столиком у камина. Метрах в двадцати, за большим столом, обедало человек шесть великанов. Болтали они так громко и так высоко над головой, что дети вскоре перестали слушать – как не слушаешь уличного шума. Все ели холодную оленину. Джил никогда раньше ее не пробовала, и находила мясо очень вкусным.

Вдруг Лужехмур повернулся к детям, настолько изменившись в лице, что бледность проступила даже через серовато-зеленый цвет его кожи.

– Ни кусочка больше не ешьте, – прошептал он.

– А в чем дело? – спросили дети.

– Вы не слышали их разговора? «Отменная, нежная вырезка» – говорил один. «Значит, этот олень нас обманул», – сказал другой. «Почему?» – спросил первый. «Когда его поймали, – отвечал второй, – он вроде бы просил его не убивать. Мясо, дескать, у меня жесткое, говорил, вам не понравится».

Джил не сразу поняла смысл этих слов и вздрогнула лишь тогда, когда Ерш широко раскрыл глаза от ужаса.

– Значит, мы едим ГОВОРЯЩЕГО оленя, – еле вымолвил он.

Это открытие произвело на всех троих разное впечатление. Джил впервые была в этом мире. Она жалела оленя и думала, какое свинство со стороны великанов было его убивать. Ерш еще в прошлый раз в Нарнии подружился по крайней мере с одним говорящим зверем, и потому ужаснулся примерно так же, как мы ужасаемся убийству. Но Лужехмур, коренной нарниец, чуть не упал в обморок. Его тошнило, словно он узнал, что ел младенца.

– На нас пал гнев Аслана, – сказал он. – Вот что случается, когда не следуешь знакам. Теперь мы наверняка прокляты. И если бы это разрешалось, лучшим выходом для нас было бы вонзить эти ножи в собственные сердца.

Джил мало-помалу прониклась теми же чувствами. Есть никто из них больше не мог. При первой возможности они выскользнули из зала.

Приближалось дневное время, на которое они наметили свой побег. Все волновались. Они слонялись по переходам, ожидая, когда замок утихнет. После обеда великаны в зале еще долго сидели за столом. Один из них, лысый, рассказывал какую-то историю. Когда она кончилась, трое путников прокрались на кухню. Но и там торчали великаны, моющие посуду. Было сущим мучением дожидаться, покуда они кончат работу и, вытерев руки, один за другим уйдут. Наконец на кухне осталась только одна пожилая великанша. Она продолжала возиться так долго, что, казалось, вовсе не собиралась уходить.

– Что ж, дорогие мои, – сказала она, работа почти кончена. Чайник поставим, чайком побалуемся. Теперь можно и передохнуть. Загляните-ка в сени, будьте паиньками, и скажите, открыт ли черный ход.

– Открыт, – сказал Юстас.

– Вот и хорошо. Я его всегда оставляю открытым, чтобы киска, бедняжка, могла входить и выходить.

Тут она уселась на стул, а ноги положила на другой.

– Хорошо бы теперь вздремнуть, – сказала великанша. – Лишь бы эти растреклятые охотнички не вернулись слишком рано.

При слове «вздремнуть» все они воспряли духом – и снова упали, когда великанша упомянула о возвращении охотников.

– А когда они обычно возвращаются? – спросила Джил.

– Кто их знает, – отвечала великанша. – Ну ладно, посидите тихо, мои лапочки.

Они отошли в дальний угол кухни и тут же выскользнули бы в сени, если бы великанша не открыла глаза, чтобы отогнать муху. «Погодите, пусть покрепче уснет», – шепнул Ерш, – а то все испортим. И они сгрудились в углу, дожидаясь удобной минуты. Мысль о том, что сейчас могут вернуться охотники, была ужасной. А великанша никак не могла уснуть. Стоило им подумать, что она совсем заснула, как она начинала шевелиться.

– Я этого не вынесу, – подумала Джил.

Чтобы отвлечься, она решила осмотреть кухню. Перед ней стоял широкий стол с двумя чистыми блюдами для пирогов и раскрытой книгой. Блюда, разумеется, были гигантскими – Джил легко могла бы в любом из них поместиться. Она забралась на лавку у стола, заглянула в книгу и прочитала:

ЧИБИС. Из этой птицы можно приготовить множество вкусных блюд.

«Поваренная книга», – равнодушно подумала Джил и оглянулась. Она увидела великаншу, сидящую с закрытыми глазами, но еще явно не заснувшую. Джил снова посмотрела в книгу, составленную в алфавитном порядке, и сердце у нее чуть не остановилось. Вот что там было написано:

ЧЕЛОВЕК. Это изящное небольшое двуногое, которое издавна считается деликатесом, является традиционным блюдом на осеннем пиру, где подается между рыбой и мясным. Каждый человек...

Дальше читать девочка не смогла. Обернувшись, она увидела, что великанша проснулась от приступа кашля. Джил легонько толкнула своих друзей, указывая им на книгу. Они тоже забрались на лавку и склонились над огромными страницами. Не успел Ерш дочитать инструкции по изготовлению блюд из человечины, как Лужехмур, полистав книгу, обнаружил и такие строки:

КВАКЛЬ-БРОДЯКЛЬ. Некоторые специалисты считают это животное несъедобным для великанов из-за его жилистой консистенции и привкуса тины. Однако этот привкус можно значительно уменьшить, если...

Джил слегка тронула за ногу Лужехмура, а потом Ерша. Все трое обернулись на великаншу. Рот ее был приоткрыт, а из носа доносились звуки, показавшиеся им небесной музыкой. Она храпела. Теперь надо было тихонько, на цыпочках, не дыша, выйти в сени – ох, какой там стоял смрад! – и выбраться, наконец, на бледный свет зимнего дня.

Вскоре они уже стояли на самом верху неровной тропинки, спускавшейся вниз. К счастью, она лежала справа от замка, и оттуда открывался вид на разрушенный город. Еще через несколько минут они уже шли по широкой крутой дороге, ведущей от главных ворот замка к руинам. Отсюда их можно было заметить, между прочим, из всех окон замка. Из одного окна, или даже из пяти, мог никто и не выглянуть, но окон было около пятидесяти. К тому же и на дороге, и на всем пространстве вплоть до Города Развалин, в гальке, траве и плоских булыжниках, не могла бы укрыться и лиса. И вдобавок дети были в одежде, полученной вчера от великанов (на Лужехмура ничего не подошло). Джил носила ярко-зеленое платье, слишком для нее длинное, и алую мантию, отороченную белым мехом. На Юстасе были алые чулки, голубой камзол, синий плащ, шпага с золотой чеканкой и шляпа с пером.

– Экие вы пестрые, – пробормотал Лужехмур. – Чудная одежда для того, кто хочет, чтобы его издалека заметили в зимний день. Самый скверный стрелок в мире – и то бы не промахнулся. Кстати, о стрелках, нам скоро очень пригодились бы наши луки. Ваша одежонка к тому же, наверное, холодная?

– Я уже мерзну, – отвечала Джил.

Всего несколько минут назад, на кухне, Джил казалось, что самое трудное – выбраться из замка. Теперь она поняла, что опасности только начинаются.

– Спокойней, спокойней, – повторял Лужехмур. – Не оглядывайтесь, не спешите, ни в коем случае не бегите. Пускай думают, что мы на прогулке. В таком случае даже если и заметят, то не

станут поднимать шума. В ту секунду, когда в нас распознают беглецов, нам конец.

До разрушенного города было куда дальше, чем казалось Джил. И все же мало-помалу они приближались к развалинам. Вдруг послышался шум. Ерш с Лужехмуром замерли, а Джил, не распознавшая звука, спросила, что это такое.

– Охотничий рожок, – шепнул Ерш.

– Даже теперь – не бегите, пока я не дам знака, – сказал Лужехмур.

Джил, не удержавшись, обернулась. Минутах в десяти ходьбы, ближе к замку, возвращалась охотничья кавалькада. И вдруг поднялся шум великанских голосов, а за ним – выкрики и проклятия.

– Нас увидели. Бежим, – приказал Лужехмур.

Джил подхватила свои юбки (одежду, крайне неподходящую для бега) и пустилась наутек. Опасность надвигалась. Лай становился все громче. Слышался голос короля:

– В погоню, в погоню, а то не видать нам завтра пирога с человечинкой!

Джил уже начала отставать от своих друзей. Путаясь в юбках, скользила она по шатким камням. Волосы попадали ей в рот, а в груди нарастала нестерпимая боль. Тем временем собаки приближались. Она карабкалась по скалистому склону, который вел к нижней ступени великанской лестницы. Как же забраться на лестницу? И что делать, даже если они добежали бы до вершины? Но об этом она не думала, словно затравленный зверь, который знает только одно: бежать, куда не кончатся силы.

Самым первым домчался квакль. У нижней ступени он остановился, посмотрел направо и неожиданно проскользнул в какое-то отверстие. Быстро мелькнули и исчезли его длинные паучьи ноги. Юстас, помедлив, тоже полез за ним. А Джил, едва дыша и пошатываясь, исчезла в дыре минутой позже. Дыра была малопривлекательная – просто трещина между землей и камнем, около метра в длину и полуметра в высоту. Забраться туда можно было только ползком. Джил казалось, что в ее пятку вот-вот вцепятся собачьи зубы.

– Быстро, быстро, – раздался из темноты голос Лужехмура. – Камней! Заваливайте вход.

Тьму нарушало только тусклое свечение из отверстия, через которое они попали в пещеру. Ерш и Лужехмур работали вовсю. Джил видела на фоне этого слабого света мелькающие руки Юстаса и лягушачьи лапы квакля. Тут и Джил, поняв, как это важно, стала выискивать камни покрупнее и передавать их своим товарищам. Прежде, чем послышался собачий лай у входа, щель была заделана. Теперь, конечно, в пещере стало совершенно темно.

– Быстро вперед, – прозвучал голос Лужехмура.

– Давайте возьмемся за руки, – предложила Джил.

– Отлично, – сказал Ерш. Им пришлось довольно долго искать в темноте руки друг друга. А по ту сторону каменной преграды собаки уже с шумом втягивали носами воздух.

– Попробуем-ка выпрямиться, – сказал Ерш. Это им удалось. Лужехмур повел за собой Юстаса, Юстас – Джил, которая, по правде сказать, предпочла бы находиться в середине, а не в конце. Шаря ногами и натываясь на камни, они продвигались в темноте, куда Лужехмур не наткнулся на сплошную скалу. Затем они повернули направо. Дальше оказалось множество поворотов и изгибов. Джил перестала понимать, куда они идут, и уже не знала, где остался вход в пещеру.

– Еще вопрос, – звучал из темноты голос Лужехмура, – не лучше ли нам вернуться назад, если мы сможем найти дорогу, конечно, – и послужить добрым лакомством для великанов, чем плутать в утробе холма, где – десять шансов против одного – мы наткнемся на драконов, глубокие пропасти, вулканы, подземные реки и... ой! Берегитесь! Я...

Дальше все случилось чрезвычайно быстро. Раздался крик, послышался шум осыпающихся камней, и Джил почувствовала, что стремительно скользит вниз по каменистой осыпи, которая становилась все круче и круче. Даже если бы удалось встать, что толку? Ноги все равно безудержно скользили по щебню, увлекая за собой тело. Джил не стояла, а скорее лежала. И чем дальше они скользили, тем больше земли и камней вовлекалось в поток. Теперь они неслись с сумасшедшей скоростью, в полной уверенности, что у подножия спуска разобьются в лепешку.

Однако все непонятным образом уцелели. Конечно, Джил была вся в синяках и в чем-то липком, должно быть, в крови. Вокруг девочки и даже на ней лежало столько земли, сланца и гальки, что она не могла подняться. Темнота была такой, что не имело никакого значения, открыты глаза или закрыты. Стояла полная тишина. Наступил самый страшный миг в жизни Джил: она

подумала, что осталась одна, что другие... и тут услышала рядом какое-то движение. Наконец, все трое дрожащими голосами сообщили друг другу, что кости у них, кажется, целы.

– Нам уже никогда не залезть обратно, – сказал Ерш.

– А вы заметили, как тут тепло? – спросил Лужехмур. – Значит, мы очень глубоко. Километра полтора под землей.

Все промолчали. Чуть попозже Лужехмур добавил:

– Кремень и огниво потерялись.

После еще одной долгой паузы Джил сказала, что умирает от жажды. Никто ей не ответил. Делать было нечего.

И вдруг прозвучал очень странный голос. Они сразу поняли, что он принадлежит не тому, кого они в глубине души больше всего надеялись услышать – не Аслану. Это был глухой, мрачный, я бы даже сказал, пугающий голос. Он произнес:

– Что привело вас в эти края, о жители Надземья?

Правда, из-за усталости их испуг в тот момент был не таким сильным.

Глава ДЕСЯТАЯ. ТАМ, ГДЕ НЕ СВЕТИТ СОЛНЦЕ

– Кто там? – закричали трое путешественников.

– Я Страж Подземья, и за мною стоит сотня вооруженных подземельцев, – послышалось в ответ. – Кто вы такие и зачем пожаловали в Королевство глубин?

– Мы случайно сюда упали, – довольно честно сказал Лужехмур.

– Многие падают, и мало кто возвращается к солнцу, – произнес голос. Готовьтесь проследовать со мной к королеве подземья.

– А что ей от нас нужно? – осторожно осведомился Ерш.

– Мне это неизвестно, – ответил голос. – Ее волю не оспаривают. Ей лишь подчиняются.

При этих словах раздался какой-то мягкий хлопок, и пещеру залил холодный серо-голубой свет. Всякая надежда на то, что слова о сотне вооруженных подземельцев были пустым хвастовством, мгновенно исчезла. Мигая, Джил глядела на странную толпу. В ней стояли существа всевозможных размеров – от крошечных гномов в полметра высотой до величественных фигур, что были крупнее любого человека. Они сжимали в руках трезубцы, были бледны и неподвижны словно статуи. Во всем остальном они сильно друг от друга отличались – одни были хвостатые, а другие – нет, одни носили бороды, а у других лица были круглые, огромные, словно тыквы. У жителей подземья были разные носы: длинные и острые, мягкие, как хоботы, носы, похожие на увесистые груши. Кое у кого посередине лба торчал рог. Но у всех без исключения лица были невыразимо печальны, настолько печальны, что Джил при первом взгляде на них почти позабыла о своем страхе, и ей даже захотелось как-то приободрить подземельцев.

– Что ж, – Лужехмур потерял руки, – именно этого мне и не хватало. Если эти парни не научат меня серьезно относиться к жизни, то уж не знаю, кому это удастся. Взгляните-ка на этого чудака с моржовыми усами, или на...

– Вставайте, – приказал начальник подземельцев.

Ничего не оставалось делать. Путники поднялись и взяли за руки. В такую минуту особенно хотелось держаться за руку друга. Со всех сторон шлепали своими ногами подземельцы – у кого было десять пальцев, у кого дюжина, а у кого и вовсе ни одного.

– Вперед! – приказал Страж, и они отправились в путь.

Холодный свет шел от огромного шара, насаженного на длинный шест, который нес впереди процессии самый высокий из гномов. При этом безрадостном свете они разглядели, что находятся в настоящей, а не искусственной пещере, среди шероховатых искривленных стен со множеством изгибов, складывающихся в причудливые фигуры. Каменная тропа спускалась все ниже. Джил больше других боялась темных подземелий, и ей было не по себе. А пещера, пока они шествовали, становилась все уже и ниже. Наконец, гном с фонарем посторонился и пропустил остальных существ, кроме самых маленьких, в узкую темную трещину, где они один за другим исчезли. Джил почувствовала себя совсем скверно.

– Не могу я туда лезть, честное слово не могу! И не буду! – отрезала она. – Подземельцы, не сказав ни слова, выставили свои копья и нацелили их на девочку.

– Держись, Джил, – сказал Лужехмур. Эти здоровые парни вряд ли стали бы туда лезть, если

бы дальше пещера не становилась шире. И учти, здесь мрачно, но зато уж точно не бывает дождя.

– Ты не понимаешь. Я просто не могу – заныла Джил.

– Вспомни-ка теперь, что я чувствовал на том утесе, – мстительно напомнил Ерш. – Ступай вперед, Лужехмур, а я пойду за этой плаксой.

– Отлично, – сказал квакль, опускаясь на четвереньки. – Держи меня за пятки, Джил, а Ерш будет держаться за твои. И всем будет очень удобно.

– Удобно? – возмутилась Джил. Но она опустила и поползла. Препротивное было местечко. Представляете, каково целых полчаса ползти лицом вниз? Впрочем, на самом деле, вероятно, прошло минут пять. Джил чуть не задохнулась от жары. Но, наконец, впереди забрезжил свет, туннель стал расширяться, и наши путники, взмокшие и перепачканные, выбрались в такую высокую пещеру, что и пещерой-то ее было назвать трудно. Ее заливал тусклый, дремотный свет, так что в странном фонаре подземельцев нужды больше не было. Посреди мягкого мха, покрывавшего пол, росли необычные растения, ветвистые, словно деревья, но рыхлые, как грибы. Именно от них, да еще от мха под ногами, исходило зеленовато-серое свечение, но слишком слабое, чтобы осветить своды пещеры. Они ступали по чему-то мягкому. Им было грустно и хотелось спать, словно тихая музыка убаюкивала их.

Далее они миновали множество странных созданий, лежащих на земле. Джил так и не поняла, мертвы эти существа, похожие то на драконов, то на летучих мышей, или просто спят. Лужехмур тоже не знал, кто они такие.

– Они все здесь выросли? – спросил Ерш у Стража. Тот, кажется, поразился тому, что к нему обращаются, но все же ответил.

– Нет. Все эти звери попали сюда из Надземья по щелям и трещинам. Многие спускаются вниз, но мало кто возвращается в солнечные края. Говорят, что все они проснутся, когда настанет конец света.

После этой краткой речи рот его захлопнулся, словно коробка, и в давящей тишине пещеры дети почувствовали, что никто из них больше не отважится заговорить. Голые пятки гномов бесшумно ступали по мягкому мху. Не шелестел ветер, не пели птицы, не журчала вода, и не дышали странные звери.

Пройдя несколько километров, они очутились у каменной стены с низкой аркой, ведущей в другую пещеру. Пещера, длинная и узкая, была поменьше первой, но все равно огромная, размером с собор. Почти все ее пространство занимало тело огромного человека. Этот гигант из гигантов спал глубоким сном. Лицо его было не такое, как у других великанов, а доброе и благородное. Грудь его тихо поднималась и опускалась под огромной, длинной белой бородой, доходившей до пояса. Чистый серебряный свет, струившийся неизвестно откуда, освещал спящего.

– Кто это? – спросил Лужехмур, нарушив такое долгое молчание, что Джил даже удивилась, как он отважился заговорить.

– Это старый Отец Время, бывший король Наземья, – сказал Страж. – Ныне он находится глубоко в Подземье и видит лишь сны о том, что происходит в верхнем мире. Многие погружаются глубоко, и мало кто возвращается в солнечные края. Говорят, что и он проснется, когда настанет конец света.

За этой пещерой лежала следующая, за ней еще одна и еще, так что Джил вскоре сбилась со счета. Во всяком случае, они спускались все ниже и ниже, и сама мысль о тяжести земли над головой захватывала дух. Наконец, они достигли места, где Страж велел вновь зажечь свой унылый фонарь. Они вошли в такую темную пещеру, что ничего не могли различить впереди, кроме полосы бледного песка, спускающегося к стоячей воде. У самого берега стоял корабль без парусов и мачты, но со множеством весел. Им велели взойти на корабль и провели на корму, где за скамьями гребцов было и полукруглое сиденье.

– Хотел бы я знать, – сказал Лужехмур, – пускался ли кто-нибудь еще из верхнего мира в такое путешествие?

– Многие отчаливали от блеклых песков, – начал Страж, но...

– Знаю, знаю, – перебил его Лужехмур, – но мало кто возвращается в солнечные края. Не стоит повторять. Ты, я вижу, очень увлекся этой идеей, не так ли?

Дети тесно прижались к Лужехмуру с обеих сторон. Наверху он нередко казался им нытиком, но тут, внизу, он был для них единственной опорой. Тусклый фонарь подвесили в середине ладьи, подземельцы сели на весла, и корабль отчалил. В бледном свете фонаря они ничего не раз-

личали впереди, кроме темной воды, убегающей во тьму.

– Что с нами теперь будет? – в отчаянии сказала Джил.

– Не падай духом, Джил Поул, – отвечал квакль-бродякль. – Помни о том, что мы снова на верном пути. Нам нужно было попасть под развалины города великанов, и мы действительно сюда попали. А значит, мы опять следуем наказу Аслана.

В конце концов им дали поесть каких-то пресных, совершенно безвкусных лепешек. Путники сами не заметили, как погрузились в сон, а проснувшись, вновь увидели все то же: гребущих гномов, скользящий по воде корабль, черную тьму впереди. Сколько раз они засыпали, просыпались, ели – никто из них этого не помнил. И, что хуже всего, им начинало казаться, что они всегда жили на этом корабле, среди этой мглы, что солнце, голубое небо, ветер и птицы, может быть, им только приснились.

Их уже почти оставили и надежды, и страхи, когда вдруг впереди показались бледные огни, похожие на свет их собственного фонаря. Когда один из них приблизился, они увидели, что проплывают мимо другого корабля. После этого им встретилось еще несколько кораблей. А потом, вглядываясь вдаль до боли в глазах, они поняли, что некоторые фонари впереди освещают причудливые поверхности: нечто похожее на причал, башни, стены, толпы каких-то существ. Но никаких звуков оттуда не доносилось.

– Ну и ну, – вскричал Юстас, – город! Вскоре все увидели, что он был прав.

Но какой же это был странный город! Огни были такие редкие, что в нашем мире годились бы разве что для дачного поселка. И в то же время те части пространства, которые они выхватывали из полутьмы, походили на крупный морской порт. В одном месте шла погрузка и разгрузка целой череды кораблей, в другом – рядом со складами – лежали кипы товаров, в третьем – виднелись стены и колонны дворцов и храмов. И всюду, куда падал свет, толпились подземельцы. Сотни этих созданий, тесня друг друга, шествовали по узким улочкам, широким площадям, величественным лестницам. Их непрерывное движение производило странный шепчущий шум, который усиливался по мере приближения корабля к берегу. Но нигде не было слышно ни песен, ни криков, ни скрипа колес. Город был такой же тихий и почти такой же темный, как внутренность муравейника.

Наконец их корабль вошел в гавань и пришвартовался. Путники сошли на берег, и их повели в город. Сотни подземельцев, среди которых ни один не был похож на другого, встречались нашим путникам на переполненных улочках, и грустный свет падал на опечаленные лица жителей этой безрадостной страны. Никто не интересовался чужаками. Каждый гном был столь же озабочен, сколь невесел. Правда, Джил так и не поняла, почему они так суетятся, почему бесконечно длится это движение, толкотня, спешка и мягкое шлепание ног по земле.

Наконец, они подошли к зданию, похожему на огромный замок, у которого были освещены лишь несколько окон. Путников провели через двор, и они стали подниматься по бесчисленным лестницам, чтобы оказаться в огромной полутемной зале. Но в одном из ее углов – о радость – виднелась арка, залитая совсем другим светом

– чистым, желтоватым, теплым сиянием обыкновенной человеческой лампы, в котором проступало подножие ведущей вверх винтовой лестницы. Свет, похоже, лился на нее сверху. По обеим сторонам арки стояли вооруженные подземельцы. Один из стражей обратился к ним все с теми же словами, будто с паролем:

– Многие погружаются в Подземелье.

– И мало кто возвращается в солнечные края, – отозвались часовые, словно это и был ответ на пароль. Все трое склонили головы друг другу и зашептали. Наконец, один из гномов-часовых сказал:

– Говорю я вам, ее величество королева отбыли из этих мест по важному делу. До ее возвращения лучше всего будет поддержать этих надземцев в тюрьме. Мало кто возвращается в солнечные края.

В это мгновение разговор прервался звуком, показавшимся Джил самым радостным в мире. Сверху донесся ясный, чистый, настоящий человеческий юношеский голос.

– Что за шум творится там внизу? – крикнул он. – Наземцы пожаловали? Доставьте их ко мне без промедления.

– Не угодно ли вашему высочеству вспомнить, – начал часовой, но голос прервал его.

– Моему высочеству прежде всего угодно, чтобы мне повиновались, старый болтун. Дос-

тавьте их наверх.

Часовой покачал головой, знаком велел путешественникам следовать за ним, и пошел вверх по лестнице. С каждой ступенькой свет становился ярче. На каменных стенах висели нарядные ковры. Свет, проникая сквозь тонкие занавески на самом верху лестницы, казался золотым. Подземцы, раздвинув занавеси, отступили в сторону, и путники прошли в прекрасные покои, увешанные коврами, где в чистом очаге пылал яркий огонь, а на столе стояло красное вино в хрустальных бокалах. Навстречу им поднялся светловолосый юноша. Он был красив и казался отважным и добрым, но что-то в его чертах наводило на тревожные мысли. В своем черном одеянии он напоминал Гамлета.

– Добро пожаловать, надземцы, – воскликнул юноша. – Но погодите! Не вас ли, добрые дети, и не тебя ли, их странный наставник, встретил я у моста, на границах Эттинсмур, когда сопровождал мою даму?

– Так вы... так вы и были тот черный рыцарь, который не произнес ни слова? – воскликнула Джил.

– А разве та дама и была королева Подземья? – не слишком приветливо спросил Лужехмур.

А Юстас, подумавший о том же, прямо взорвался. – Коли так, – возмутился он, – ничего себе шуточки! Отправить нас к этим великанам, которые хотели нас сожрать! Что мы ей плохого сделали, хотел бы я знать?

– Если бы ты не был столь юным воином, – нахмурился черный рыцарь, – я бы сразился с тобой насмерть, мальчик, за такую обиду. Я не стану слушать ни слова, порочащего честь моей госпожи. Но будьте уверены, что бы она вам ни говорила, она делала это из самых добрых побуждений. Ибо вы не знаете ее. Это кладезь истины, милосердия, постоянства, благородства, отваги и всех остальных добродетелей. Я ручаюсь за свои слова. Одна ее доброта ко мне, неспособному ничем отблагодарить ее, поистине поразительна. Но вы еще узнаете и полюбите ее. А тем временем позвольте узнать, по чьему поручению прибыли вы в Подземье?

И прежде, чем Лужехмур смог остановить ее, Джил выпалила:

– Мы ищем Рилиана, принца Нарнии.

Она тут же поняла, как это было неосмотрительно – ведь они, возможно, были среди врагов. Но Принц выслушал ее слова с полнейшим безразличием.

– Рилиан? Нарния? – безучастно повторил он. – А где это? Никогда не слыхал о такой стране. Должно быть, она лежит за тысячи лиг от тех краев в Надземье, которые мне известны. Но что за странная причуда – искать этого Билиана или Триллиана в царстве моей дамы. Насколько я знаю, здесь нет такого человека.

– Он громко рассмеялся, и Джил подумала: «Кажется, я знаю, что так портит его лицо. Уж не глуповат ли он?»

– Нам велели искать надписи на камнях в Граде Развалин, сказал Ерш. – И мы увидели слова ПОДО МНОЙ.

Рыцарь засмеялся с еще большим удовольствием, чем в предыдущий раз.

– О, как вы обманулись! Эти слова не имеют к вам никакого отношения. Если бы только вы спросили мою повелительницу, она дала бы вам лучший совет. Ибо эти слова – все, что осталось от длинной надписи, которая в древние времена, о которых помнит моя дама – составляли такой стих:

Хоть ныне трона я лишен, лежащий под землей, Пока дышал я – вся земля лежала подо мной.

– Из чего явствует, что некий король древних великанов, похороненный здесь, приказал выбить эту хвастливую надпись на своем надгробье. Иные камни раскрошились, иные – унесли для новых построек, засыпав пустоты щебнем. Но два слова можно прочесть и теперь. Не смехотворно ли думать, что они написаны специально для вас?

Джил и Юстаса словно окатило холодной водой. Им и впрямь показалось, что эти слова, на верное, не имеют никакого отношения к их походу, что все совпадение – простая случайность.

– Не слушайте вы его, – сказал Лужехмур. – Случайностей не бывает. Нас ведет Аслан, а он был здесь, когда древний король повелел высечь эти буквы, и он заранее знал, что с ними потом произойдет, даже то, что останутся именно эти два слова.

– Этот твой вожатый, приятель, должно быть, порядочный долгожитель, – хихикнул Рыцарь.

Надо сказать, что он начал раздражать Джил.

– Мне кажется, – отвечал Лужехмур, – что и дама ваша тоже не первой молодости, если помнит стих, высеченный в такие давние времена.

– Ничего не скажешь, умно, – рыцарь похлопал Лужехмура по плечу и снова хихикнул. – Ты угадал. В ней течет кровь богов, и ей неведомы ни время, ни смерть. Тем более благодарен я ей за безмерную щедрость ко мне, простому смертному. Ибо да будет вам ведомо, господа, что со мной случаются самые небывалые несчастья, и только у королевы достает терпения на то, чтобы не прогнать меня. Я сказал – терпения? Много, много больше, чем терпения. Она сулит мне огромное королевство в Надземье и обещает мне свою прекрасную руку, когда я займу трон. Но эта история слишком длинна, чтобы выслушивать ее стоя и на голодный желудок. Эй, слуги! Принесите вина и надземных лакомств для моих гостей. Усаживайтесь, господа, и ты, девица, садись в это кресло. Сейчас я все расскажу.

Глава ОДИННАДЦАТАЯ. В ТЕМНОМ ЗАМКЕ

На ужин принесли пирог с голубятиной, ветчину, салат и пирожные. Все придвинулись к столу, и рыцарь продолжил свой рассказ.

– Вы должны понять, друзья мои, что я ничего не знаю о своем прошлом. Я помню себя только с тех пор, как очутился при дворе моей прекрасной королевы. Но я уверен, что она спасла меня от каких-то злых чар, приблизив к себе из великодушия. (Любезный Жаболап, ваш бокал пуст. Позвольте мне наполнить его). Я до сей пор нахожусь под заклятием, от которого только она может освободить меня. Каждую ночь наступает час, когда разум мой мутится, а вслед за ним и тело. Вначале я становлюсь таким бешеным, что мог бы убить своего лучшего друга, если бы не был связан. А вскоре после этого я превращаюсь в огромного змея, голодного, злобного и смертоносного. (Возьмите еще голубятины, любезный сэр, позвольте мне угостить вас). Так мне рассказывают. И это, несомненно, чистая правда, ибо моя повелительница подтверждает эти слова. Сам я ничего об этом не знаю, потому что к утру все проходит, и я просыпаюсь в трезвом уме и добром здравии, только очень усталый. (Юная леди, попробуйте вот это пирожное с медом, которые приносят для меня из каких-то варварских южных краев). Благодаря своему искусству, ее величество королева знает, что я буду освобожден от чар, когда она сделает меня королем одной из стран Надземья и водрузит ее корону на мою голову. Эта страна уже выбрана, выбрано даже место, откуда мы выйдем наверх. Подданные моей королевы, подземельцы, день и ночь копали под этим местом проход и дошли уже до такой высоты, что от конца туннеля нет и двадцати шагов до травы, по которой ходят жители Надземья. Скоро, очень скоро они встретятся со своей судьбой. Моя королева сама отправилась сегодня наблюдать за земляными работами, и я жду от нее приглашения явиться туда. И когда будет пробита тонкая земляная крыша, отделяющая меня от моего королевства, я прорвусь туда с моей повелительницей и тысячей воинов-подземцев. Мы обрушимся на врагов, уничтожим их вождей, разрушим их крепости, и не пройдет и дня, как я стану их королем.

– Не очень-то им повезет, – заметил Юстас.

– Вы поразительно сметливы, юный милорд! – воскликнул рыцарь. Клянусь честью, я об этом как-то не задумывался. Я понял, о чем вы говорите. – На мгновение-другое он смутился, но тут же лицо его снова стало безмятежным, и он снова рассмеялся. Но зачем же себя терзать? Разве не смешно, разве не забавно – они там суетятся, возятся, бегают по своим делам и понятия не имеют, что под их мирными городами и полями, совсем рядом расположилась могучая армия, готовая вырваться наружу, как фонтан! А они и не подозревают! Думаю, как только они оправятся от своего поражения, они и сами над этим посмеются!

– По-моему, все это совсем не смешно, заметила Джил. – По-моему, вы будете злобным тираном.

– Что? – рыцарь, по-прежнему смеясь, погладил разволновавшуюся девочку по головке. – Наша юная леди, оказывается, увлекается политикой? Не бойся, милочка. Я буду править этой страной под руководством моей повелительницы, которая станет тогда королевой. Ее слово будет для меня законом, как мое слово будет законом для жителей этой покоренной земли.

– В том мире, откуда мы пришли, – неприязнь Джил к рыцарю росла с каждой минутой, – обычно смеются над мужьями, которые под каблуком у своих жен.

– Ты переменишь свое мнение, когда обретишь супруга, поверь моим словам, – сказал ры-

царь, явно полагая, что удачно пошутил.

– Моя дама совсем иная. Я буду счастлив повиноваться ей во всем, ибо она уже уберегла меня от тысячи опасностей. Ни одна мать так нежно не заботится о своем младенце, как моя повелительница обо мне. Смотрите, она даже забывает свои дела и заботы, чтобы ездить со мной верхом по Надземью, чтобы глаза мои не отвыкли от солнечного света. Я путешествую с ней в полном снаряжении рыцаря, с опущенным забралом, чтобы никто не видел моего лица. И говорить мне ни с кем не позволено, ибо посредством своего волшебства она знает, что в противном случае замедлилось бы мое освобождение от лежащих на мне злых чар. Разве недостойна поклонения такая дама?

– В самом деле, дамочка ничего себе, – сказал Лужехмур таким голосом, будто имел в виду нечто прямо противоположное.

Ужин еще не кончился, но болтовня рыцаря уже успела их порядком утомить. «Хотел бы я знать, – думал Лужехмур, – что за игру ведет колдунья с этим молодым идиотом?» «Что за ребенок, – размышлял Ерш, – держится за юбку, стыд-то какой...» А Джил думала, что никогда в жизни не встречала такого глупого, самовлюбленного и злобного поросенка. Но стоило ужину кончиться, и настроение у рыцаря переменялось. Он перестал смеяться.

– Друзья мои, – сказал он, – час мой близок. Мне стыдно предстать перед вами во время припадка, но оставаться одному слишком страшно. Сейчас придут, привяжут меня за руки и за ноги к этому креслу. Увы, так и следует сделать, ибо в ярости, как мне рассказывали, я разрушаю все, что попадется под руку.

– Слушайте, – сказал Ерш, – мне вас, конечно, ужасно жалко, я имею в виду все эти злые чары, но что эти ребята, которые вас придут привязывать, намерены сделать с нами? Вроде нас под замок собираются посадить, а нам, признаться, не по душе все эти темные местечки. Уж лучше мы останемся здесь, пока вам не станет лучше... если можно.

– Хорошая мысль, – сказал рыцарь. – Так заведено, что никто, кроме королевы, не может быть при мне в этот злой час – Столь велика ее забота о моей чести, что она дает лишь своим ушам слышать те слова, которые я выкрикиваю в горячке. И мне трудно будет убедить моих прислужников-гномов оставить вас здесь. Между тем, я уже слышу шум их шагов. Пройдите сквозь ту дверь, что ведет в другие покои. И там либо ждите моего прихода, после того, как меня развяжут, либо возвращайтесь, чтобы стать свидетелями моих терзаний.

Послушавшись рыцаря, наши путники отворили дверь, которая вопреки их опасениям, вела не в темноту, а в освещенный коридор. Дергая за ручки всевозможных дверей, они нашли не только воду для умывания, но и зеркало. «Даже умыться перед ужином не предложил, – пробурчала Джил, вытирая лицо. – Гадкая самовлюбленная свинья, вот он кто»

– Ну что, – спросил Ерш, – вернемся посмотреть, как действуют чары, или останемся здесь?

– Останемся, – сказала Джил, – не хочу я на это смотреть. – Но все-таки ей было немножко любопытно.

– Нет, пошли назад, – заключил Лужехмур. – Вдруг мы узнаем что-то новое. Нам это сейчас позарез нужно. Я уверен, что эта королева – ведьма и наш враг. И ее подземельцы схватят нас, как только увидят. Ни разу в жизни не чувствовал я такого сильного запаха опасности, лжи, колдовства и коварства, как в этой стране. Надо быть начеку.

Они прошли назад по коридору и неслышно открыли дверь. «Все в порядке», – шепнул Ерш. И, действительно, никаких подземельцев в комнате, где они ужинали, не было. Они вошли внутрь.

Рыцарь сидел в серебряном кресле, привязанный спинке, сиденью и ножкам. Лоб его был в крапинках пота, лицо исказила мука.

– Заходите, друзья, – сказал он, спешно оглядев их. – Припадок еще не начался. Только не шумите. Я сказал этому любопытному камергеру, что вы уже легли спать. Ну вот, кажется, подступает. Скорее! Слушайте, пока я еще властен над своей речью. Когда наступит припадок, я, наверное, буду умолять вас, с криками и угрозами, развязать мои путы. Говорят, я всегда так делаю. Я буду заклинать вас всем самым-дорогим и самым ужасным. Но не слушайте меня. Ожесточите ваши сердца и закройте уши. Ибо пока я связан, вы в безопасности. Но едва я выберусь из этого кресла, моя ярость вырвется наружу, а потом, – он вздрогнул, – я превращусь в ужасного змея.

– Не бойтесь, мы вас не отвяжем, – сказал Лужехмур. – У нас нет никакой охоты встречаться с припадочными. Да и со змеями тоже.

– Совершенно никакой, – хором подтвердили дети.

– И все-таки, – шепнул им Лужехмур, – не будем самоуверенны. Будем начеку. Мы уже столько глупостей натворили. Он наверняка будет хитрить во время своего припадка. Можем мы вами положиться друг на друга? Можем мы обещать, что не будем трогать веревки, несмотря на любые мольбы? Любые, именно любые?

– Еще бы! – сказал Ерш.

– Пускай говорит, что хочет, я не передумаю, – откликнулась Джил.

– Тс! Начинается! – шикнул Лужехмур.

Рыцарь застонал. Лицо его стало бледным, как стена. Он корчился в своих путах. От жалости, или по какой-то другой причине, но он показался Джил не таким противным, как раньше.

– О, – стонал он, – чары, чары... тяжкая, запутанная, холодная, липкая сеть колдовства! Я заживо погребен. Я втянут под землю, в черную тьму... сколько лет прошло? Сколько я прожил в этом колодце – десять лет или десять веков? Я окружен врагами. О, сжальтесь. Выпустите меня, дайте мне вернуться! Дайте мне ощутить ветер, увидеть небо... Я помню маленький пруд. Когда смотришь в него, видишь деревья, растущие в воде вверх ногами, а под ними, глубоко-глубоко, светятся голубые небеса...

Он поднял глаза на путников, и его тихий голос вдруг окреп.

– Скорее! Я снова в здравом уме. Так бывает каждую ночь. Стоит мне выбраться из этого кресла – и я навсегда останусь самим собой, снова стану человеком. Но каждую ночь меня связывают, и каждую ночь я сознаю, как безнадежен мой плен. Но вы-то мне не враги. Я не ваш пленник. Быстрее! Разрежьте эти веревки!

– Стойте спокойно. Не шевелитесь, – приказал детям Лужехмур.

– Умоляю, внимайте мне, – рыцарь старался говорить спокойно.

– Вам сказали, что если я встану с этого кресла, то убью вас и превращусь в змея? Вижу по вашим лицам, что так оно и было. Это ложь. Именно в этот час я в здравом уме, а в другое время – заколдован. Вы ведь не подземельцы, разрежьте мои путы!

– Спокойно, спокойно, спокойно, – зашептали друг другу путешественники.

– О, у вас каменные сердца! – воскликнул рыцарь. – Поверьте мне, перед вами несчастный, который мучился больше, чем может вынести человек. Какое зло причинил я вам, что вы становитесь на сторону моих врагов, желая продлить мои муки? Минуты бегут быстро. Сейчас вы еще можете меня спасти. Когда же минет этот час, я снова стану безмолвной игрушкой, псом, или нет – орудием злой колдуньи, наделенной дьявольской силой, обращенной против всех людей. И как раз сегодня ее нет! Вы лишаете меня единственной возможности спастись.

– Ужас какой – сказала Джил. – Куда лучше всего этого не видеть.

– Спокойно, – повторил Лужехмур.

Голос пленника превращался в крик.

– Отпустите меня, отпустите! Дайте мне меч. Мой меч! Стоит мне освободиться, и я отомщу подземельцам так, что они запомнят на тысячу лет!

– Припадок начинается, – заметил Ерш. – Надеюсь, привязан он крепко.

– Да, – сказал Лужехмур. – Если его сейчас отвязать, он будет вдвое сильнее обычного. А я не слишком хорошо умею обращаться с мечом. Он нас без труда прикончит, а потом превратится в змея, с которым Джил в одиночку не справится.

Узник так напрягся, что веревки врезались ему в запястья и лодыжки. «Знайте, – продолжал он, – однажды мне удалось разорвать путы. Но колдунья в тот раз была при мне. Теперь же она вам не помешает. Освободите меня, и я стану вам верным другом. Если же не сжалитесь – навсегда буду вашим смертельным врагом.

– Хитер, а? – сказал Лужехмур.

– В последний раз – продолжал узник, – умоляю вас, освободите меня. Страхом и любовью, светлыми небесами Надземья, великим Львом, самым Асланом, заклинаю вас...

– Ой! – вскрикнули все трое пришельцев, словно от боли. «Это знак» – сказал Лужехмур. «Это только слова знака», – осторожно возразил Ерш. «Но как же нам быть?» – спросила Джил.

Вопрос был ужасный. Зачем же они клятвенно обещали друг другу, что ни в коем случае не освободят рыцаря, если теперь собирались отвязать его при первом упоминании дорогого для них имени? А с другой стороны зачем они заучили знаки Аслана, если не собирались им подчиняться? Но, опять же, неужто Аслан и впрямь велел бы им освободить кого угодно, даже безумца, если тот станет заклинать его именем? Может быть, это простое совпадение? Что если королева Подземья

знает о знаках и заставила рыцаря произносить имя Аслана, чтобы заманить их в ловушку? И все-таки, вдруг, это подлинный знак?.. Три знака они уже пропустили, теперь это был последний шанс.

– Ох, если б только знать наверняка! – воскликнула Джил.

– Я думаю, мы знаем наверняка, отвечал Лужехмур.

– Тебе кажется, все будет в порядке? – спросил Ерш.

– В этом я не уверен. Видишь ли, Аслан ведь не сказал Джил, что случится. Он только велел ей следовать знакам. Не удивлюсь, если этот малый прикончит нас, как только освободится. Но мы все равно обязаны подчиняться знаку.

Они посмотрели друг на друга посветлевшими глазами. Страшная была минута. «Хорошо, – вдруг сказала Джил, – покончим с этим. Прощайте, друзья...» Они пожали друг другу руки. Рыцарь громко стонал, на его губах выступила пена. – Вперед, Ерш, – скомандовал Лужехмур. Они с Ершом вынули мечи и шагнули к пленнику.

– Во имя Аслана, – они принялись неторопливо перерезать веревки. Как только узник освободился, он одним прыжком пересек комнату и схватил со стола свой меч, который у него отбирали на время припадков.

– Получай! – крикнул он, обрушив первый удар на серебряное кресло. Меч, должно быть, был отличный. Серебро под его тяжестью коробилось, словно картон, и через мгновение от кресла осталась только груда сверкающих обломков на полу. Вдруг они ярко вспыхнули, а затем раздался грохот, похожий на удар грома, и в комнате запахло чем-то отвратительным.

– Так тебе и надо, мерзкое орудие колдовства, – сказал он, – чтобы твоя хозяйка не смогла больше мучить другую жертву. Повернувшись, он взглянул на своих спасителей. Все неприятное в его лице бесследно исчезло.

– Как! – воскликнул он при виде Лужехмура. – Неужели я вижу квакля-бродякля – настоящего, живого, доблестного нарнийского квакля?

– Так значит, вы все-таки знаете о Нарнии? – не удержалась Джил.

– А разве я забыл о ней, когда был заколдован? – спросил рыцарь. – Что ж, и это наваждение окончилось, как и другие. Мне ли не знать Нарнии! Ведь я Рилиан, принц Нарнии, и великий король Каспиан – мой отец.

– Ваше королевское высочество, – Лужехмур преклонил колено, а за ним и дети, – мы пришли сюда лишь за тем, чтобы отыскать вас.

– А кто же вы, мои освободители? – обратился принц к Юстасу и Джил.

– Нас прислал Аслан с самого края света, чтобы мы нашли ваше королевское высочество, – ответил Ерш. – Я тот самый Юстас, который плавал с ним к острову Раманду.

– Я в неоплатном долгу перед вами, – сказал принц. – Но что же с моим отцом? Жив ли он еще?

– Он отплыл на восток еще до того, как мы покинули Нарнию, милорд, – отвечал Лужехмур. – Но вы должны понимать, ваше высочество, что король очень стар. Нет и одного шанса из десяти, что его величество вернется пз плавания живым.

– Вы говорите, он стар. Сколько же лет я был во власти колдуньи?

– Десять лет миновало с тех пор, как вы, ваше высочество, исчезли в лесах на севере Нарнии.

– Десять лет! – принц провел по лицу рукой, словно пытаясь смахнуть следы прошлого. Да, я верю вам. Ибо теперь, снова став самим собой, я помню о своей жизни под заклятием, хотя в те годы я не помнил о своем подлинном прошлом. А теперь, любезные друзья... но погодите! Я слышу их шаги, слышу это противное человеческому уху шлепание... Запри дверь, мальчик. Или нет, лучше останьтесь здесь. Я одурачу этих подземельцев, и да поможет нам Аслан. Следуйте за мною.

Он решительно подошел к двери и широко распахнул ее.

Глава ДВЕНАДЦАТАЯ. КОРОЛЕВА ПОДЗЕМЬЯ

Встав по обеим сторонам дверей, два подземельца замерли в почтительном низком поклоне. А за ними вошел самый неожиданный и нежеланный для наших путников гость – Дама в зеленом, она же королева Подземья. Застыв в дверях, она обвела глазами всю комнату – троих пришельцев, обломки серебряного кресла, освобожденного принца с мечом в руке.

Лицо ее сильно побледнело – той самой бледностью, подумала Джил, какая появляется не от страха, а от ярости. На мгновение ее взгляд остановился на принце – страшный, смертоносный взгляд! Но тут же королева, почему-то смягчилась.

– Оставьте нас, – приказала она двоим подземельцам. – И пусть под страхом смерти никто не смеет нас тревожить, пока я не позову вас. – Гномы послушно затопали прочь, а королева-колдунья закрыла дверь и повернула ключ.

– Как вы себя чувствуете, мой повелитель? – спросила она. – Ваш ночной припадок еще не наступал или так необычно быстро кончился? Почему вы не привязаны? Кто эти чужеземцы? И не они ли разбили кресло, единственное ваше спасение?

Принца Ририана колотила дрожь. И неудивительно – легко ли так скоро освободиться от чар, которые держали его в неволе десять лет!

– Госпожа моя, я более не нуждаюсь в этом кресле – с усилием проговорил он. – И вам, несомненно, отраднее будет услышать, что сковывавшие меня чары, о которых вы столько раз сокрушались, ныне разбиты навсегда. Очевидно, ваше высочество пыталось рассеять их не вполне верным способом. Эти пришельцы, мои друзья, освободили меня. Ныне я в здравом уме и могу сказать вам вот что: прежде всего, что касается намерений вашего высочества поставить меня во главе армии подземельцев, чтобы ворваться в Надземье и там, истребив законных властителей народа, который не сделал мне ничего дурного, взойти на чужой трон, стать кровожадным тираном-иноземцем – так вот, этот замысел ныне видится мне гнусным злодейством. И еще: Я Ририан, единственный сын короля Нарнии Каспиана Десятого, прозванного Каспианом Мореходом. Это значит, госпожа моя, что моя цель и мой долг – без промедления отбыть в пределы отечества. Соизвольте предоставить мне и моим друзьям надежную охрану и проводников, дабы мы могли покинуть ваши мрачные владения.

Без единого слова колдунья мягко пересекла комнату, не отрывая глаз от принца. Подойдя к небольшому ящичку у камина, она открыла его, достала горсть зеленого порошка и бросила его в огонь. Огонь вспыхнул ярче, и комнату заполнил приторный усыпляющий запах. Он становился все сильнее и мешал сосредоточиться. Тем временем колдунья взяла инструмент, похожий на мандолину, и начала играть такую монотонную мелодию, что через несколько минут ее уже никто не замечал. Но чем незаметнее становились звуки, тем глубже проникали они в голову, кровь и путали мысли. Поиграв немного – а запах все усиливался – королева заговорила спокойным сладким голосом.

– Нарния? – переспросила она. – Нарния? Мне доводилось слышать это слово, когда ваше высочество были в припадке. Милый принц, как вы больны. Нет такой страны – Нарнии.

– Нет, есть, мадам, – возразил Лужехмур. – Есть. Я там прожил всю жизнь.

– Вот как, – вздохнула королева. – Умоляю вас, расскажите, где же находится эта страна?

– Наверху, – решительно начал Лужехмур, указывая пальцем на потолок. – Я... я точно не знаю, где.

– Как это наверху? – колдунья мелодично рассмеялась. – В камнях, в балках, что ли?

– Нет, – Лужехмур с трудом глотнул воздух, – она в Надземье.

– А что такое это Надземье? И где оно находится?

– Слушайте, бросьте дурить, – сказал Ерш, упорно борясь с колдовским запахом и музыкой. – Будто сами не знаете! Оно наверху, там, откуда видно небо, солнце и звезды. Да вы же и сами там бывали. Где, по-вашему, мы с вами встречались раньше?

– Помилуйте, мой юный друг! – королева рассмеялась самым очаровательным смехом. – Я не помню о такой встрече. Мы нередко встречаем друзей в разных местах, когда видим сны. Но ведь сны у всех разные. К чему же спрашивать, помнят ли их другие?

– Госпожа моя, – сурово вступил принц, – я уже поведал вашему высочеству, что я сын короля Нарнии.

– И пребывайте им далее, милый друг, – сказала королева таким тоном, словно утешала младенца, – пребывайте королем многих чудных мест, что мерещатся вам в болезни.

– Мы тоже там бывали, – вставила Джил. – Она сердилась, потому что чувствовала растущее с каждой минутой действие чар. Впрочем, само это чувство доказывало, что волшебство не вполне еще овладело девочкой.

– И ты – королева Нарнии? Не сомневаюсь, моя милочка, сказала колдунья все тем же покровительственно-насмешливым голосом.

– Вовсе нет, – Джил топнула ногой. – Мы пришли из другого мира.

– Эта игра еще забавней! – Где же этот другой мир, душечка? Что за корабли и колесницы ходят между вашим миром и нашим?

Конечно, многое промелькнуло в тот момент в голове Джил: и Экспериментальная школа, и Адела Пеннифазер, и ее собственный дом, и машины и радиоприемники, и кино, и самолеты. Но все это казалось далеким и тусклым. (Динь-динь-динь, – пели струны под пальцами колдуньи). Джил так и не смогла вспомнить, как называлось то, что ей мерещилось. И на этот раз ей не пришлось в голову, что на нее действуют чары, потому что они достигли своей полной силы. Ведь чем больше вы околдованы, тем меньше это чувствуете.

– Нет, – сказала девочка с облегчением, никакого другого мира не существует. Наверное, он мне приснился.

– Да. Он действительно приснился тебе, – согласилась королева, перебирая струны.

– Приснился, – откликнулась Джил.

– Такого мира никогда не было, – сказала колдунья.

– Не было, – сказали Джил и Ерш, – никогда не было.

– Нет никакого мира, кроме моего, – сказала колдунья.

– Нет никакого мира, кроме вашего, – сказали дети.

Лишь один Лужехмур упорно не сдавался. «Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – сказал он, переводя дыхание. – Тренькайте на своей скрипочке, пока у вас пальцы не отсохнут, но я все равно не забуду свою Нарнию и остальное Надземье. Не удивлюсь, если мы никогда больше его не увидим. Может быть, вы его истребили и покрыли мраком, как ваш собственный мир. Вполне вероятно. И все-таки я там был. Я видел небо, полное звезд. Я видел, как солнце поднимается утром из-за моря, а вечером опускается за горы. И я видел полуденное солнце, такое яркое, что на него трудно было смотреть.

От этих слов остальные трое будто очнулись. Они глубоко вздохнули и взглянули друг на друга.

– Конечно же! – вскричал принц. – Конечно! Да благословит тебя Аслан, доблестный квакль! Мы все были, как во сне, эти несколько минут. Как могли мы забыть Нарнию? Все мы видели солнце.

– Еще бы! – поддержал его Ерш. – Отлично, Лужехмур! Ты из нас самый сообразительный.

И тут вступил голос колдуньи. Она ворковала, словно горлица на высоком вязе в старом саду, на исходе сонного летнего дня.

– Что это за солнце, о котором вы все твердите? Что значит это слово?

– Кое-что значит, – заявил Ерш, – будьте уверены.

– Вы можете мне сказать, на что оно похоже? – спросила колдунья. А струны все издавали свое динь-динь-динь...

– Если угодно вашей милости, – холодно и вежливо ответил принц. – Видите вон ту лампу? Она круглая, желтая, освещает всю комнату, свисая с потолка. То, что мы именуем солнцем, похоже на эту лампу, только гораздо больше и ярче. Оно дает свет всему Надземью и висит в небе.

– На чем же оно висит, мой повелитель? – озадачила их колдунья. – Видите? – добавила она с мягким серебряным смешком, пока они думали над ответом. Стоит вам попытаться ясно ответить мне, на что похоже это ваше солнце, и вы теряетесь. Вы сравниваете его с лампой. Нет, ваше солнце – это сон, сон, и в нем нет ничего, что не было бы навеяно образом лампы. Лампа – вот подлинная вещь. А солнце – всего лишь выдумка, детская сказка.

– Теперь понимаю, – выдавила Джил тяжелым, безнадежным тоном.

– Должно быть, так и есть. – И в это мгновение девочке действительно казалось именно так.

– Солнца нет, – медленно и важно повторила колдунья. Никто ей не ответил. – Солнца нет, – голос ее стал мягче и глубже.

– Вы правы, солнца нет, – помедлив, сдались все четверо. И произнести это было для них огромным облегчением.

– И никогда не было, – настаивала колдунья.

– Да. Никогда не было, – повторил принц и квакль, и дети.

Уже несколько минут Джил чувствовала, что ей нужно любой ценой что-то вспомнить. И она вспомнила. Но вымолвить это было невыносимо трудно, будто тяжелые гири повисли у нее на губах. И наконец, собрав всю свою волю, она произнесла:

– Есть Аслан.

– Аслан? – переспросила колдунья, начиная играть быстрее. – Какое очаровательное имя. Что оно значит?

– Это великий лев, который вызвал нас из нашего собственного мира, – сказал Ерш, и послал в этот на поиски принца Рилиана.

– Но что такое лев? – спросила колдунья.

– Ах, да бросьте же! – возмутился Ерш. – Вы же знаете. Да и как его описать? Вы когда-нибудь видели кота?

– Разумеется, – отвечала колдунья, – я обожаю кошек.

– Ну так вот, лев немножко – совсем немножко похож на громадного кота с гривой. Только не такой, как у лошадей. Как судейский парик золотистого цвета. И он очень сильный.

Колдунья покачала головой:

– Кажется, ваш «лев», как вы его называете, нечто вроде «солнца». Вам доводилось видеть лампы, так что вы вообразили себе лампу побольше размером и поярче и назвали ее «солнцем». Вы видели котов, вам представился кот покрупнее и покрасивее, и вы назвали его «львом». Что ж, неплохая фантазия, хотя, по чести говоря, она больше подходит тем, кто помоложе. Посмотрите: вы же ничего не можете выдумать такого, что не походило бы на вещи из настоящего мира, моего мира, единственно существующего. Но даже вы, дети, для такой игры великоваты. Вам же, повелитель мой принц, должно быть и вовсе стыдно. Одумайтесь, бросьте эти детские забавы. Для всех вас у меня найдется дело в настоящем мире. Нет никакой Нарнии, никакого Аслана. А теперь – всем спать. Завтра мы начнем новую, интересную жизнь. Но прежде всего

– спать. В постель. Глубокий сон, мягкие подушки, сон без всяких глупых сновидений.

Принц и дети стояли с опущенными головами. Щеки у них горели, глаза слипались, силы совсем покинули их под действием волшебства. Вдруг Лужехмур, в отчаянии собрав всю свою решимость, шагнул к камину и совершил настоящий подвиг. Он знал, что его босые ноги пострадают не так сильно, как человеческие – ведь они были жесткие, перепончатые, с холодной лягушачьей кровью – но все равно ему будет очень больно. И все же он босиком ступил на пылающие уголья, кроша их в пепел. И тут произошли сразу три вещи.

Прежде всего, как-то сразу ослабел приторный запах. Лужехмур отчасти затоптал огонь, но тот, что еще горел, доносил запах паленой кваклевой кожи, а этот запах, как известно, мало помогает колдовству. В голове у всех троих заметно прояснилось. Принц и дети вновь подняли головы и раскрыли глаза. Во-вторых, колдунья вдруг закричала диким, страшным голосом, ничуть не похожим на прежнее воркованье.

– Что ты делаешь? Только прикоснись еще к моему огню, гадина перепончатая, и я сожгу всю кровь в твоих жилах!

И, наконец, голова у самого Лужехмура от боли на мгновение совершенно просветлела, так что он точно понял, что на самом деле думает. Против иных видов волшебства нет средства лучше, чем сильная боль.

– Минуточку, – произнес он, ковыляя прочь от камина. – Минуточку. Может, и правда все, что вы тут говорили. Не удивлюсь. Лично я из тех, кто всегда готов к худшему. Так что не стану с вами спорить. Но все-таки одну вещь я должен сказать. Допустим, мы и впрямь увидели во сне или придумали деревья, траву, солнце, луну, и звезды и даже самого Аслана. Допустим. В таком случае вынужден заявить, что наши придуманные вещи куда важнее настоящих. Предположим, что эта мрачная дыра – ваше королевство – и есть единственный мир. В таком случае он поразительно жалкий! Смешно. И если подумать, выходит очень забавно. Мы, может быть, и дети, затеявшие игру, но, выходит, мы, играя, придумали мир, который по всем статьям лучше вашего, настоящего. И потому я за этот придуманный мир. Я на стороне Аслана, даже если настоящего Аслана не существует. Я буду стараться жить, как нарниец, даже если не существует никакой Нарнии. Так что спасибо за ужин, но если эти двое джентльменов и юная леди готовы, то мы немедленно покидаем ваш двор и побредем через тьму в поисках Надземья. Этому мы и посвятим свою жизнь. И даже если она будет не очень долгой, то потеря невелика, если мир – такое скучное место, каким вы его описали.

– Ура! Молодчина, Лужехмур! – вскричали Ерш и Джил.

Но тут прозвучал голос принца:

– Берегитесь! Посмотрите на колдунью!

Когда они повернулись к королеве, волосы у них встали дыбом.

Мандолина выпала из ее рук. Локти колдуньи как бы прилипли к бокам, ноги переплелись друг с другом, а ступни исчезли. Длинный зеленый хвост утолщился и твердел, прирастая к извивающемуся зеленому столбу ее переплетенных ног. А этот извивающийся столб искривлялся и качался, словно в нем не было суставов. Голова ее откинулась далеко назад, нос все удлинялся, а остальные части лица исчезали, так что остались только глаза – огромные, горящие, лишенные бровей и ресниц. Все это происходило быстрее, чем вы читаете, почти мгновенно. Не успели они опомниться, как превращение уже свершилось, и огромная ядовито-зеленая змея, толщиной с Джил, обвила своим отвратительным телом ноги принца. Еще один виток, и он бы уже не смог схватить свой меч. Живой узел завязался вокруг его груди.

Принц обхватил левой рукой шею чудовища, пытаясь задушить его. Лицо змея – если можно назвать его лицом – было на расстоянии ладони от лица принца, из пасти высовывался страшный раздвоенный язык. Но коснуться Рилиана он не успел. В следующее мгновение принц замахнулся мечом и нанес змею страшный удар. Лужехмур и Ерш поспешили к нему на помощь, все три удара обрушились почти одновременно. Правда, меч Юстаса лишь скользнул по змеиному телу чуть пониже руки принца, даже не поранив чешуи. Но Рилиан и Лужехмур попали точно в шею чудовища. Оно не погибло сразу – только ослабило хватку на ногах и груди принца. Несколькими ударами они отсекали ему голову, но еще несколько минут чудище продолжало извиваться. Пол комнаты превратился в грязное месиво.

– Благодарю вас, друзья мои, – сказал принц, опуская меч.

Долго еще все трое стояли, глядя друг на друга и тяжело дыша. Джилхватило сообразительности сесть на пол и помалкивать. «Надеюсь, я не упаду в обморок... и не разревусь... и вообще...»

– Моя мать-королева отомщена, – наконец, произнес Рилиан. – Несомненно, это тот же самый змей, которого я тщетно преследовал у источника в лесах Нарнии много лет тому назад. Все эти годы я был в рабстве у той, что погубила мою мать. И все же я рад, господа, что гнусная ведьма под конец приняла свой змеиный облик. Честь и жалость не позволили бы мне умертвить женщину. Но что с нашей дамой?

Он указал на Джил.

– Спасибо, все в порядке, – отвечала она.

– Отважная дева, – принц поклонился ей. – Вы, несомненно, происходите из знатного и славного рода. Друзья мои, тут осталось немного вина. Давайте подкрепимся и выпьем за здоровье друг друга. А после этого обсудим, что делать дальше.

– Прекрасная мысль, сэр, – воскликнул Ерш.

Глава ТРИНАДЦАТАЯ. ПОДЗЕМЬЕ БЕЗ КОРОЛЕВЫ

Все почувствовали, что им положен, как выразился бы Юстас, «передых». Заперев дверь, колдунья велела подземельцам не беспокоить ее, так что в ближайшее время нашим героям никто помешать не мог. Первым делом они занялись обожженной ногой Лужехмура. Из двух чистых сорочек принца, разорванных на полоски и пропитанных сливочным маслом, получились отличные бинты. Замотав ноги Лужехмура, они сели перекусить и обсудить план бегства из Подземья.

Рилиан объяснил, что на поверхность отсюда вело немало отверстий, через которые в разное время его выводили наружу. Но он никогда не выходил через них в одиночку, только с колдуньей. И до всех этих выходов приходилось добираться на корабле по бессолнечному морю. Что скажут подземельцы, если он отправится к гавани без королевы, да еще с тремя чужестранцами, и потребует корабль? Скорее всего, это вызовет подозрение. Но, правда, еще имелся новый выход с этой стороны моря, проделанный для вторжения в Нарнию и находившийся в нескольких часах ходьбы от дворца. Принц знал, что работа над выходом почти окончена – лишь тонкая перемычка отделяла его от поверхности Надземья. Возможно даже, что его выкопали до конца, и колдунья явилась сообщить об этом, чтобы начать поход. Необходимо было только добраться до прохода незамеченными и застать его неохраняемым. Обе задачи не из легких.

– Если вас волнует мое мнение... – начал Лужехмур, но Ерш тут же перебил его.

– Стой! Что это за шум?

– Я уже давно его слышу, – сообщила Джил.

Собственно, все они его слышали. Шум нарастал постепенно. Сначала он напоминал легкое дуновение ветерка, затем стал похож на плеск волн, и, наконец, раздался треск, грохот, а потом и голоса, к которым добавлялся какой-то монотонный гул.

– Клянусь Асланом, – воскликнул принц Рилиан, – этот безмолвный край, кажется, наконец обрел язык! – Поднявшись, он подошел к окну и раздвинул шторы.

Первое, что они увидели, было ярко-красное сияние, которое достигало до самых сводов Подземья, находившихся в нескольких километрах над ними. Оно, может быть, впервые со времен сотворения мира освещало скалистую поверхность. Сияние распространялось с окраины города, и на его фоне чернело множество огромных мрачных строений. В то же время оно освещало улицы, идущие от окраины к замку. На них происходило нечто весьма странное. Молчаливые толпы подземельцев куда-то исчезли, точнее рассыпались на маленькие группы. Вели они себя так, словно от кого-то прятались, скрываясь в тени уступов, ныряли в подворотни, перебегали из укрытия в укрытие. Но самым странным для любого, кто хоть немного знал гномов, был шум. Кричали и вопили отовсюду. А от гавани надвигался низкий раскатистый рев, который становился все громче, и уже сотрясал весь город.

– Что такое с подземельцами? – спросил Ерш. – Неужели это они так раскричались?

– Непохоже, – отвечал принц. – Во все тягостные годы моего заточения ни один из этих негодяев ни разу не заговорил громким голосом. Несомненно, тут какое-то новое колдовство.

– А что это за алое сияние? – спросила Джил. – Что-то горит?

– Если кого-то интересует мое мнение, – сказал Лужехмур, – я сказал бы, что это подземное пламя рвется наружу. Будет новый вулкан, и мы, разумеется, очутимся в самой середине.

– Смотрите! Корабль! – вскричал Юстас. Почему он плывет так быстро? Ведь на нем ни одного гребца!

– Корабль уже миновал гавань, – подхватил принц, – он плывет по улице. Видите, и другие корабли втекают в город! Клянусь головой, вода поднимается. Это наводнение. Слава Аслану, замок стоит на холме. Но вода прибывает быстро.

– Ах, да что же это такое! – закричала Джил. – И пожар, и наводнение, и люди мечутся по улицам!

– Я знаю, в чем дело, – сказал Лужехмур. – Колдунья оставила нам в наследство множество проклятий и смертельных опасностей. Она была из тех, кто даже не прочь и умереть, если знает, что через пять минут ее убийца сам сгорит, или будет заживо погребен, или утонет.

– Ты верно догадался, добрый квакль, – сказал принц. – Когда наши мечи отсекали голову колдуньи, чарам ее был положен конец, и теперь все глубинные края рушатся. Мы видим конец Подземья.

– Верно, сэр, – согласился квакль, – если, конечно, это вообще не конец света.

– Что же, мы так и будем тут сидеть и ждать? – заволновалась Джил.

– Нет, – сказал принц. – Первым делом надо спасти коней: моего Уголька и ведьмину Снежинку, славное животное, достойное лучшей хозяйки. Они стоят в дворцовой конюшне. А потом попытаемся отыскать выход в Надземье. Лошади смогут унести всех четверых, и если прищипорить их хорошенько, мы обгоним наводнение.

– А ваше высочество не хочет надеть доспехи? – осведомился Лужехмур. – Меня пугает вид этой толпы. – Он показал на улицу. Десятки созданий (теперь было видно, что это действительно подземельцы) двигались от гавани к замку, причем не беспорядочной толпой, а скорее, как солдаты в атаке, бросками и перебежками, так чтобы их не было видно из окон замка.

– Мне страшно снова облачаться в эти доспехи, – принц покачал головой. – Они, словно передвижная тюрьма, от которой исходил дух колдовских чар и рабства. Но я возьму свой щит.

Он вышел из комнаты и тут же вернулся с сияющими глазами.

– Смотрите, друзья мои, – он протянул им свой щит. – Всего час тому назад он был черен и безымянен, а теперь... – Щит отсвечивал серебряным блеском, и на нем, ярче крови, алело изображение Аслана.

– Теперь ясно, – сказал принц, – Аслан будет нам добрым повелителем, даже если его воля приведет нас к гибели. Я предлагаю преклонить колени и поцеловать его изображение, а потом пожать руки друг другу, как подобает добрым товарищам перед грозящей разлукой. Затем – спустимся в город и встретим то испытание, которое он нам пошлет.

Так они и поступили. Пожимая руку Джил, Ерш сказал: «Пока, Джил. Прости, если хамил.

Надеюсь, ты доберешься до дома в целостности и сохранности». «Пока, Юстас, – отвечала девочка, – прости и ты, если я была поросенком». Оба они – редчайший в Экспериментальной школе случай – назвали друг друга по имени, а не по фамилии или прозвищу.

Принц отпер дверь, и они вышли один за другим с обнаженными мечами, а Джил – с ножом в руке. Стража исчезла, огромный зал был пуст. Все еще горели лампы, в их тусклом свете нельзя было различить галереи и лестницы, по которым проходили путники. Звуки с улицы сюда почти не долетали, и в опустевшем доме стояла мертвая тишина. Только свернув с очередной лестницы в большую залу на первом этаже, они встретили первого подземельца – белокожее создание с поросячьим лицом, которое поедало остатки пищи на столах. Взвизгнув по-поросячьи при виде путников, он шмыгнул под скамейку и в долю секунды убрал туда же свой длинный хвост, а потом быстро-быстро выбежал через дальнюю дверь.

Из большой залы они вышли во двор. До Джил, которая на каникулах занималась верховой ездой, донесся запах конюшни – дивный запах деревни! Но тут Юстас вскрикнул: «Ой! Что это?». Яркая ракета засветилась над стенами замка, чтобы тут же рассыпаться зелеными звездами.

– Фейерверк? – удивилась Джил.

– И в самом деле. – откликнулся Юстас. – Только подземельцы не из тех, кто любит развлекаться. Это, должно быть, какой-то сигнал.

– Не предвещающий нам ровным счетом ничего хорошего, – заметил Лужехмур.

– Друзья мои, – заговорил принц, – когда человек решается пройти через испытания, подобные нашим, он должен проститься с надеждами и страхами, иначе смерть или избавление придут слишком поздно, чтобы спасти его разум и честь. Вперед, мои красавцы, – он открыл дверь конюшни, – вперед! Тихо, Уголек! Не бойся, Снежинка! Мы о вас не забыли.

Лошади испугались необычных огней и шума. Но та самая Джил, которая струсила перед черной дырой, ведущей из одной пещеры в другую, бесстрашно встала между двумя храпящими, бьющими копытами животными и помогла принцу в считанные минуты оседлать их и взнуздать. Джил села на Снежинку, а Лужехмур устроился за ней. Юстас залез на Уголька позади принца. Под звон копыт, разлетавшийся по всему Подземью, они выехали сквозь главные ворота на улицу.

– Сгореть не сгорим, и на том спасибо, – заявил Лужехмур, указывая направо, где метрах в ста от них в стены домов плескалась вода.

– Смелее! – сказал принц. – Дорога здесь крутая. За полчаса вода залила половину главного холма в городе, но, может быть, в следующие полчаса, она не будет пребывать так быстро. Я больше опасаясь другого, – и он указал мечом на высокого подземельца с кабаньими клыками, за которым следовало шестеро других существ, самых разнообразных форм и размеров. Вся эта компания только что выскочила из переулка и пряталась в тени домов.

Принц скакал впереди, указывая остальным дорогу. Он намеревался объехать пожар (если это был пожар), надеясь выбраться к прокопанному на поверхность туннелю. Из всех четырех у него одного было бодрое настроение. Он то насвистывал, то напевал обрывки старой песни о Корин – Громовом Кулаке из Архенландии. Он так возликовал, освободившись от колдовских чар, что все нынешние опасности казались ему пустячными. Но спутникам его было жутковато.

За их спиной, судя по грохоту, сталкивались суда и рушились здания. Над головой, на сводах Подземья, мерцало огромное пятно серого света. Впереди, не меняясь в размерах, сиял загадочный алый свет. Оттуда слышался гул голосов, вопли, смех, стоны, грохот и скрежет. А перед ними лежал город, освещенный отчасти алыми отблесками дальнего пожара, отчасти же – кошмарным светом гномовских фонарей. Много было и таких мест, куда свет не падал вовсе. Там царила чернильная темнота, из которой то и дело выныривали подземельцы, пожирая глазами путешественников и тут же скрываясь. На путников глядели личики и морды, и рыбы глаза, и медвежьи глазки. У иных подземельцев тело было покрыто перьями, у иных – чешуей. Из темноты высовывались клыки и бивни, скрученные носы, подбородки, длиной не уступающие порядочным бородам. То и дело, когда подземельцы, особенно крупные, подходили слишком близко, принц выхватывал свой блестящий меч. И тогда все эти существа, повизгивая и пощелкивая зубами, снова скрывались во тьме. Но стоило путешественникам, преодолев немало крутых улиц и окончательно обогнав наводнение, выйти к городской окраине, как дело приняло более серьезный оборот.

Алое пламя было уже близко, на одном уровне с ними, – а они все еще не могли понять, что это такое. Однако при его свете можно было лучше различить лица врагов. Сотни, тысячи подзе-

мельцев приближались к источнику алого сияния. Двигались они короткими перебежками и при каждой остановке оборачивались на путников.

– Если бы вы спросили меня, ваше высочество, – заметил Лужехмур, – я сказал бы, что эти твари собираются отрезать нам путь.

– Я тоже так думаю, – сказал принц. – Сквозь толпу нам не прорваться. Давайте держаться ближе к тому дальнему дому, постараемся скрыться в его тени. Мы с дамой поедem вперед. Несомненно, кто-нибудь из этих негодяев будет нас преследовать, ими все кишит здесь. Ты, длиннорукий, излови одного из них, если удастся. От него мы узнаем, что происходит и чего они хотят от нас.

– Но разве остальные не кинутся его спасать? – спросила Джил далеко не таким твердым голосом, как ей хотелось.

– Тогда, госпожа моя, – отвечал принц, – вы увидите, как мы погибнем, защищая вас, а вам придется перепоручить свою судьбу Льву. Вперед, добрый мой Лужехмур.

Квакль-бродякль с быстротой кошки соскочил с коня и скользнул в тень. Остальные, в течение томительно долгой минуты, продолжали медленно продвигаться вперед. Вдруг позади раздались леденящие кровь крики, сквозь которые пробивался знакомый голос Лужехмура: «Ну-ка, не кричи, пока тебя не треснули. Можно подумать, поросенка режут».

– Отличная добыча, – воскликнул принц, заворачивая Уголька и возвращаясь к Лужехмуру. – Юстас, будь любезен, придержи коня. – Принц спешил.

Все трое с интересом стали рассматривать пойманного подземельца. Он оказался жалчайшим гномиком, ростом меньше метра. На голове у него красовался гребень вроде петушиного, только твердый. Розовые глазки, круглые щеки и огромный подбородок придавали гномику сходство с карликом-гиппопотамом. Если б не опасности, наши путешественники при виде этого создания непременно разразились бы смехом.

– А теперь, подземелец, – Рилиан поднес острый меч к самому горлу пленника, – говори, как подобает честному гному, и ты обретешь свободу. А обманешь нас – умрешь. Добрый Лужехмур, как же он сможет говорить, если ты зажал ему рот?

– Никак не сможет, – отвечал Лужехмур, – зато и кусаться не станет. Будь у меня такие же дурацкие мягкие руки, как у людей (прошу прощения, ваше высочество), я бы сейчас был весь в крови. Даже кваклям-бродяклям надоедает, когда их кусают.

– Гном, – сказал принц, – укусишь его еще раз – и тебе конец. Отпусти ему рот, Лужехмур.

– Ой-ой-ой! – тут же завопил гномик. – Пустите меня, пустите, это не я!

– Что не ты? – спросил Лужехмур.

– Все что хотите, ваша честь! – ответил уродец.

– Как твое имя, – спросил принц, – и что вы, подземельцы, сегодня вытворяете?

– О, ваша честь, о, ваша милость! – голосил гном. – Обещайте, что не скажете ее величеству королеве!

– Ее величество королева, как ты ее называешь, – сурово произнес принц, – уже мертва. Я убил ее..

– Что? – закричал гном, в изумлении все шире и шире раскрывая свою смешную пасть. Мертва? Ведьмы больше нет? И ваше высочество избавили нас от нее? – Он облегченно вздохнул. – Тогда вы нам друг, ваша милость Принц отвел меч от его горла. Лужехмур позволил гномику сесть. Тот обвел всех четверых своими моргающими красными глазками, пару раз хихикнул и начал свой рассказ.

Глава ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. САМОЕ ДНО МИРА

– Меня зовут Голг, – сказал гном, – и я расскажу вашим милостям все, что знаю. Всего час тому назад мы все занимались своей работой – или, вернее, ЕЕ работой, точно так же невесело и молчаливо, как изо дня в день уже долгие годы. И вдруг раздался страшный грохот. Едва услышав его, все подумали про себя: «Мы уже столько лет не танцевали, не пели, не хлопали хлопушками. Почему бы это?» А потом каждый из нас подумал: «Наверное, я заколдован». А потом сообразил: «Зачем же я тащу этот груз? Хватит с меня». И мы тут же побросали на землю наши мешки, вязанки и лопаты. Потом обернулись и увидели вдалеке багряное свечение. И мы спросили себя: «А что же это такое?» И каждый сам себе ответил: «Раскрылась бездна, и теплое свечение поднима-

ется из Настоящего Подземья, лежащего много ниже этого».

– Ну и дела! – воскликнул Юстас. – Неужели есть края еще глубже ваших?

– Конечно, ваша честь, – ответил Голг. – Дивные места. Мы называем их страной Бисма. Сейчас мы в колдовской стране, которая у нас, гномов, зовется Отмельным краем. На наш вкус, она слишком близка к поверхности. Б-р-р. С таким же успехом, можно жить в Надземье. Понимаете, все мы – несчастные гномы из Бисма, которых колдунья своими чарами извлекла из родных мест и заставила на себя работать. Но мы забыли об этом и вспомнили только, когда раздался грохот и чары рассеялись. Мы не знали, кто мы и где наша родина. И могли делать только то, что нас заставляли, и думать могли только об унылом и мрачном. Я почти совсем забыл, как смеются и пляшут. Но когда раздался грохот, раскрылась бездна, и море начало подниматься, я все вспомнил. И мы, конечно же, сразу заторопились в путь, чтобы успеть по трещине спуститься в свой родной мир. Вот почему там, вдалеке, все наши устроили фейерверк и ходят на головах от радости. И я буду весьма обязан вашим сиятельствам, если вы мне поскорее позволите к ним присоединиться.

– Как замечательно! – вырвалось у Джил. – Значит, когда мы отрубили голову колдунье, мы освободили не только самих себя, но и гномов! И как здорово, что они на самом деле ничуть не мрачнее принца – он ведь тоже казался таким унылым!

– Все это прекрасно, Джил Поул, – осторожно заметил Лужехмур,

– но не очень похоже, что эти гномы торопятся к себе на родину. Они скорее напоминают военные отряды. Взгляните-ка мне в глаза, господин Голг, и скажите по чести – разве вы не готовились к бою?

– Конечно, готовились, ваша честь. Видите ли, мы не знали, что колдуньи больше нет. Мы думали, она за нами следит из своего замка. И пытались удрать незаметно. А когда появились вы, при мечях и верхом, все еще пуще перепугались. Откуда нам было знать, что ваша честь тоже против колдуньи? Вот мы и решили сражаться не на жизнь, а на смерть, лишь бы снова попасть в Бисм.

– Клянусь, это честный гном, – сказал принц. – Отпусти его, друг мой Лужехмур. Что до меня, любезный Голг, я был околдован подобно тебе и твоим друзьям, и память лишь недавно вернулась ко мне. Но еще один вопрос. Знаешь ли ты путь к туннелю, через который колдунья замышляла вывести свою армию в Надземье?

– Ах! – почти застонал Голг. – Да, я знаю эту ужасную дорогу и покажу вам, где она начинается. Но умоляю вашу милость не просить меня провожать вас. Я скорее умру.

– Почему? – с тревогой спросил Юстас. Что такого страшного в этой дороге?

– Слишком близко к поверхности мира, – вздрогнул Голг. – Колдунья собиралась обречь нас на самую жестокую пытку: вывести через туннель наружу, за пределы этого мира. Говорят, там чудовищная яма, которую называют небом. А туннель прокопан уже так далеко, что несколько ударов лопатой могут вывести вас прямо в Надземье. Я боюсь даже подходить к этому месту.

– Ура! – завопил Юстас. – Вот это деловой разговор.

– Но там вовсе не страшно, – удивилась Джил. – Нам очень нравится там жить!

– Знаю, – сказал Голг. – Надземцы там действительно живут. Но я всегда думал, что вы просто не можете отыскать дороги вниз. Неужели вам и впрямь нравится ползать, словно мухи, по поверхности мира?

– Ты лучше поскорее покажи нам дорогу, – попросил Лужехмур.

– В добрый час! – воскликнул принц. И они отправились в путь. Принц вскочил на своего коня, Лужехмур примостился за Джил, а Голг указывал им путь. На ходу он выкрикивал, что колдуньи больше нет и что четверо надземцев никому не хотят зла. Услышавшие его передавали новость остальным, так что в считанные минуты все Подземье огласили крики радости. Сотни гномов прыгали, кувыркались, стояли на головах, играли в чехарду, пускали ракеты. Они столпились вокруг Уголька и Снежинки, и принцу пришлось по меньшей мере десять раз повторить историю своего плена и освобождения.

Так они добрались до пропасти. Она была метров триста в длину и метров двести в ширину. Спешившись, путники подошли к обрыву и посмотрели вниз. В лицо им ударила жаркая волна непривычного запаха – он был такой густой, острый и возбуждающий, что заставлял чихать. Сама же пропасть оказалась такой глубокой, что поначалу они не смогли ничего увидеть, а когда присмотрелись – разглядели что-то очень похожее на сверкающую огненную реку. Берега ее сверкали

невыносимым ярким светом, хотя и не были такими яркими, как сама река. Река переливалась всеми оттенками синего, алого, зеленого и белого, словно это был огромный витраж, освещенный полуденным тропическим солнцем. По изрезанным склонам обрыва ползли вниз сотни подземельцев, казавшиеся на фоне сияния реки темными, словно мухи.

Когда Голг заговорил снова, путники обернулись к нему, но поначалу не увидели ничего, кроме тьмы – так ослепило их сияние реки.

– Ваши высочества, – сказал гномик, – почему бы и вам не спуститься в Бисм? Вы будете там куда счастливее, чем в холодном, незащищенном, голом Надземье. Спуститесь хотя бы на время!

Джил была убеждена, что никто из ее друзей ни на секунду не соблазнится гостеприимством Голга, но, к своему ужасу, вдруг услышала голос принца.

– В самом деле, добрый мой Голг, я почти готов отправиться с тобою. Нас ожидали бы замечательные приключения. Да и кто из смертных бывал в Бисме? И кому из них еще представится такой случай? Не знаю, как удастся мне в будущем примириться с тем, что однажды мог проникнуть в глубочайшие пропасти земли, и не захотел этого. Но может ли человек жить там? И плаваете ли вы сами по огненным рекам?

– О нет, ваша милость. Только саламандры живут в огне.

– А что за звери эти ваши саламандры? – спросил принц.

– Трудно сказать, ваша милость, – отвечал Голг. – Они раскалены добела, и на них трудно смотреть. По большей части, они похожи на небольших дракончиков. Они разговаривают с нами из огня. И они такие умные, такие говорливые – заслушаешься!

Джил бросила быстрый взгляд на Юстаса. Уж ему-то – думала девочка – еще меньше хочется карабкаться вниз по обрыву, чем ей! Сердце у нее упало, когда она увидела, как переменялось его лицо. Теперь он больше походил на принца Рилиана, чем на Ерша из Экспериментальной школы. Юстас снова стал тем, кто плавал с королем Каспианом на край света.

– Ваше высочество, – молвил он, – будь здесь мой старый товарищ Рипичип, вождь говорящих мышей, он сказал бы, что отказ от этого приглашения запятнал бы нашу честь.

– Между прочим, – сказал Голг, – там внизу, целые горы настоящего золота, серебра и алмазов.

– Чушь! – фыркнула Джил. – Будто мы уже сейчас не глубже самых глубоких шахт в мире!

– Да, – ответил Голг, – я слышал об этих царепинках на земной коре, которые вы, жители поверхности, зовете шахтами. Но там добывают мертвое золото, мертвое серебро и мертвые самоцветы. У нас в Бисме они живые, они растут. Там я смогу поднести вам букеты рубинов и выжать полный стакан алмазного сока. После этого вы прикоснуться не захотите к холодным, неживым сокровищам ваших мелких шахт.

– Мой отец плавал на край света, – задумчиво произнес Рилиан.

– И его сыну пристало бы спуститься на дно вселенной!

– Если ваше высочество хочет застать короля Каспиана в живых,

– возразил Лужехмур, – нам пора выходить на дорогу, ведущую наверх.

– Кроме того, лично я ни за что не согласна спускаться в эту яму, – добавила Джил.

– Что ж, если вашим высочествам действительно угодно вернуться в Надземье, – сказал Голг, – есть один участок дороги пониже этого. Но если наводнение продолжается...

– О, скорее, скорее, пожалуйста! – взмолилась Джил.

– Боюсь, нам и впрямь надо идти, – принц глубоко вздохнул. – Но половину своего сердца я оставляю в Бисме...

– Пожалуйста! – канючила Джил.

– Где же дорога? – спросил Лужехмур.

– Вдоль нее расставлены фонари, – сказал гномик. – Ваша честь может увидеть начало дороги за обрывом.

– А фонари еще долго будут светить? – спросил Лужехмур.

В этот миг из самых глубин Бисма вдруг раздался шипящий, резкий голос, словно заговорил сам Огонь. Наверное, это была саламандра.

– Быстрее! Быстрее! Быстрее! К скалам! К скалам! – просвистел он. – Щель смыкается! Смыкается! Скорее!

В тот же миг скалы с душераздирающим скрежетом пришли в движение. Пропась стала на

глазах сужаться. Со всех сторон в нее устремились запоздавшие гномы. Они даже не стали карабкаться вниз по скалам, а просто прыгали вниз, навстречу могучему потоку раскаленного воздуха, и медленно снижались, подобно осенним листьям. Гномов становилось все больше, пока их черная стая почти не заслонила от взгляда огненную реку и овраги, усеянные деревьями с самоцветами. «Прощайте, ваши высочества! – воскликнул Голг. – Мне тоже пора!» Он оказался одним из последних, кто прыгнул вниз. Щель сузилась до ширины горной речки, потом до отверстий в почтовом ящике, и, наконец, стала не толще ослепительно яркой нити. После этого стены ее сомкнулись с таким грохотом, будто лязгнула буферами добрая тысяча поездов. Жаркий, сводящий с ума запах исчез. Путешественники были одни в Подземье, которое казалось еще темнее, чем раньше. Тусклые бледные, мрачные фонари слабо освещали дорогу.

– Ну вот, – заметил Лужехмур, – десять шансов против одного, что мы уже опоздали. Но отчего не попробовать? Не удивлюсь, если эти фонарики минут через пять погаснут.

Они пустили лошадей галопом, и подковы зацокали по сумрачной дороге, которая почти сразу пошла под уклон. Они бы подумали, что Голг ошибся дорогой, если бы на той стороне долины, повсюду, куда достигал глаз, не мерцала цепочка таких же фонарей, бегущая то вверх, то вниз. Однако на дне долины эти фонари упирались в поток воды.

– Поспешим! – воскликнул принц. Они поскакали вниз по склону. Пятью минутами позже им вряд ли бы это удалось – поток несся по долине, словно от мельничной запруды, и лошади не сумели бы переплыть его. Но пока он был всего полметра глубиной, и, хотя вокруг лошадиных ног крутились водовороты, путники благополучно достигли другого берега.

Начался медленный, утомительный подъем. Глаз различал впереди только цепочку фонарей, ползущих все выше и выше. Оглянувшись назад, путники убедились, что вода продолжает прибывать. Все горные вершины Подземья превратились в острова, кое-где еще оставались фонари. Каждое мгновение один из этих далеких огней гас. Вскоре должна была наступить полная темнота повсюду, кроме дороги. И хотя на ней ни один фонарь еще не погас, их свет уже отражался на водной глади.

При всей спешке лошади все же нуждались в отдыхе. Путники остановились. Тишину нарушал только плеск воды.

– Что же случилось с этим, как его... Отцом Временем? спросила Джил. – А со спящими зверьми? Неужели они все утонули?

– Они, по-моему, гораздо выше нас, – сказал Юстас. – Ты забыла, как долго мы спускались к бессолнечному морю? Вода еще не достигла пещеры, где покоится Отец Время.

– Может быть, может быть, – сказал Лужехмур. – Меня куда больше занимают фонари на этой дороге. Что-то они бледноваты.

– Они всегда такие были, – сказала Джил.

– Хм, – сказал Лужехмур, – но сейчас они позеленели.

– Думаешь, гаснут? – спросил Юстас.

– Ну, на чем бы они ни работали, вечно эти фонарики светить не будут, – отвечал квакль, – но не падай духом, Ерш. Я слежу за водой, и она, кажется, прибывает не так быстро, как мы предполагали.

– Слабое утешение, мой друг, – заговорил принц. – Если мы не найдем дороги наверх, это будет из-за меня. Я виноват, что мы задержались в устье Бисма, простите меня.

Прошел еще час. Лампы продолжали светить, хотя иногда Джил казалось, что Лужехмур был прав. Тем временем дорога менялась. Свод Подземья находился уже так близко, что ясно различался даже в этом тусклом свете. Со всех сторон их теснили стены подземного царства. В сущности, дорога постепенно превращалась в крутой туннель. Повсюду стали заметны следы недавних земляных работ: брошенные ломы, лопаты, тачки. Все это обнадеживало. Если бы только наверняка было известно, что им суждено выбраться из этих мест! Но путников угнетала сама мысль о предстоящем пути через сужающийся с каждой минутой туннель.

Под конец свода Подземья нависли так низко, что Лужехмур и принц стукались об них головами. Спешившись, путники повели лошадей за собой. Шагать по неровной дороге приходилось с осторожностью. В зеленоватом свете фонарей лица ее спутников казались странными и зловещими. Неожиданно фонарь впереди погас, а за ним и фонарь за их спиной. Джил не смогла удержаться от крика. Они оказались в полной темноте.

– Мужайтесь, друзья мои, – раздался голос принца Рилиана. – Погибнем мы или спасемся,

Аслан будет нашим добрым повелителем.

– Точно, ваше высочество, – произнес голос Лужехмура. – И не забывайте – гибель в этой ловушке имеет и хорошую сторону. По крайней мере, родные сэкономят на наших похоронах.

Джил прикусила язык. (Самый лучший способ казаться бесстрашным – это молчать. Ничто так не выдает страха, как голос.)

– Лучше уж идти дальше, чем торчать тут, – сказал Юстас. Джил услышала в его голосе дрожь и поняла, что поступила правильно, промолчав.

Вытянув руки вперед, чтобы ни на что не наткнуться, Лужехмур и Юстас пошли первыми. За ними ступали Джил и принц, ведя лошадей.

– Слушайте, – зазвучал после долгой паузы голос Ерша, – мне это кажется, или впереди действительно свет?

Не успели ему ответить, как заговорил квакль.

– Стоп. Я на что-то наткнулся. И это земля, а не камень. Что ты сказал, Ерш?

– Аслан свидетель, Юстас прав, – начал принц. – Здесь-то вроде...

– Только это не дневной свет, – возразила Джил. – Он холодный и слишком голубой.

– Лучше чем ничего, – заметил Юстас. – Мы можем к нему подойти?

– Он не совсем впереди, и не совсем у нас над головой, – сказал Лужехмур. – Он на этой тонкой стенке, в которую я уперся. Как насчет того, Джил, чтобы забраться ко мне на плечи и попробовать до него дотянуться?

Глава ПЯТНАДЦАТАЯ. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ДЖИЛ

Показавшийся наверху свет ничего не освещал внизу, где стояли путники. Так что все остальные только по звукам могли судить о попытках Джил взобраться на спину кваклю. При этом звуки состояли из таких фраз Лужехмура: «Не обязательно тыкать пальцем мне в глаз», или «Так-то лучше», или «Давай, давай. Я держу тебя за ногу, чтобы ты руками упиралась в землю».

Подняв головы, Юстас и принц вскоре увидели на фоне светового пятна очертания головы Джил.

– Ну? – закричали они в волнении.

– Это дыра, – раздался голос Джил, – стой я чуть повыше, мне удалось бы в нее протиснуться.

– А что через нее видно? – спросил Юстас.

– Пока ничего. Слушай, Лужехмур, отпусти-ка мои ноги. Лучше мне стать тебе на плечи, чем сидеть на них. Я могу держаться за край.

Они услышали, как девочка возится, а затем увидели на фоне серого света всю верхнюю половину ее фигуры.

– Эй, слушайте, – начала Джил и вдруг вскрикнула – но не от испуга, а так, словно рот ей прикрыла чья-то ладонь или в него что-то затолкали. Почти сразу она вновь обрела голос и стала кричать изо всех сил но никто не сумел разобрать слов. А после этого в один и тот же миг случилось два события. Во-первых, световое пятно на секунду-другую совершенно исчезло. Во вторых, все услышали шорох, пыхтение и задыхающийся голос квакля: «Скорей! Скорей! Держите ее за ноги! Кто-то ее тащит! Сюда! Нет, сюда! Ой, уже поздно!»

И дыра, и заполняющий ее прохладный свет были теперь отлично видны, но Джил исчезла.

– Джил! Джил! – в отчаянии кричали они. Ответа не последовало.

– Какого лешего ты отпустил ее ноги? – вопрошал Юстас.

– Не знаю, Ерш, – простонал квакль. Видно судьба уж у меня такая – быть неудачником. Судьба. Из-за меня погибла Джил, я ел говорящего оленя в Харфанге. Судьба. Но и сам я, конечно, во всем этом тоже виноват.

– Позор на наши головы и великая скорбь! – воскликнул принц.

– Мы послали отважную юную даму в стан врагов, а сами оставались в безопасном тылу...

– Не так мрачно, сударь, – сказал Лужехмур. – Чего уж тут безопасного, если мы помрем с голоду в этой дыре!

– Может быть, мне тоже удалось бы пролезть в эту дыру? – спросил Юстас.

А на самом деле с Джил произошло вот что. Едва высунув голову из дыры, она обнаружила, что смотрит не вверх, как из отверстия люка, а вниз, словно из окна второго этажа. От долгих ча-

сов в темноте глаза ее поначалу ничего не различали. Она разобрала только, что вокруг нее – не тот залитый солнцем дневной мир, который она мечтала увидеть. Стоял трескучий мороз, освещение было бледное и голубое. До нее доносился сильный шум, а в воздухе летало множество каких-то белых предметов. В этот-то момент и крикнула она Лужехмуру, что собирается встать к нему на плечи.

Как следует высунувшись из дыры, она стала видеть и слышать куда лучше. Доносившиеся до нее звуки оказались, во-первых, ритмическим топотом целой толпы, а во-вторых, музыкой, которую играли на четырех скрипках, трех флейтах и барабане. Джил осмотрелась. Оказалось, что она выглядывает из дыры в склоне крутого холма, на высоте метра в четыре. Все вокруг было белым-бело. Внизу теснилось множество созданий, при виде которых девочка широко раскрыла рот. Там были изящные маленькие фавны, длинноволосые дриады в венках из листьев. Приглядевшись, девочка поняла, что они двигаются не просто так, а в танце, состоящем из множества сложных фигур. И вдруг Джил осенило – холодный бледный свет исходит от луны, а белизна кругом – самый обыкновенный снег! Конечно же! В морозном черном небе сияли звезды. Длинные черные тени за спиной танцующих оказались деревьями. Значит, путники не только выбрались в долгожданное Надземье, но очутились в самом сердце Нарнии. У Джил от радости и от музыки закружилась голова быстрой, нежной, чуть чуть непривычной, и полной добрых чар.

Описывать все это долго, а на самом деле прошло всего мгновение, когда Джил повернулась к своим друзьям, чтобы крикнуть: «Эй, слушайте! Все в порядке! Мы выбрались! Мы дома!» Но успела она вымолвить только свое «эй, слушайте!» вот по какой причине. Вокруг танцующих кружил хоровод карликов, облаченных в свои лучшие наряды – алые камзолы с капюшонами на меху, пояса с золотыми кисточками и меховые высокие сапоги. Кружась, они усердно перебрасывались снежками, считай – теми белыми предметами, которые заметила Джил. Не то чтобы они кидались ими в танцующих, как какие-нибудь глупые английские мальчишки. Они бросали их на протяжении всего танца, точно в такт музыке, и только на тех, кто сбивался с ритма. Великим Снежным Танцем назывался этот ежегодный праздник, который в Нарнии справляют в первую лунную ночь, когда земля уже покрыта снегом. Конечно, тут не только танец, а еще и игра – то и дело танцоры все же немножко сбивались и получали снежком в лицо, к радости всех собравшихся. Ясными ночами, когда дикая лесная кровь этих созданий будоражится от грохота барабанов и уханья сов, они могут танцевать до утра. Хотел бы я, чтобы вы их увидели своими глазами!

Так вот, Джил сумела произнести всего два слова просто-напросто потому, что крупный и крепкий снежок, пущенный одним из карликов с дальней стороны хоровода, угодил ей точно в рот. Ничего против она не имела – настроения ей в этот миг не испортили бы и двадцать снежков! Согласитесь, однако, что даже самому счастливому человеку в мире трудно говорить с забитым ртом. А когда Джил, после долгих усилий, наконец, выплюнула весь снег, она от неожиданности и восторга забыла, что ее друзья до сих пор томятся во тьме и неизвестности. Недолго думая, она высунулась из дыры, как могла, и закричала танцорам:

– Эй! На помощь! Мы застряли внутри холма! Откопайте нас!

Нарнийцы, которые даже не заметили небольшого отверстия на склоне, весьма удивились и принялись вертеть головами во всех направлениях. Но стоило им увидеть Джил, как все они побежали к девочке, толпой полезли на холм, и вскоре на помощь ей уже тянулась добрая дюжина рук. Ухватившись за них, Джил выбралась из своей норы и вниз головой соскользнула с холма.

– Пожалуйста, откопайте моих друзей! – попросила она, встав на ноги. – Там еще трое и две лошади. И один из них – принц Рилиан.

Когда она произносила эти слова, ее уже окружила целая толпа

– к танцорам присоединились зрители, которых она поначалу не разглядела. С деревьев дождем посыпались белки, за ними стали спускаться совы. Вперевалку спешили ежи во всю прыть своих коротких ножек. Степенно подходили медведи и барсуки. Последней к толпе присоединилась крупная пантера, взволнованно крутящая хвостом.

Едва они поняли Джил, как сразу засуетились. Долбите, ребята, копайте! Копайте и долбите! Вперед, за кирками и лопатами! – закричали карлики, и тут же умчались в лес.

– Разбудите кротов, – сказал чей-то голос, – вот кто умеет копать не хуже карликов!

– Что там сказали о принце Рилиане? – спросил кто-то еще.

– Тс! – шикнула пантера. Бедняжка не в себе, да и неудивительно. Заблудиться внутри холма! Она сама не знает, что говорит.

- Верно, – согласился старый медведь. Она говорит, что принц Рилиан – это лошадь!
- Вовсе нет! – крикнула какая-то бойкая белка.
- А вот и да! – крикнула другая, еще бойчее.
- Д-да что в-вы! Что з-за глуп-пости! Эт-то ч – чистая правда!
- сказала Джил, стуча зубами от холода.

Одна из дриад тут же обернула ее в меховой плащ, который обронил один из карликов, когда убегал за своим заступом и лопатой, а какой-то услужливый фавн побежал между деревьями к костру у входа в пещеру, чтобы принести девочке горячего питья. Но не успел он вернуться, как из лесу выбежали карлики с инструментами и с ходу принялись вгрызаться в холм. Джил сразу же услышала крики: "Эй! Ты что? Опустим меч!", и «Ну – ка, юноша, полегче!», и «Каков мерзавец!». Джил поспешила к месту действия и не знала, то ли ей смеяться, то ли плакать, когда увидела побледневшего и перепачканного Юстаса, который, наполовину высунувшись из земли, неистово размахивал мечом, пытаясь ударить всякого, кто к нему приближался.

И неудивительно! Ведь Юстас провел последние несколько минут совсем не так, как Джил. Он слышал ее крик и видел загадочное исчезновение. Вместе с принцем и Лужехмуром он думал, что ее схватили враги. И он не мог знать, что голубоватый свет исходил от луны! Он считал, что этот лаз ведет в какую-то другую пещеру, озаренную жутким светом и населенную новыми врагами. Так что, когда он уговорил Лужехмура подставить ему спину, достал свой меч и высунулся из отверстия, то совершил своего рода подвиг. Принц и Лужехмур готовы были сделать тоже самое, но лаз был для них слишком узок. Впрочем, Юстас не смог выбраться так же ловко, как Джил. Он стукнулся обо что-то головой, и на лицо его посыпался чуть ли не целый сугроб. А когда он разлепил глаза, то увидел несколько десятков бегущих к нему созданий и решил, что их надо по крайней мере отпугнуть.

– Стой, Юстас, стой! – закричала Джил. – Это свои. Разве не видишь? Мы добрались до Нарнии! Все в порядке!

И тут Юстас, наконец, увидав ее, извинился перед карликами (те, правда, и не думали обижаться), и с помощью множества толстых волосатых ручек выбрался на поверхность точно так же, как за несколько минут до этого – его подруга. А Джил одним мигом взбежала на холм и, просунув голову в темный проем, прокричала добрую весть остальным. Высовывая же голову из отверстия, она слышала бормотание Лужехмура:

– Ах, бедняжка! Сколько испытаний! Это была последняя капля – теперь у нее видения начались...

Джил, подбежав к Юстасу, схватила его за обе руки; дети глубоко вдыхали свободный полуденный воздух. Юстасу принесли теплый плащ, потом обоих угостили горячим питьем. Пока они пили медленными глотками, карлики успели убрать со склона вокруг дыры весь снег и верхний слой дерна, они работали своими лопатами так же легко и весело, как десять минут назад плясали фавны и дриады. Всего десять минут! Но Джил и Юстасу уже казалось, что все их приключения в темной, жаркой и душной земной утробе им только приснились. Здесь, на холоде, в лунном свете, под крупными звездами (они к Нарнии ближе, чем к нашему миру), среди добрых, веселых лиц, трудно было вполне поверить в существование Подземья.

Они еще пили свой грог, когда прибыло с десятков кротов – полусонных, только что разбуженных и не слишком довольных. Но стоило им понять, в чем дело, как они охотно принялись за работу. Даже фавны помогали, отвозя землю в маленьких тачках, а что до белок, то они плясали и скакали от возбуждения – хотя Джил так до конца и не поняла, что они здесь считали своей работой. Медведи и совы ограничивались советами, уговаривая детей отправиться в пещеру, – отогреться и поужинать. Но ни Юстас, ни Джил и слушать об этом не хотели.

В нашем мире нет таких поразительных землекопов, как нарнийские карлики и говорящие кроты. К тому же они считают свою работу развлечением. Они любят копать. И потому довольно скоро в склоне холма открылась большая черная дыра. Из темноты в лунный свет вышел длинный, голенастый квакль в своей остроконечной шляпе, а за ним – принц Рилиан, ведущий двух лошадей. Для того, кто не знал всей истории, зрелище было бы жутковатое.

При появлении Лужехмура со всех сторон раздались возгласы: «Да это же квакль! Это старина Лужехмур! Старина Лужехмур с Восточных болот! Куда ты пропал, Лужехмур? Тебя же искали! Лорд Трампкин развесил повсюду объявления – даже награду обещал!». Но все мгновенно утихло – как в интернатской спальне, когда входит директор – как только увидели принца.

Никто не сомневался, что это был именно он. Многие говорящие звери, а также дриады, карлики и фавны помнили его еще со старых времен, до похищения принца колдуньей. Самые старые из них видели короля Каспиана в молодости и признали в принце сходство с отцом. Но я думаю, все в любом случае узнали бы принца. Да, он был бледен, утомлен и растрепан. Но в лице его сквозило нечто, присущее всем законным королям Нарнии, кто правил по воле Аслана и восседал в Кэр Паравале на троне короля Питера Славного. Все тут же обнажили головы и преклонили колена – а еще через миг начались такие крики радости, такие прыжки и кувырки, все принялись так обнимать и целовать друг друга, что у Джил на глаза навернулись слезы.

– Ваше высочество, – произнес самый старший из гномов, вон в той пещере есть скромный ужин, приготовленный по случаю Снежного танца...

– Охотно, отец мой, – произнес принц. Ибо никогда еще ни один принц, рыцарь, дворянин или путешественник не был так голоден, как мы!

Вся толпа направилась к пещере. Джил слышала слова Лужехмура, обращенные к сгрудившейся вокруг него толпе: «Да что вы, моя история может подождать. Даже и рассказывать нечего. Лучше расскажите, какие у вас новости. И не понемножку, а все сразу. Не попал ли король в кораблекрушение? Лесных пожаров не было? На границе с Калорменом спокойно? А драконы не появлялись?» И все создания вокруг со смехом повторяли: «Ах, квакли, квакли, все на один лад...»

Дети чуть не падали с ног от усталости и голода. Тепло пещеры, сам ее вид – с отблесками, пляшущими по стенам, шкафам, чашкам, тарелкам и по гладкому каменному полу, словно в деревенской кухне – придавал им новые силы. И все же они задремали в ожидании ужина. А принц Рилиан, собрав вокруг себя самых пожилых и мудрых карликов и говорящих зверей, рассказывал им о своих приключениях. Теперь все стало ясно: и как злая колдунья (несомненно, из той же породы, что та Белая Ведьма, которая в незапамятные времена наслала на Нарнию великие холода) замыслила свое черное дело, поначалу убив королеву, а потом заколдовав и самого Рилиана, и как вела она подкоп под Нарнию, собираясь захватить ее и править с помощью принца, и как он даже не подозревал, что страна, где он должен был стать королем (а на самом деле – рабом колдуньи), – его родина. А из рассказа о приключениях детей они поняли, что она была в сговоре со злыми великанами из Харфанга.

«Урок же из этого, ваше высочество, можно извлечь такой, – сказал самый старый карлик. – Цели у этих северных колдуний всегда одинаковые. Но в каждом столетии действуют они разными способами.

Глава ШЕСТНАДЦАТАЯ. РАНЫ ЗАЛЕЧЕНЫ

Проснувшись наутро в пещере, Джил на одну страшную секунду почудилось, что она снова в Подземье. Но стоило ей заметить, что она лежит на вересковом ложе, укрытая меховым плащом, что в каменном очаге играет веселое, будто только что разожженное пламя, а в устье пещеры льется утреннее солнце, как она сразу вспомнила всю счастливую правду. Чудный был ужин вчера, когда пещера была набита битком, и ничего, что они заснули, не дождавшись конца. Она смутно помнила шипение и восхитительный запах сосисок, которых было прямо-таки несметное количество. И не тех противных и длинных, состоящих наполовину из хлеба и соевой муки, а самых настоящих, из мяса, с перцем, толстых, огненно-горячих, со шкуркой, самую малость обгоревшей. А еще подавали огромные кружки пенистого шоколада и жареную картошку, и каленые орехи, и печеные яблоки, нафаршированные изюмом, и мороженое, чтобы освежиться после горячего.

Джил присела и огляделась. Лужехмур и Юстас спали неподалеку.

– Эй вы, вставать не намерены? – крикнула она.

– Шу! Шу! – раздался голос откуда-то сверху. – Пора ложиться. Пора отдохну-уть. Ту-у!

Батюшки! Джил вскинула глаза и увидала большой пушистый ком перьев, взгромоздившийся на старинные стенные часы в углу пещеры. – Да это же наша Сова!

– Угу, угу! – зашумела сова, высовывая голову из-под крыла и открывая один глаз. – Я прилетела часа в два и привезла послание для принца. Мы узнали, что он свободен. И он уже отправился в пу-уть, ух-тух! Спешите за ним. Всего доброго! – И ее голова вновь исчезла в перьях.

Поскольку никаких надежд разузнать у совы что-то еще не было, Джил встала с постели и

начала искать, где бы ей умыться и позавтракать. Но тут в пещеру вошел, цокая козлиными копытами по каменному полу, маленький фавн.

– А! Ты проснулась, наконец, дочь Евы! – сказал он. – Поскорее разбуди сына Адама. Через несколько минут вам нужно отправиться в дорогу. Два кентавра любезно согласились доставить вас верхом в Кэр Параваль. – Понизив голос, он добавил, что ездить на кентавре – неслыханная и небывалая честь. – Я никогда не слыхал, чтобы кентавры кого-то возили. Нельзя заставлять их ждать.

– Где принц? – спросили Юстас и Лужехмур, едва проснувшись.

– Отправился встречать отца в Кэр Параваль, – отвечал фавн, которого звали Оррунс. – Корабль его величества должен с минуты на минуту прибыть в гавань. Кажется, король повстречал Аслана – не знаю, во сне или наяву – еще не успев отплыть далеко, и лев велел ему отправляться назад, обещав, что потерянный сын будет ждать его в Нарнии.

Юстас уже встал и вместе с Джил помогал Оррунсу готовить завтрак. Лужехмуру было велено оставаться в постели. К нему должен был прийти кентавр Облакон, знаменитый лекарь, чтобы осмотреть его обожженные ступни.

– Ага, – сказал квакль не без удовлетворения. – Не удивлюсь, если ногу придется по колено отрезать. Наверняка лекарь захочет именно этого! – В постели, впрочем, он остался с радостью.

На завтрак подали яичницу с гренками. Юстас набросился на нее так, будто это не его среди ночи накормили обильным ужином.

– Слушай, сын Адама, – фавн уважительно посмотрел на набитый рот Юстаса, – пожалуй, не стоит ТАК УЖ страшно торопиться. Я думаю, кентавры еще не успели позавтракать.

– Неужто они так поздно встали? – спросил Юстас. – Уже ведь, небось, одиннадцатый час.

– Что ты, – отвечал Оррунс. – Они встают до зари.

– Так чего же они ждали своего завтрака так долго?

– Они и не ждали. Они начали есть, как только встали.

– Ну и ну! Сколько же они пожирают за своим завтраком?

– Разве ты не понимаешь, сын Адама? Ведь у кентавров два желудка, человеческий и лошадиный. И оба, конечно, требуют еды – каждый своей. Так что первым делом они едят кашу, почки, омлет с грудинкой, бутерброды с ветчиной и мармелад, запивают все это пивом и кофе, а потом заботятся о своих лошадиных желудках: часок с чем-то пасутся, заедают свежую травку пареными отрубями и овсом, а под конец получают пакет сахара. Вот почему приглашать к себе кентавра в гости – очень серьезное дело.

У входа в пещеру послышался цокот лошадиных копыт. Дети обернулись и увидели, что в пещеру, чуть склонив головы, заглядывают два кентавра. По прекрасной груди одного из них струилась черная борода, у другого – золотистая. Дети тут же стали очень тихими и быстро доели свой завтрак. Те, кто видел кентавров, не находят в них ничего смешного. Это торжественный, величавый народ, полный древней мудрости, которой их научили звезды. Кентавры редко веселятся или гnevаются, зато их гнев неумолим, как море в час прилива.

– До свидания, милый Лужехмур, – Джил подошла к постели квакля. – Извини, что мы называли тебя занудой.

– И меня тоже прости, – поддержал ее Юстас. – Ты – лучший на свете друг.

– Я думаю, мы еще увидимся, – добавила Джил.

– Вряд ли, вряд ли, – отвечал Лужехмур. – Я и до своего вигвама добраться не надеюсь. А принц этот – славный парень, но со здоровьем у него скверно. Совсем отошал, пока под землей томился. Явно не жилец.

– Лужехмур! – воскликнула Джил. – Старый притворщик! Вечно ты ноешь, как на похоронах, а сам, наверное, очень счастлив. И вечно ты делаешь вид, будто всего боишься, а на самом деле ты храбрый, как... как лев.

– Ну, если уж речь зашла о похоронах... – начал Лужехмур, но тут Джил, услышав, как за ее спиной переступают копытами кентавры, ужасно его удивила: крепко обняла за тонкую шею и поцеловала в землисто-серую щеку. Юстас крепко пожал кваклю руку, и дети побежали к кентаврам. А сам квакль-бродякль, откинувшись на подушки, заметил про себя: «Кто бы мог подумать, что эта девочка... Хотя, правда, я и на самом деле недурен собой».

Несомненно, ехать на кентавре – большая честь, тем более, что Джил и Юстас – единственные до сих пор из людей, кто ее удостоился. Но кроме того, это еще и ужасно неудобно. Оседлать

кентавра, если вам дорога жизнь, невозможно, а скакать на нем без седла – удовольствие весьма сомнительное, особенно, если вы как Юстас, никогда не катались на лошади. Но кентавры держались по-взрослому серьезно и вежливо. Всю дорогу через нарнийские леса, они не поворачивая голов, рассказывали детям о свойствах трав и корней, о влиянии планет на человеческие судьбы о девяти именах Аслана и их значениях, и о других вещах такого же рода. Детям было больно и тряско, и все же они отдали бы все на свете, чтобы снова повторилось это путешествие, чтобы вновь увидеть эти долины и склоны, на которых сиял выпавший ночью снег, чтобы встречать белок, зайцев и птиц, желающих им доброго утра, чтобы вновь вдохнуть воздух Нарнии и услышать голоса нарнийских деревьев.

Они спустились к голубой реке, сверкавшей в лучах зимнего солнца. Последний мост остался близ уютного городка Беруны с его красными крышами. Их перевезли через реку на плоской барже, где паромщиком был квакль-бродякль, ибо именно квакли занимаются в Нарнии всякой работой по части речек, воды и рыбной ловли. Переправившись, они поскакали по южному берегу реки к Кэр Паравалю и в самый миг прибытия увидели, как скользит по реке, подобно гигантской птице, тот самый корабль, который они видели в свой первый день в Нарнии. Весь королевский двор снова собрался на зеленеющей лужайке между дворцом и набережной, чтобы приветствовать вернувшегося домой короля Каспиана. Рилиан, сменивший свой черный наряд на алый плащ и серебряную кольчугу, стоял у самой воды с обнаженной головой, а за ним в повозке, запряженной осликом, восседал карлик Трамплин. Дети поняли, что им не пробиться к принцу через толпу, да они, пожалуй, теперь и постеснялись бы к нему приблизиться. Так что они попросили у кентавров разрешения еще немного посидеть на их спинах, чтобы увидеть все с высоты, и кентавры согласились.

Над водой разносилось пение серебряных труб. Матросы бросили канат. Крысы – разумеется, говорящие – и квакли пришвартовали корабль и принялись подтягивать его к берегу. Музыканты, скрытые толпой, начали играть торжественную музыку. Вскоре королевский галеон пристал к берегу, и крысы спустили трап.

Джил ожидала, что первым сойдет на землю старый король. Но тут возникло некоторое замешательство. На берег спустился один из лордов, и, сильно побледнев, преклонил колени перед принцем и Трамплином. Склонив головы все трое говорили так тихо, что никто не слышал ни слова. Музыка играла по-прежнему, но чувствовалось всеобщее смущение. Затем вышли на палубу четыре рыцаря с какой-то тяжелой ношей. Когда они стали медленно спускаться по трапу, все увидели, что на носилках лежит старый король, бледный и неподвижный. Они сошли вниз. Принц встал на колени у носилок и обнял отца. Дети увидели, как король Каспиан поднял руку для благословения. Народ закричал «ура», но не очень радостно. Что-то было явно не в порядке. И вдруг голова короля упала на подушку, музыканты умолкли и воцарилась гробовая тишина. Принц, все еще стоящий на коленях, склонил голову и зарыдал.

Толпа зашевелилась, послышался шепот. Джил заметила, что все, на ком были шапки, колпаки, шлемы или шапочки, обнажили головы – и Юстас в том числе. Она услышала шуршание и хлопанье – над замком опускали огромное знамя с вышитым золотым львом. А после этого зарыдали струны и закричали трубы, рождая мелодию, от которой разрывалось сердце.

Джил и Юстас спустились со своих кентавров.

– Мне домой хочется, – сказала Джил.

Юстас, молча кивнул, закусил губу.

– Я пришел, – раздался за ними глубокий голос. Обернувшись, они увидели льва, столь ярко-золотистого, такого настоящего и сильного, что по сравнению с ним сразу побледнело и стало казаться призрачным все остальное. Не прошло и мига, как Джил уже забыла о смерти короля Нарнии и помнила только, как она столкнула Юстаса со скалы и перепутала почти все знаки, и как они часто бранились и ссорились с Юстасом и Лужехмуром. Она бы сказала «Прости меня», но язык у нее словно отнялся. Лев подозвал их взглядом, нагнул голову, коснулся своим языком их лиц и сказал:

– Забудьте об этом. Я не стану бранить вас. Вы исполнили то, ради чего я посылал вас в Нарнию.

– Аслан, – сказала Джил, – ты теперь позволишь нам отправиться домой?

– Да, – ответил лев. – Для того я пришел, чтобы отправить вас домой.

Он широко раскрыл пасть и дунул. Но на этот раз они уже не летели по воздуху, наоборот:

казалось, они стоят на месте, а дыхание Аслана уносит в сторону и корабль, и мертвого короля, и замок, и снег, и зимнее небо. Все это исчезло, подобно кольцам дыма, и они внезапно очутились под ярким полуденным солнцем, на мягкой земле, среди могучих деревьев. Рядом с ними журчал чистый ручей. Дети снова были на Горе Аслана, высоко над Нарнией и далеко за ее пределами. Но странно – погребальная музыка с похорон короля Каспиана звучала по-прежнему, хотя и неясно было, откуда она доносится. Они шли за львом вдоль ручья. То ли от красоты Аслана, то ли от мучительно печальной музыки, глаза Джил наполнились слезами.

Аслан остановился, и дети остановились у ручья. Там, на золотистых камешках, устилавших дно, лежал мертвый король, и вода струилась над ним, словно жидкое стекло. Его длинная белая борода колыхалась в ручье, как водоросли. Все трое стояли и плакали. Даже лев плакал, роняя слезы, каждая из которых была ярче бриллианта.

Джил заметила, что Юстас плачет не детскими слезами, не теми, какими плачет мальчик, стараясь скрыть свое горе, но настоящими, взрослыми. Так ей, по крайней мере, показалось. На самом деле у людей на Львиной горе нет никакого особенного возраста.

– Сын Адама, – сказал Аслан, – зайди в эти заросли, сорви колючку, которую ты там найдешь, и принеси ее мне.

Юстас повиновался. Колючка оказалась почти с руку длиной и острая, как шпага.

– Вонзи ее мне в лапу, сын Адама, – сказал Аслан, подняв правую переднюю лапу и положив ее перед мальчиком.

– Так надо? – заколебался Юстас.

– Да, – ответил лев.

Сжав зубы, Юстас вонзил колючку в лапу льву. Оттуда выступила крупная капля крови – такой алой, какой вы никогда не видели и даже не представляли. Она упала в ручей прямо над телом короля. В тот же миг скорбная музыка умолкла. А мертвый король стал меняться. Его белая борода посерела, потом стала золотистой, потом укоротилась и исчезла. Его впалые щеки стали полными и свежими, морщины разгладились, глаза открылись – и он, засмеявшись губами и глазами, сразу вскочил и встал перед ними совсем молодым человеком, почти подростком. (Впрочем, трудно было точно сказать – мы уже знаем, что в стране Аслана у людей нет возраста. Но ведь и в нашем мире тоже, совсем по-детски выглядят только самые глупые дети, а совсем по-взрослому – только самые тупые взрослые.) Он подбежал к Аслану, по-королевски обнял его огромную шею и поцеловал его.

Наконец Каспиан повернулся к детям и засмеялся радостно и удивленно.

– Как! Юстас! Юстас! Значит, ты все-таки добрался до края света! Как насчет моего запасного меча, который ты сломал о морского зверя?

Юстас шагнул к нему, раскрывая объятья, но тут же отступил в нерешительности.

– Слушай, – промямлил он, – все это замечательно, но... Ты разве не... то есть в смысле, ты же...

– Не будь таким ослом, – сказал Каспиан.

– Но, – Юстас смотрел на Аслана, – разве он, хм, не умер?

– Да, – спокойно ответил лев. Джил даже показалось, что он улыбается. – Он умер. Большинство людей умерло, знаешь ли. Даже я умирал. Живут очень немногие.

– А! – воскликнул Каспиан. – Я понял, что тебя беспокоит. Ты думаешь, я призрак или еще какая-нибудь чушь. Разве ты не видишь? Появись я сейчас в Нарнии, я был бы призраком. Я теперь не живу в той стране. Но живу теперь в другой, – я у себя дома. Какой же я призрак? Наверное, я был бы привидением в вашем мире. Или он уже не ваш, раз вы теперь здесь?

Сердца детей осветила огромная надежда. Но Аслан покачал своей лохматой головой. «Нет, мои милые, – сказал он. – Когда мы встретимся здесь вновь, вы сможете остаться у меня навсегда. Но сейчас вы должны еще пожить в своем собственном мире».

– Сэр, – сказал Каспиан, – мне всегда хотелось хоть одним глазком взглянуть на их мир. Это грешное желание?

– Теперь, после смерти, у тебя не может быть грешных желаний, сын мой, – сказал Аслан. – Ты увидишь их мир – на пять минут их времени. Да, тебе хватит пяти минут, чтобы все там уладить. – И Аслан объяснил Каспиану, что ждет Юстаса и Джил в Экспериментальной школе. Оказалось, что он все о ней знает.

– Дочь моя, – сказал он Джил, – отломи веточку от этого куста.

Девочка послушалась. Веточка в ее руке сразу превратилась в тонкий хлыст.

– Теперь, дети Адама, обнажите ваши мечи, – продолжал Аслан.

– Но бейте только плашмя, ибо я посылаю вас против трусливых детей, а не против воинов.

– Ты пойдешь с нами, Аслан? – спросила Джил.

– Они увидят только мою спину, – сказал лев.

Он быстро провел их через лес, и в считанные минуты они оказались перед оградой Экспериментальной школы. Тут Аслан зарычал так, что в небе содрогнулось солнце, и в стене образовался пролом шириной метров в десять. Сквозь него они увидели заросли на территории школы, крышу физкультурного зала, и все то же серое осеннее небо, которое висело над школой перед тем, как они отправились в свой путь. Повернувшись к Юстасу и Джил, Аслан дунул на них и коснулся языком их лбов. Потом он улегся в проломе, обратив свою золотистую спину к Англии, а царственное лицо к своим собственным владениям. В ту же минуту Джил заметила, что сквозь лавровые кусты к ним бегут хорошо знакомые фигуры. Там была почти вся шайка и Адела Пеннифазер, и старший Чромондли, и Эдит Уинтерблот, и замарашка Сорнер, и верзила Баннистер, и гнусные близнецы Гарреты. Но они вдруг остановились с искаженными лицами, на которых почти всю тупость, жестокость, хитрость и подлость сменил неподдельный страх. И немудрено – они увидели, что в стене зияет пролом, что в нем лежит лев размером с молодого слона, и что на них несутся три вооруженные мечами фигуры в сверкающих одеждах. Вдохновленные Асланом, дети с Каспианом принялись за дело. Джил стегала девчонок хлыстом, а Юстас с королем колошматили мальчишек плоской стороной своих мечей. Не прошло и двух минут, как все негодяи уже разбегались с криками: «Убивают! Львы! Это нечестно!» А когда к стене подбежала директриса школы, то при виде льва, пролома в стене, Каспиана, Джил и Юстаса (которого она совершенно не узнала), с ней случилась истерика. Она тут же кинулась звонить в полицию, рассказывая о льве, сбежавшем из цирка, и о беглых уголовниках, которые ломают стены и размахивают мечами. Посреди всей этой суматохи Джил и Юстас прокрались к себе и переоделись, а Каспиан вернулся в свой собственный мир. Что до пролома в стене, то он исчез по одному слову Аслана. Вместо льва, разрушенной стены и уголовников прибывшая полиция обнаружила только директрису, которая вела себя, как сумасшедшая. Назначили расследование, в ходе которого выяснилось множество всяких сведений об Экспериментальной школе, и человек десять из нее исключили.

После этого друзья директрисы пришли к выводу, что это место не для нее, и ее назначили инспектором, чтобы она мешала другим директорам. Когда же обнаружилась непригодность и к этой работе, то ее протолкнули в парламент, где она, как говорят, «нашла себя».

Юстас как-то ночью тайком от всех закопал свои нарнийские одежды на школьном дворе, а Джил удалось увезти свой наряд домой и блистать в нем на маскараде. С тех пор дела в Экспериментальной школе стали меняться к лучшему, и она стала вполне хорошей школой. Джил и Юстас навсегда остались друзьями.

А далеко-далеко, в Нарнии, король Рилиан похоронил своего отца, Каспиана Десятого Морехода, и оплакал его. Он стал добрым правителем, и страна при нем процветала, хотя Лужехмур – чья нога, кстати сказать, за три недели совершенно зажила – частенько замечал, что за ясным утром следует дождливый день и что хорошие времена не могут длиться долго. Дыру на склоне холма сохранили. В жаркие летние дни нарнийцы нередко спускаются туда с лодками и фонарями, чтобы поплавать, распевая песни, по холодному и темному подземному морю, и рассказывать друг другу легенды о городах, лежащих в неведомой глубине. Если вам посчастливится попасть в Нарнию, не забудьте заглянуть в эти пещеры!